eISSN 2592-916X
ISSN 2592-9232

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного университета
Free University Journal 2023 #6 (5)

Государство и война

freeuniversity.education • freeuniversity.pubpub.org

PALLADIUM • ПАЛЛАДИУМ • ΠΑΛΛΑΔΙΟΝ
2023 #6 (5)

Государство и война

Brīvās Universitātes Žurnāls
Журнал Свободного университета
Free University Journal

Свободный университет работает
при поддержке Zimin Foundation
www.ziminfoundation.org

Palladium • Палладиум • Παλλάδιον

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного университета •
Free University Journal

eISSN 2592-916X • ISSN 2592-9232 • DOI: 10.55167/82c438e14763

2023 #6 (5) «Государство и война»
DOI: 10.55167/52333846.6acd4f89

Главный редактор журнала Илья Шаблинский

Рисунок на обложке Марина Садомская

Ответственный за выпуск Владимир Харитонов

Свободный Университет
freeuniversity.education

Издательство Свободного Университета
freeuniversity.pubpub.org

В издательстве Свободного университета вышли в свет книги:

• Елена Лукьянова «Конституционные риски 2»

• Елена Лукьянова, Илья Шаблинский
«Авторитаризм и демократия» (2-е изд.)

• Ольга Крокинская «Жизненный мир за закрытой дверью:
Университет на карантине и в дистанте»

• Елена Лукьянова, Евгений Порошин
(при участии Андроника Арутюнова, Сергея Шпилькина
и Екатерины Зворыкиной) «Выборы строгого режима»

• Анатолий Кононов «Особое мнение судьи Кононова»

• А также четыре номера журнала «Palladium»:
#1 «Город как текст»
#2 «Современные угрозы свободе»
#3 «Социология войны»
#4 «Ролан Барт и культура демократического общества»
#5 «Мир и война. Двойная оптика»

Содержание

Content

Философия

История и свобода на востоке Европы. К осмыслению постсоветского периода

Михаил Минаков
Старший научный сотрудник Международного научного центра им. В. Вилсона, профессор Свободного университета (Brīvā Universitāte, Латвия). mikhailminakov1971@gmail.com

Аннотация: Данная статья является попыткой философского осмысления постсоветского периода (1989–2022). Автор рассматривает становление, развитие и завершение периода в терминах «постсоветской тетрады», включающей демократизацию, развитие рыночных экономик, специфичное национальное строительство и интеграцию новых государств региона в рамках Европы. Основываясь на анализе динамики и результативности этих четырех процессов, автор приходит к выводу о завершении постсоветского периода в 2022 году и «хрупкости» политико-правовых оснований для свободы, заложенных постсоветским транзитом.

Ключевые слова: постсоветский транзит, история, цезура, демократизация, рынок, национализм, европеизация

DOI: 10.55167/103ed4b8ccaf

С началом полномасштабного вторжения Российской Федерации в Украину в 2022 году народы востока Европы и севера Евразии окончательно вышли из постсоветского состояния. «Постсоветский период», начавшийся в 1989–1991 годах, закончен, а «постсоветское пространство» потеряло последние общие очертания. Импульс, запустивший тенденции, которые структурировали политические, экономические и международные отношения в последние три десятилетия в данном регионе, окончательно угас. Оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать, что эффект «исторической колеи» снова сработал: в большинстве политических, правовых и экономических систем, которые возникли на руинах Советского Союза, свобода так и не укоренилась, а интеграционные попытки завершились углубляющимся геополитическим и военным конфликтом. Хрупкость и недолговечность постсоветской свободы во всем многообразии форм этой практики подтверждает

гипотезу о том, что историю — длинные исторические процессы — необходимо принимать во внимание как важный фактор, оказывающий влияние — поддерживающее или препятствующее — на либерально-демократические результаты политико-правовых систем. И этот урок необходимо учитывать при новом государственном строительстве в эру, рождающуюся в нынешней росийско-украинской войне и углубляющемся конфликте Запада и России.

1. Рамки рассмотрения проблемы

Хотя в политической науке последнего тридцатилетия дискуссии о демократизации и о причинах ее провалов продолжаются, к нашему времени достигнут своеобразный консенсус о трех типах факторов, подрывающих стабильность демократий:

1. институциональные (президенциализм, федерализм и слабость конституции),
2. социетальные (расколотое общество, неэффективная экономика и неблагоприятная для свободы история),
3. смешанные (фрагментация элит, поляризация населения и дестабилизация госуправления)[1].

Историю как фактор подрыва демократического успеха особенно выделяют такие исследователи, как Стивен Фиш[2], Владислав Иноземцев[3], Александр Аузан[4], Дирк Берг-Шлос-

1. См.: *Diskin A., Diskin H., and Hazan R. Y.* Why democracies collapse: The reasons for democratic failure and success // International Political Science Review. 2005. Vol. 26. No. 3. P. 291–309; *Benjamin Isakhan*. Edinburgh companion to the history of democracy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015; *Anna Lührmann, and Wolfhang Merkel*. Resilience of Democracy: Responses to Illiberal and Authoritarian Challenges. New York: Routledge, 2023.

2. *Steven M. Fish*. Democracy derailed in Russia: The failure of open politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

3. *Владислав Иноземцев*. Демократия: насаждаемая и желанная. Удачи и провалы демократизации на рубеже тысячелетий // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 34–46.

4. *Александр Аузан*. Развитие и «колея» зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Том 61. № 10. С. 96–105.

сер[5], Сева Гуницки[6] и Лев Гудков[7]. Эти исследователи, к какой бы дисциплине они ни принадлежали — политической истории, политологии, экономике или социологии, разделяют взгляд на демократизацию как на процесс, уязвимый для культурно-исторических влияний и который редко достигает своих целей. Используя разного рода эмпирические данные, эти исследователи демонстрируют, что демократизация является своего рода отклонением от «исторической нормы» или кратковременным этапом длинных циклов, в которых практики свободы случайны и не укоренены в культурные и социальные структуры.

Хотя работы данных исследователей обладают определенной пессимистической прогностической силой, не меньшей силой обладают и «оптимистические» исследования, указывающие на то, что свобода и демократия как практики присутствуют в истории всех человеческих сообществ с древнейших времен[8], и что «волны демократизации» — несмотря на периоды «автократических волн» — вовлекают все большее число современных обществ и в целом ныне живущее человечество в построение государств и экономик, основанных на политических и экономических свободах[9]. Тезис Гегеля и Хантингтона о возрастании роли свободы в развитии человечества, при всех отличиях понимания ее природы у этих мыслителей, в данных работах получает солидное эмпирическое подтверждение.

В этой дискуссии я придерживаюсь позиции «осторожного оптимиста». Я разделяю убеждение в том, что практики

5. *Dirk Berg-Schlosser*. Determinants of democratic successes and failures in Africa // European Journal of Political Research. 2008. Vol. 47. No. 3. P. 269–306.

6. *Seva Gunitsky*. Democratic waves in historical perspective // Perspectives on Politics. 2008. Vol. 16. No. 3. P. 634–651.

7. *Лев Гудков*. Возвратный тоталитаризм. В 2 т. Москва: НЛО, 2022.

8. *Isakhan*, Op. cit., p. 8ff.

9. *Ronald Inglehart, and Christian Welzel*. Changing mass priorities: The link between modernization and democracy // Perspectives on Politics. Fall 2010. Vol. 8. No. 2 P. 553; *Anna Lührmann, and Wolfgang Merkel*. Resilience of Democracy: Responses to Illiberal and Authoritarian Challenges. New York: Routledge, 2023, p. 4ff.

свободы — неотъемлемая часть человеческого существования. Однако такою же неотъемлемой частью существования является и подчинение. В процессе долгой глобальной модернизации эти оба элемента вступают в обостренное противоречие при построении современных политико-правовых систем и экономик, в результате чего в части регионов и на определенное время «побеждает» свободное начало, а в других местах и другие времена — начало подчинения. Но в этом неустойчивом балансе все же свобода имеет перевес: модернизация предполагает эмансипацию индивида, — и даже принуждение к свободе. И хотя демодернизационные стратегии позволяют автократиям на время побеждать, в средне и долговременной перспективе практики они проигрывают творческой силе свободных обществ[10].

В контексте этой дискуссии и с указанных позиций «осторожного оптимизма» я хотел бы рассмотреть опыт народов востока Европы и севера Евразии и процессы, которые не позволили практикам свободы преодолеть свою хрупкость в постсоветском состоянии. Таким образом распад Советского Союза следует рассматривать как историческое событие, давшее долгосрочный импульс для развития постсоветских народов в последние приблизительно тридцать лет. Постсоветское состояние — это исторический период для указанного региона, развитие которого проходило под заметным влиянием импульса распада советских структур и открытия возможностей для построения свободных обществ, государств и экономик. Таким образом, становление и упадок постсоветского состояния можно проследить по четырем направлениям, то есть по тому, как данный импульс реализовался в политических, экономических, социальных и регионально-интеграционных процессах. Следуя языку активных участников этих процессов в начале 1990-х годов[11], эти направления следует назвать

10. *Михаил Минаков*. Диалектика современности в Восточной Европе: опыт социально-философского осмысления. Киев: Laurus, 2020.

11. Анализ этого языка самоописания произведен в: *Mykhailo Minakov*. The Transition of "Transition": Assessing the Post-Communist Experience and Its Research. In: *Ostap Kushnir et al.* eds. Meandering

демократизацией (т. е. создание либерально-демократических политических и правовых систем и соответствующих им гражданских культур), «маркетизацией» (т. е. развития рыночных экономик, а также связанных с ними практик и ценностей), «национализацией» (т. е. целенаправленную работу по созданию новых наций, в которые были бы укоренены демократическое государство и рынок) и европеизацией (интеграцией народов, политико-правовых систем и экономик европейского континента на основе общих базовых либерально-демократических ценностей и норм). В совокупности эти четыре направления развития составили постсоветскую трансформационную тетраду — модель, в терминах которой можно описать посткоммунистический транзит в данном регионе и в указанный период времени.

Конечно, данные рамки имеют свои ограничения. За рамками этой модели скрываются постсоветские социальные реальности разных обществ, их центральных и периферийных частей, выходящие далеко за пределы указанных четырех направлений. Кроме того, несмотря на общий импульс, динамика изменений существенно различалась в процессах демократизации, развития рынка, становления новых наций и европейской интеграции. Эти изменения зачастую противоречили друг другу, подрывая общий результат развития. Тем не менее, у них была общая судьба: первоначальный импульс постсоветских революций постепенно угасал по мере того, как притяжение других внешних политических образований начинало определять процессы в нашем регионе, а указанная тетрада теряла свою влиятельность на развитие региона. Так, демократизация уступала место автократизации, свободные рынки поддавались «системной коррупции», национальное строительство разрывалось между гражданским и этническим национализмами, а европеизация металась между интеграционными проектами Совета Европы, Европейского Союза, НАТО, а также альтернативными ей проектами (Содружество независимых государств (СНГ), Организация договора о коллектив-

in Transition: Thirty Years of Identity Building in Post-Communist Europe. Lanham: Rowman & Littlefield, 2021. P. 25–41.

ной безопасности (ОДКБ), Евразийского Союза или Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)).

2. История и постсоветская ситуация

Для целей данной статьи, я предлагаю рассматривать историю как диалектически сложное сочетание дления и цезуры, которое одновременно — в социальной реальности и в нашем воображении — относится к прошлому и настоящему человечества, всех сообществ и каждого человека. Дление связано с коллективными усилиями людей проживать временные периоды в определенных местах (в малых локациях и больших регионах), оставляющими материальные и культурно-смысловые следы индивидуального и коллективного соприсутствия. Цезуры же — это моменты разрыва длящихся процессов, переживаемые и осмысляемые людьми как кризисы — социальные, политические, экономические или экологические — т. е. моменты, которые прерывают дление одних событий и открывают возможности для новых. Таким образом, дление — это исторический элемент, дающий человеческому творчеству место и время для реализации, а цезура — исторический элемент, позволяющий одной непрерывности полностью или частично прекратиться, и дающая новому длению возможность начаться. Взаимодействия и взаимоподрывы длений и цезур составляют структурную канву истории.

С точки зрения современной онтологии, история — это сеть, в которой акторами выступают люди, вещи и идеи в определенный исторический период, а также геоклиматические условия, в которых взаимодействуют люди, вещи и идеи[12]. В длении эти сети функционируют продуктивно, позволяя реализовываться существенным особенностям всех — человеческих и нечеловеческих — акторов во взаимо- и противо-

12. *Gabrielle Durepos, and Albert J. Mills*. Actor-network theory, ANTi-history and critical organizational historiography // Organization. Vol. 19. No. 6. P. 703–721; *Graham Harman*. Object-oriented ontology: A new theory of everything. London: Penguin, 2018; *Mikhail Minakov*. Towards an Ontology of the Caesura. Reflections on the Russian-Ukrainian war // Κοινὴe. 2022. Vol. 2. P. 67-80.

действии. Однако во время цезуры сети рвутся, а человеческие акторы (некие большие или малые группы, организованные вокруг некой исторически значимой идентичности, созданной этой или иными сосуществующими группами) переживают уникальный опыт встречи с Ничто. В момент этой встречи, Ничто полагает конец существованию и самоосознанию группы (как происходило со многими сообществами в прошлом) или нескольких групп (например, это может произойти в случае глобальной ядерной войны или экологической катастрофы). Но эта же встреча является экзистенциальным вызовом, который создает условия для выбора в пользу бытия, нового события и нового самопонимания, запускающего новое дление, структурированное новой сетью акторов. Именно тут сообщество может набросить в пустоту Ничто свой новый проект и наполнить его энергией человеческого существования, эффектами вещей и идей, а также теми возможностями, которые диктуют геоклиматические условия. Следовательно, история — это констелляция событий и повествований, а также их срывов, где различные акторы завершают, начинают и длят свои проекты, сосуществуют в сетях, а также рассказывают и пересказывают свои истории о них и себе.

Говоря о цезурах важно понимать, что они бывают весьма различными. В рамках естественной истории они происходят как жизненно важные радикальные изменения, подобные тем, что превращали один геологический период в другой и что существенно отражалось на формах жизни на планете Земля. Цезуры политической истории можно наблюдать в моменты войн или революций, приводящих к изменению демографии, социальных порядков или политических систем — и соответствующих представлений о них. Также важно помнить, что цезуры могут быть лишь попытками радикального конца и начала, но эти попытки не достигают необходимой глубины для того, чтобы разрыв какого-то исторического процесса произошел. В этих случаях энергия дления оказывается сильнее энергии цезуры, и процессы возрождаются после неудачной цезуры.

Ярким примером цезуры в социально-политической истории является момент 1989–1991 годов, когда распались «Восточный блок» и СССР. Для сообществ, живших между

Адриатикой и Белым морем, от Альп до Камчатки, те несколько лет стали моментом переоценки своей недавней истории и связанных с нею идентичностей, отказа от политических систем, основанных на советском коммунистическом воображении, и, самое главное, для запуска новых коллективных социально-политических проектов, формирующих новый исторический период и связанные с ними акторные сети.

Постсоветский период начался с цезуры 1989–1991 годов, когда дление советского строя было нарушено, и открылись возможности для нового исторического периода со своим специфическим состоянием. Постсоветский период касался пространства, наполненного государствами, обществами и сообществами, которые сформировались после распада Советского Союза. Временные рамки этого периода ограничены примерно тридцатью годами между цезурой 1989–1991 годов и новой цезурой, проявившейся в большой российско-украинской войне в 2022 году. С точки зрения историософии, постсоветский период можно представить как время-пространство высвобождения энергии человеческого творчества в аспектах политики, гражданственности, религии, предпринимательства или этнонациональной эмансипации. Это творчество во многом вовлекало в акторные сети, функционировавшие на востоке Европы и севере Евразии, идеи и модели, порожденные западными обществами и сетями. Среди импортированных моделей, менявших жизнь и представления о ней в сообществах нашего региона, были либеральная демократия, свободный рынок, национальное государство и Европа как регион мира и сотрудничества. Для сообществ, проживавших в «Восточном блоке» и СССР, цезура 1989–1991 годов стала революционным моментом, открывшим возможности для построения функциональных демократий, открытых рыночных экономик, новых национальных государств и обществ, вдохновленных идеалами единой, свободной и мирной Европы.

Важно отметить, что само слово «постсоветское» означает в первую очередь *анти*советское, противопоставляемое советскому как на практике, так и в политическом воображаемом. Другими словами, постсоветский период и его тетрада определялись двумя детерминанатами:

1. преодолением травм, нанесенного советским коммунистическим воображением и практиками жизненным мирам и сообществам востока Европы и севера Евразии;
2. поиском путей в будущее сообществ и сетей на основе эмансипации человеческого творчества, определяемого, увы, во многом первой детерминантой — отрицанием советского прошлого.

Исторические события и самоописания начальных лет постсоветского периода были крайне разнообразны, но очень сильно связаны с советским прошлым, которое одновременно воодушевляло и подавляло политическое воображение и творчество сообществ региона. Таким образом, четыре основных направления постсоветской трансформации — демократизация, «маркетизация», «национализация» и европеизация — понимались и практиковались травмированными индивидами, сообществами и акторными сетями.

Наконец, как показали события и нарративы постсоветского периода, цезура 1989–1991 годов имела разную глубину и по-разному обрывала советское дление в разных постсоветских сообществах. Эта цезура была разной в Алматы, Киеве, Москве, Риге или Тбилиси. Она сильно отличалась по своей специфике в отдаленных сельских районах и ведущих урбанистических центрах. Встреча с Ничто протекала по-разному в Сумгаите и Одессе, Владивостоке и Таллинне. И эти различия в глубине постсоветской цезуры влияли на динамику и результативность постсоветского транзита.

3. Динамика и результативность постсоветского транзита

3.1. Демократизация

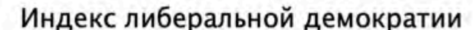
Постсоветское государственное строительство и политические процессы на востоке Европы и севере Евразии запускались и долгое время происходили в рамках глобального процесса,

называемого «третьей волной демократизации»[13]. Соответственно, разрушение политической системы и военной машины СССР дало возможность народам «соцлагеря» и распавшегося Союза реализовать свое политическое творчество: они получили исторический шанс построить государства, чья легитимность и эффективность представлялась связанной с принципами либеральной демократии и верховенства закона. Это означает, что новые государства — даже если они восстанавливали свою государственность революционной или межвоенной поры, как в Грузии, Латвии, Литве или Эстонии — замышлялись и создавались как республики с разделением трех ветвей власти, с делением органов власти на центральные и местные (самоуправляемые) и, памятуя о советском опыте, с сильной защитой прав человека и гражданских свобод. Новые государства создавались как политико-правовые системы, ориентированные на «западные демократии», но со своими собственными особенностями. Так, новые правовые и политические системы должны были гарантировать, что коммунистическая диктатура никогда не вернется. Или что одной политической партии и одной государственной идеологии никогда больше не будет позволено контролировать все ветви и центры власти, СМИ и общество в целом. Кроме того, новые партийные системы и возникающий идеологический плюрализм должны были создать сильных конкурентов любой радикальной политической группе с тоталитарными планами. А конституционная и правовая системы создавались для обеспечения как будущей свободы, так и невозврата к прошлому.

Если мы сравним индекс либеральной демократии[14] пяти стран региона, отобранным по типу их постсоветской динамики, — скажем, Венгрии, Польши, России, Украины и Эстонии, то увидим, что в 1989–1991 годах и в первые годы после цезуры во всех случаях новые властные элиты и общества заложили

13. *Samuel P. Huntington.* Democracy's third wave // Journal of Democracy. March 1991. Vol. 2. No. 2. P. 12–34.

14. В данной статье я пользуюсь измерением индекса либеральной демократии в базе данных «Разнообразие демократии»: *Varieties of Democracy.* URL: https://v-dem.net/about/v-dem-project/methodology/.

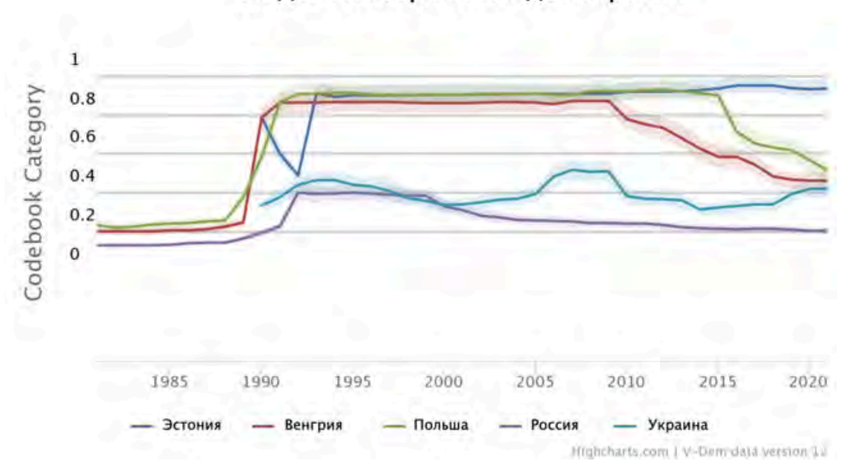

График 1. Индекс либеральной демократии для Венгрии, Польши, России, Украины и Эстонии, 1981–2021 гг.

основы для политических систем поддерживающих свободы и права граждан (см. график 1). Показатель либеральной демократии, измеряемый исследовательской группой «Разнообразия демократий», определяет, насколько политическая система уважает гражданские свободы, верховенство закона, независимую судебную систему и действенность системы сдержек и противовесов. График 1, таким образом, показывает, как развивающиеся государства институционализировались в соответствии с широко распространенными представлениями, связанными с третьей моделью демократизации. Либеральный принцип демократии, который придерживается «негативного» взгляда на политическую власть и судит о качестве демократии по ограничениям, налагаемым на правительство, является адекватным мерилом именно для постсоветского государственного строительства.

График 1 также демонстрирует, что после начального этапа усилий по демократизации (1989–1991) путь пяти стран изменился. Эстония, Венгрия и Польша, как и многие другие страны этого типа, близкие к старым европейским демократиям, переживали более сильное тяготение к западным полити-

ческим и правовым системам, в связи с чем они продолжали дальнейшее внедрение выбранной модели, по крайней мере, в течение двух десятилетий (до 2008–2010 годов). Однако российский и украинский политические режимы, как и страны этого типа, начали менять свою приверженность к избранной модели уже в середине 1990-х годов, а в XXI веке обе страны вступили с заметными автократическими тенденциями.

Ранняя постсоветская автократизация была столь же хрупкой, как и демократизация. Среди стран избранной пятерки автократизация была полностью реализована лишь в России во время правления Владимира Путина. В то же время общество Украины дважды продемонстрировало возвращение к демократическому выбору во время протестов (т. н. «майданов») 2004–2005 и 2013–2014 годов. В целом же, за последние тридцать лет украинское общество пережило две волны демократизации и два периода автократизации, в то время как население России живет в условиях продолжающегося автократического тренда уже более двадцати лет.

Впрочем, во втором десятилетии XXI века тенденция демократизации теряет свою энергию не только в России (и в целом севере Евразии), но и в Центральной Европе. Если странам Балтии удалось сохранить свое либерально-демократическое качество по крайней мере до 2022 года, то Венгрия и Польша явно отказались от либеральной модели примерно с 2015 года. В этот момент посткоммунистический импульс либеральной демократизации ослаб, а «третья волна автократизации» склонила властные элиты региона к «иллиберальному повороту»[15]. В целом же, выходя за рамки измеряемой пятерки стран, можно утверждать, что политические системы востока Европы и севера Евразии разделились на три типа:

1. государства, все еще отстаивающие достижения демократизации (страны Балтии и Молдова);

15. См. об этом: *Anna Lührmann & Staffan I. Lindberg*. A third wave of autocratization is here: what is new about it? // Democratization. September 2019. Vol. 26. No. 7. P. 1095–1113; *Gábor Halmai*. Illiberalism in East-Central Europe // Routledge Handbook of Illiberalism. London: Routledge, 2021. P. 813–821.

2. нелиберальные демократии (большинство стран центральной и восточной Европы, Армения и Грузия);
3. автократические и авторитарные государства (Азербайджан, Беларусь, Россия и все пять стран Центральной Азии[16]).

Итак, можно с уверенностью говорить, что во второй декаде XXI века постсоветский либерально-демократический импульс был исчерпан и в нынешнее время не определяет политические процессы указанных стран.

3.2. Развитие постсоветских рыночных экономик

Постсоветская «маркетизация», т. е. развитие рыночных экономик и соответствующего ей экономического воображения и других элементов акторной сети, была направлена на создание новых экономических систем, ориентированных на неолиберальную рыночную модель и участие в глобальной экономике. Все общества постсоветского региона заплатили немалую цену за экономические преобразования, выразившуюся в огромных потерях ВВП и доходов домохозяйств в начале-середине 1990-х годов, а также в возврате к обществам, основанным на значительном расслоении на богатых и бедных[17]. Глубокие и всеобъемлющие экономические реформы предполагалось провести с помощью приватизации огромного социалистического индустриального наследия, создания предпринимательского класса и формирования эко-

16. Слабым звеном в «авторитарном поясе» востока Европы и севера Евразии является Кыргызстан, чье общество не раз пыталось вернуться к демократическому пути развития. Однако «демократический результат» каждой революционной попытки тут постепенно снижался и достиг минимума к 2023 году. См.: *Dzhamilia Asanbekova et al*. Political System in the Sovereign Kyrgyzstan // Open Journal of Political Science. 2021. Vol. 11. No. P. 266–299.

17. Об этом см.: *Pia Horvat, and Geoffrey Evans*. Age, inequality, and reactions to marketization in post-communist Central and Eastern Europe // European Sociological Review. Vol. 27. No. 6. P. 708–727; *Anders Aslund*. How capitalism was built: the transformation of Central and Eastern Europe, Russia, the Caucasus, and Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

График 2. ВВП по ППС Венгрии, Польши, России, Украины и Эстонии, 1990–2021 гг.

номически самодостаточных граждан-потребителей (так называемого «среднего класса»), которые не хотели бы зависеть от правительства и были бы движущей силой как рынка, так и спроса на демократические реформы. Таким образом, новая социально-экономическая структура с новыми классами была бы фактором, внедряющим практики свободы в политической и экономической сферах и предохраняющим от возвращения советских экономических принципов и моделей.

В большинстве случаев, до мирового финансового кризиса 2008 года большинство стран региона, включая Венгрию, Польшу, Россию и Эстонию, преодолели падение, обеспечили экономический рост на новой социально-экономической основе и значительно увеличили свой валовый продукт в конце постсоветского периода.

Некоторые из постсоветских стран, включая Украину (данные о которой отражены в графике 2), Армению, Грузию и Молдову, не смогли создать экономические системы, которые позволили бы создать класс экономически самодостаточных граждан. Так, например, в Украине рост ВВП был крайне

Экономическая свобода в Эстонии, Венгрии, Польше, России и Украине, 1995–2022 гг.

ограниченным, несмотря на приверженность ее населения демократическому выбору. Сочетание политической свободы и экономического неблагополучия дало возможность для возникновения сильной коррупции и становления влиятельной олигархии. Олигархические кланы организовали множество «патрональных пирамид», постоянная конкуренция которых не позволяла ни автократам, ни либеральным демократам полностью преуспеть в управлении Украиной[18]. Также олигархия не позволила экономической свободе закрепиться в Украине.

Если в западной и центральной Европе в послевоенный период (с 1945 года) демократия и рыночная экономика в целом поддерживали друг друга, то на востоке Европы и севере Евразии экономический рост способствовал созданию единой патрональной пирамиды и автократического режима[19]. Такие

18. *Henry E. Hale*. Patronal politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

19. *Marie Lavigne*. The economics of transition: from socialist economy to market economy. New York: Bloomsbury Publishing, 1999; *Henry E.*

экономики поддерживали сворачивание раздельных ветвей власти в единую «властную вертикаль». Более того, чем дальше на восток от «старых демократий» Европы, тем менее экономически свободными были постсоветские общества. Таким образом, экономический успех не обязательно поддерживал политические и экономические свободы, а зачастую подавлял их. А экономическая свобода не обязательно обуславливала быстрый рост ВВП или политическую свободу, как видно из графика 3[20].

3.3. Развитие постсоветских наций

Третьим ключевым элементом постсоветского транзита была «национализация». Национализация — процесс укоренения новых государств в новых нациях. Обычно, под нацией понимают исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшую на базе общего социального и культурного опыта. Но постсоветская национализация была весьма специфичной: государственное строительство совпадало тут с процессами разложения советской общности и возникновения новых национальных сообществ. Нации не успевали сформироваться до государственного строительства, а шли рука об руку — или в конкуренции друг с другом. Так, хрестоматийной являлась разница в национальном строительстве Украины и Беларуси. У первой национализация общества происходила относительно быстро, и зачастую подрывала развитие государственных институтов. Например, государственная бюрократия не успевала сложиться из-за частых ее сносов в результате майданов. В то же время, госучреждения Беларуси развивались быстрее, чем национализировалось общество. И хотя массовые белорусские протесты 2020 года показали высокий уровень социаль-

Hale. Russian patronal politics beyond Putin // Daedalus. March 2017. Vol. 146. No. 2. P. 30–40.

20. Особенно заметно противоречие между политической и экономической свободами на примере Украины в период после «Оранжевой революции» 2004–5 годов: несмотря на значительную либерализацию в политике, экономические свободы были в упадке.

ной национализированности, государство выиграло у общества в противостоянии[21].

Ожидалось, что постсоветская национализация будет способствовать делу свободы. Согласно постсоветскому воображению, успех демократических и рыночных реформ зависел от их стабильной поддержки устойчивым большинством населения. Было принято считать, что ограниченный национализм (будь то гражданский или этнический национализм) может создать такое большинство, а его идентичность будет поддерживать либеральную демократию и рыночную экономику — или, по крайней мере, не будет им враждебным[22]. Поэтому постсоветское государственное строительство велось не только и не столько на основе демократических и правовых принципов, сколько на основе национальной идентичности, обеспечивавшей среду для укоренения государственности, а также политической и экономической систем[23]. В рамках такого политического воображаемого, ориентированного на национальную идентичность, сложные государства — будь то Советский Союз, Югославская Федерация или даже двунациональная Чехословакия — не могли существовать. А идентичности, сфокусированные на воображаемом большинстве, маргинализировали этнические, лингвистические и конфессиональные группы.

В XXI веке эти идентичности все более связывали себя с традицией и национал-консервативным воображением, сильно повлиявшим на постсоветские властные элиты и обра-

21. Подробнее об этом см.: *Mikhail Minakov*. The Protest Movements' Opportunities and Outcomes: The Euromaidan and the Belarusian Protest–2020 Compared // Protest. 2022. Vol. 1. No. 2. P. 272–298.

22. *Vladimir Tismaneanu*. Fantasies of Salvation: Democracy, Nationalism, and Myth in Post-Communist Europe. Prinston: Prinston University Press, 2009; *Rogers Brubaker*. Nationalizing states revisited: projects and processes of nationalization in post-Soviet states // Ethnic and Racial Studies. 2011. Vol. 34. No. 11. P. 1785–1814.

23. *Stefano Bianchini, and Mikhail Minakov*. State-Building Politics after the Yugoslav and Soviet Collapse — The Western Balkans and Ukraine in a Comparative Perspective // Southeastern Europe. 2018. Vol. 42. No. 3. P. 291–304.

зовательные системы. Измерить национализацию в каком-нибудь «индексе национального строительства», кажется, невозможно. Однако своего рода мерилом этого процесса может служить быстрое и повсеместное принятие постсоветскими властными элитами логики национализма, проявившимся как в межэтничных и межгосударственных конфликтах 1990-х годов, так и в «конфликтах памятей» начала 2000х, а так и в понимании агрессии Российской Федерации против Украины в 2014 и 2022 годов[24].

3.4. Постсоветская евроинтеграция

Новосозданные нации востока Европы и севера Евразии вступили в XXI век с национальными государствами, где противоречия между либеральной демократией и национализмом должны были быть сняты европеизацией. Европеизация, четвертая основная тенденция постсоветского транзита, была региональным и международным процессом, обеспечивавшим интеграцию политических и экономических систем, обществ и культур в едином культурно-правовом пространстве. Во многом внутриполитические процессы в посткоммунистических обществах происходили под влиянием той идеи, что европейские народы будут жить в общем пространстве мирного сосуществования. Проект «Единой Европы» (также известный как «Общий европейский дом») находился под сильным влиянием воображения поколения Горбачева-Коля (или Хаберма-

24. *Lubomyr Hajda*. Ethnic politics and ethnic conflict in the USSR and the post-soviet states // Humboldt Journal of Social Relations. 1993. Vol. 2. No. 1. P. 193–278; *Georgiy Kasianov, and Philipp Ther,* eds. A laboratory of transnational history: Ukraine and recent Ukrainian historiography. Budapest: Central European University Press, 2008; *Rogers Brubaker.* Nationalizing states revisited: projects and processes of nationalization in post-Soviet states // Nationalism, ethnicity and boundaries. London: Routledge, 2014. P. 177–203; *Malkhaz Toria, and Mykola Balaban*. Narrating Conflicts in Post-Truth Era: Facing Revisionist Russia. Ukraine and Georgia in a Comparative Perspective. In: *Jan Rydel, and Stefan Troebst*, eds. Instrumentalizing the Past: The Impact of History on Contemporary International Conflicts. Stuttgart: Walter de Gruyter, 2022. P. 91–111.

са-Яковлева)[25]. Согласно этой идее, будущая Европа должна была стать пространством мира и сотрудничества между народами от Дублина до Владивостока.

Однако в постсоветский период велась постоянная открытая или скрытая конкуренция за право реализовать проект единой Европы. Первой организацией, которая должна была воплотить это видение в жизнь, стал Совет Европы (СЕ). Эта межгосударственная организация продвигала либеральные демократические ценности и нормы, а также права человека, среди всех стран Европы от Британских островов до Дальнего Востока России. Примерно в 2003 году казалось, что СЕ действительно удалось достичь своей цели: за исключением Беларуси, все государства более или менее полно институционализировали основные нормы и ценности Совета Европы в своем законодательстве, и вошли в общие структуры организации[26]. Однако интеграция в рамках Совета Европы была формальной и ограниченной даже в период ее расцвета, а после российско-грузинской войны 2008 года и с началом Донбасской войны (2014–2022) невлиятельность этой организации становилась очевидной. Последним оплотом этого типа европеизации был Европейский Суд по правам человека, защищавший интересы граждан от их правительств, зачастую в самых неблагоприятных условиях. В 2022 году Российская Федерация вышла из Совета Европы, и организация продолжила свое существование как блюститель ценностей, теряющих значение в эпоху милитаризированной политики.

Европейский Союз реализовал гораздо более тесную и глубокую «европейскую интеграцию», но для гораздо меньшего числа постсоветских стран. К 2013 году ЕС удалось сблизить страны западной и центральной Европы и организовать их во всеобъемлющую интегрированную политическую, пра-

25. *Emil Avdaliani*. The End of “Europe from Lisbon to Vladivostok” // The Bar Elan University, March 8, 2019. URL: https://besacenter.org/economic-space-lisbon-vladivostok/.

26. Report “The Council of Europe at 70: Milestones and achievements”. Council of Europe, May 5, 2019. URL: https://www.coe.int/en/web/secretary-general/-/the-council-of-europe-at-70-milestones-and-achievements.

вовую, экономическую и финансовую систему. В союз вошли страны «Восточного блока», Балтийские страны, Словения и Хорватия. С 2021 года именно этот интеграционный проект расценивали в Москве как наиболее опасный для России и ее проектов «евразийского сближения»[27]. К 2022 году конфликт ЕС и агрессивной политики России (вместе с ее интеграционными проектами СНГ, Евразийского Союза, ОДКБ, ШОС и проч.) достиг пика, реализовавшегося в беспрецедентной поддержке Брюсселем Украины. Одно из измерений продолжающейся российско-украинской войны — противодействие европейской интеграции народов Армении, Грузии, Молдовы и Украины[28].

Более противоречивую роль с точки зрения европеизации, играли НАТО и ОБСЕ. Эти организации касались вопросов безопасности, то есть отвечали за ту часть евроинтеграции, которая обеспечивала мирное сосуществование в регионе. Однако НАТО обеспечивало безопасность лишь части Европы, фактические имея отчасти альтернативный ЕС евроинтеграционный проект (т. н. «евроатлантическая интеграция»). Своеобразная «гармонизация» евроатлантической и европейской (продвигаемой ЕС) интеграций произошла уже в 2022 году, благодаря солидаризации Запада вокруг поддержки Украины. А ОБСЕ, бывшая блюстителем ценностей Хельсинского договора и платформой для постоянного диалога стран континента по вопросам мирного сосуществования, в 2022 году потеряла свое значение.

27. *Michael Bauer, Christoph Knill, and Diana Pitschel*. Differential Europeanization in Eastern Europe: the impact of diverse EU regulatory governance patterns // Journal of European Integration. 2007. Vol. 29. No. 4. P. 405–423; *Michael McFaul*. Putin, Putinism, and the domestic determinants of Russian foreign policy // International Security. 2020. Vol. 45. No. 2. P. 95–139.

28. *Michael Bauer et al.* Op. cit., p. 407; *Natalia Timuş*. Democracy for export: the Europeanisation of electoral laws in the East European neighbourhood // East European Politics. 2013. Vol. 29. No. 3. P. 289–304; *Fiona Hill, and Angela Stent*. The World Putin Wants: How Distortions About the Past Feed Delusions About the Future // Foreign Affairs. 2022. Vol. 101. P. 108–122.

Сегодня можно констатировать, что, в отличие от национализации, европеизация — по крайней мере в том ее смысле, который был характерен для 1990–2000-х — потерпела неудачу еще до начала российско-украинской войны. В 2010-х европеизация становилась все более ориентированной на геополитику и геоэкономику, и все менее на вопросы свободы, права и мира[29]. А после начала российской войны против Украины, такие структуры, как СЕ и ОБСЕ, оставили попытки континентального диалога с агрессивной Россией и ее союзницей Беларусью. ЕС, ослабленный Brexit и социально-экономическими последствиями войны в Украине, пытается заново изобрести себя и свою роль для оставшейся Европы, одновременно переизобретая социально-экономическую модель и систему собственной безопасности.

4. Заключение и выводы

Таким образом, постсоветский импульс, реализовавшийся в тетраде процессов, потерял свою энергию и смысловые очертания. За последние девять лет, с момента незаконной аннексии Россией Крыма и до начала войны в Украине, Европа стала континентом, на котором ведется углубляющийся военный конфликт и который реорганизовал европейское пространство в соответствии с новой геополитической логикой[30]. Так завершился постсоветский период — это тридцатилетие, в течение которого народы восточной части Большой Европы продемонстрировали свою политическую деструктивность и креативность, свою способность воображать и действовать, а также свою приверженность свободе и процветанию — и бегство от них.

29. Про изменение смысла европеизации см.: *Richard Youngs*. The New Patchwork Politics of Wider Europe // Centre for European Policy Studies, October 28, 2019. URL: https://3dcftas.eu/publications/the-new-patchwork-politics-of-wider-europe.

30. *Mikhail Minakov*. The Militarist Remapping of Europe and Northern Eurasia. Focus Ukraine, November 2, 2022. URL: https://www.wilsoncenter.org/blog-post/militarist-remapping-europe-and-northern-eurasia.

Термин «постсоветский» по-прежнему вызывает у многих из нас симптоматическое отвращение — особенно в последние десять лет, когда автократическая волна вернула к жизни многие советские практики в странах востока Европы и севера Евразии. Чем глубже общества нашего региона погружались в режим идеологической монополии, напоминающий советскую политическую культуру, тем жестче была наша реакция на упоминание «советского», даже с приставкой «пост». По моему мнению, этот симптом связан с тем, что некоторые элементы советской системы повсеместно пережили цезуру 1989–1991 годов: в одних странах эти элементы советского строя сохранились в маргинальных формах, а в других обществах, особенно в России и Беларуси, советские элементы были использованы для фундирования их нынешних политических порядков. Тем не менее, если отбросить идиосинкразию на слова, в термине «постсоветский» смысловое ударение находится именно на первой, а не на второй части слова. Термин постсоветский относится как к историческому периоду, так и к социальному опыту и к экзистенциальной ситуации, основанным на отказе от советских практик и ценностей, а также на трагичном опыте хрупкости свободы. Постсоветский период был прожит с усилиями, направленными на переоснование и переориентацию наших обществ и на создания новых социальных миров востока Европы и севера Евразии. Это был период преодоления советско-коммунистического наследия и его тоталитарного опыта. Но трагедия постсоветской эпохи — хрупкость ее достижений — проистекает из слишком большого влияния прошлого и слишком малой смелости в инновациях. Как показал бурный 2022 год, слишком много советских элементов пережили цезуру 1989–1991 годов.

Постсоветская эпоха завершилась неспровоцированным нападением Российской Федерации на Украину. Хотя военный конфликт в Украине начался в 2014 году, именно в феврале 2022 года были выпущены демоны исторической цезуры. Это событие ознаменовало разрыв постсоветской преемственности и привело в движение катастрофические процессы, которые изменили регион и повлияли на глобальный порядок,

основанный на правилах. Российское вторжение в Украину в 2022 году стало сигналом о том, что постсоветский период и постсоветское пространство более не существуют. Вторжение продемонстрировало, что постсоветский импульс и реализующие его процессы больше не определяют жизнь народов региона. Вернее будет сказать, что в нашей части света и в наш исторический момент зарождаются новые периоды и регионы как в Европе, так и в Евразии. И сейчас самое время оглянуться назад и дать первые исторические оценки пути, пройденного восточноевропейскими и североевразийскими народами за последние три десятилетия.

Также ясно, что глобализированный миропорядок под руководством Запада остался в прошлом. Характер и качество дебатов на форуме G20 в 2022 году продемонстрировали растущие разногласия между странами «Большой Семерки» и остальными тринадцатью странами, напряженность между формирующимися блоками глобального Юга, фрагментацию глобальной экономики на экономические/финансовые зоны и т. д.

Антагонизм Запада и России превратился в многоуровневый конфликт, а Украина и вся Европа стали ареной долгой войны на взаимное истощение. Эта война имеет все шансы, как показал недавний «польский ракетный кризис», распространиться на страны, граничащие с Украиной. Пролиферация войны на другие страны востока Европы и севера Евразии - возможно, лишь вопрос времени. На наших глазах возникает милитаристская акторная сеть, где мирное население, политические элиты, массы эмигрантов, военные машины, ядерное оружие и новые конвенциональные вооружения уже взаимодействуют и ткут ткань новой эпохи и пространства, мало связанного с советским опытом. Вокруг военного конфликта в Украине и в целом в Европе формируются новые блоки и регионы. На данный момент страны разделились на солидарные с Украиной (подавляющее большинство стран-членов ЕС и НАТО), тех, кто поддерживает Россию (Беларусь, Иран), и тех, кто строит свои альтернативные союзы и пока что выигрывает от конфликта в Европе (Азербайджан, Китай, Турция и др.).

С началом войны в Украине европейский континент вновь был разделен «железным занавесом». Страны НАТО реорганизовали организацию вокруг новой миссии по защите стран центральной и западной Европы от российского экспансионизма. В настоящее время Европа переосмысливается и институционализируется как континент системных конфликтов и конкурирующих видений будущего. И в этой конкуренции постсоветское состояние стало прошлым, завершилось как исторический период, требующий осмысления и выведения уроков для будущих попыток построения свободных республик, а также инклюзивных экономик и обществ.

Библиография

Аузан, Александр. «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 54–60.

Аузан, Александр. Развитие и «колея» зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Том 61. № 10. С. 96–105.

Гудков, Лев. Возвратный тоталитаризм. В 2 т. Москва: НЛО, 2022.

Иноземцев, Владислав. Демократия: насаждаемая и желанная. Удачи и провалы демократизации на рубеже тысячелетий // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 34–46.

Минаков, Михаил. Диалектика современности в Восточной Европе: опыт социально-философского осмысления. Киев: Laurus, 2020.

Asanbekova, Dzhamilia et al. Political System in the Sovereign Kyrgyzstan // Open Journal of Political Science. 2021. Vol. 11. No. 2. P. 266–272.

Aslund, Anders. How capitalism was built: the transformation of Central and Eastern Europe, Russia, the Caucasus, and Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Avdaliani, Emil. The End of "Europe from Lisbon to Vladivostok" // The Bar Elan University, March 8, 2019. URL: https://besacenter.org/economic-space-lisbon-vladivostok/.

Bauer, Michael, Christoph Knill, and Diana Pitschel. Differential Europeanization in Eastern Europe: the impact of diverse EU regulatory governance patterns // Journal of European Integration. 2007. Vol. 29. No. 4. P. 405–423.

Berg-Schlosser, Dirk. Determinants of democratic successes and failures in Africa // European Journal of Political Research. 2008. Vol. 47. No. 3. P. 269–306.

Bianchini, Stefano, and Mikhail Minakov. State-Building Politics after the Yugoslav and Soviet Collapse — The Western Balkans and Ukraine in a Comparative Perspective // Southeastern Europe. 2018. Vol. 42. No. 3. P. 291–304.

Brubaker, Rogers. Nationalizing states revisited: projects and processes of nationalization in post-Soviet states // Ethnic and Racial Studies. 2011. Vol. 34. No. 11. P. 1785-1814.
Brubaker, Rogers. Nationalizing states revisited: projects and processes of nationalization in post-Soviet states. In: Nationalism, ethnicity and boundaries. London: Routledge, 2014. P. 177–203.
Diamond, Larry, Juan J. Linz, and Seymour Martin Lipset, eds. Politics in Developing Countries. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1996.
Diskin, A., Diskin, H., & Hazan, R. Y. Why democracies collapse: The reasons for democratic failure and success // International Political Science Review. 2005. Vol. 26. No. 3. P. 291–309
Fish, M. Steven. Democracy derailed in Russia: The failure of open politics. Cambridge University Press, 2005.
Gunitsky, Seva. Democratic waves in historical perspective // Perspectives on Politics. 2018. Vol. 16. No. 3. P. 634–651.
Hajda, Lubomyr. Ethnic politics and ethnic conflict in the USSR and the post-soviet states // Humboldt Journal of Social Relations. 1993. Vol. 2. No. 1. P. 193–278.
Hale, Henry E. Patronal politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
Hale, Henry E. Russian patronal politics beyond Putin // Daedalus. 2017. Vol. 146. No. 2. P. 30-40.
Halmai, Gábor. Illiberalism in East-Central Europe. In: Routledge Handbook of Illiberalism. London: Routledge, 2021. P. 813–821.
Hill, Fiona, and Angela Stent. The World Putin Wants: How Distortions About the Past Feed Delusions About the Future // Foreign Affairs. 2022. Vol. 101. P. 108–122.
Horvat, Pia, and Geoffrey Evans. Age, inequality, and reactions to marketization in post-communist Central and Eastern Europe // European Sociological Review. 2011. Vol. 27. No. 6. P. 708–727.
Huntington, Samuel. Democracy's third wave // Journal of Democracy. 1991. Vol. 2. No. 2. P. 12–34.
Inglehart, Ronald, and Christian Welzel. Changing mass priorities: The link between modernization and democracy // Perspectives on Politics. Fall 2010. Vol. 8. No. 2 P. 551–567.
Isakhan, Benjamin, ed. Edinburgh companion to the history of democracy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015.
Kasianov, Georgiy, and Philipp Ther, eds. A laboratory of transnational history: Ukraine and recent Ukrainian historiography. Budapest: Central European University Press, 2008.
Lavigne, Marie. The economics of transition: from socialist economy to market economy. New York: Bloomsbury Publishing, 1999.
Lührmann, Anna, and Staffan I. Lindberg. A third wave of autocratization is here: what is new about it? // Democratization. 2019. Vol. 26. No. 7. P. 1095–1113.

Lührmann, Anna, and Wolfgang Merkel. Resilience of Democracy: Responses to Illiberal and Authoritarian Challenges. New York: Routledge, 2023.
McFaul, Michael. Putin, Putinism, and the domestic determinants of Russian foreign policy // International Security. 2020. Vol. 45. No. 2. P. 95–139.
Minakov, Mikhail. Republic of clans: The evolution of the Ukrainian political system. In: *Magyar, Ballint*, ed. Stubborn structures: Reconceptualizing post-communist regimes. Budapest: CEU Press, 2019. P. 217–245.
Minakov, Mikhail. The Militarist Remapping of Europe and Northern Eurasia // Focus Ukraine, November 2, 2022. URL: https://www.wilsoncenter.org/blog-post/militarist-remapping-europe-and-northern-eurasia.
Minakov, Mikhail. The Protest Movements' Opportunities and Outcomes: The Euromaidan and the Belarusian Protest–2020 Compared // Protest. 2022. Vol. 1. No. 2. P. 272–298.
Spada, P., and Ryan, M. (2017). The failure to examine failures in democratic innovation // Political Science & Politics. 2017. Vol. 50. No. 3. P. 772–778.
The Council of Europe at 70: Milestones and achievements // Council of Europe, May 5, 2019. URL: https://www.coe.int/en/web/secretary-general/-/the-council-of-europe-at-70-milestones-and-achievements.
Timuş, Natalia. Democracy for export: the Europeanisation of electoral laws in the East European neighbourhood // East European Politics. 2013. Vol. 29. No. 3. P. 289–304.
Tismaneanu, Vladimir. Fantasies of Salvation: Democracy, Nationalism, and Myth in Post-Communist Europe. Prinston: Prinston University Press, 2009.
Toria, Malkhaz, and Mykola Balaban. Narrating Conflicts in Post-Truth Era: Facing Revisionist Russia. Ukraine and Georgia in a Comparative Perspective. In: *Jan Rydel, and Stefan Troebst*, eds. Instrumentalizing the Past: The Impact of History on Contemporary International Conflicts. Stuttgart: Walter de Gruyter, 2022. P. 91–111.
Youngs, Richard. The New Patchwork Politics of Wider Europe // Centre for European Policy Studies, October 28, 2019. URL: https://3dcftas.eu/publications/the-new-patchwork-politics-of-wider-europe.

History and Freedom in Eastern Europe. Making Sense of the Post-Soviet Period

Mikhail Minakov, Senior Research Fellow at the V. W. Wilson International Center for Scholars, professor at Free University (Brīvā Universitāte, Latvia), mikhailminakov1971@gmail.com

Abstract: This article is an attempt at philosophical reflection on the post-Soviet period (1989–2022). The author considers the formation, development and completion of the period in terms of the "post-Soviet tetrad", including democratization, the development of market economies, specific nation-building and the integration of new states of the region within Europe. Based on the analysis of the dynamics and effectiveness of these four processes, the author comes to the conclusion about the end of the post-Soviet period in 2022 and

the “fragility” of the political and legal foundations for freedom laid by the post-Soviet transit.

Keywords: post-Soviet transit, history, caesura, democratization, market, nationalism, Europeanization.

Россия в зеркале своих поражений

Сергей Гурко, Константин Павлов-Пинус

Профессор Свободного университета (Brīvā Universitāte, Латвия)
Кандидат философских наук, профессор Свободного университета (Brīvā Universitāte, Латвия)

Аннотация: Современная цивилизация представляет собой сложную систему цепей доверия и структур социальной и политической логистики, которые обеспечивает преимущество демократий перед карго-культами. Нынешняя Российская Федерация опирается именно на карго-культы и выстраивает модель воинственного авторитаризма, который угрожает уже не только Украине и другим соседям России, но и всему современному миру. В статье отмечается, что российское государство застряло в социально-политическом тупике. Следующим этапом может быть саморазрушение государства.

Ключевые слова: современная цивилизация, карго-культ, социальная логистика, цепи доверия, сетецентрическая организация, инфляционная модель.

DOI: 10.55167/379bb6b65659

В нашей статье мы планируем рассмотреть две взаимосвязанные темы.

Тема 1. О русской войне и ее причинах.

Тема 2. О причинах поражения карго-культовых форм существования в войне против современной цивилизации.

Масштабность проблематики вынуждает нас говорить тезисно, крупными мазками отображая ключевые соображения, иллюстрации и смысловые связи. Показать целостный срез современных российских реалий нам в данном случае представляется более важным, чем прописывать детали; то же касается и некоторых существенных аспектов цивилизации, способной обороняться от всплесков архаики с помощью стратегий 5-го поколения, сутью которых является не столько военно-технические, сколько социальные, информационные и организационные особенности. Для этого нам понадобятся такие понятия как инфляция, логистика, цепочки доверия, а также концепт карго-культовых имитаций.

От тотальной инфляции — к уничтожению как «национальной идее»

Начнем с такого вопроса. Почему многие эксперты ошибались в своих предсказаниях, касающихся хода войны и, в особенности, самой возможности ее начала? Каков источник ошибок? Виновата ли в том только логика рассуждений экспертов, или же еще и отсутствие внимания к определенной специфике российской действительности?

Чтобы эту специфику разглядеть нужна подходящая оптика и, возможно, даже новый концептуальный словарь. В терминах широко трактуемого концепта «инфляция», мы попробуем показать, как и почему война стала национальной идеей. Для этого мы предлагаем проследить путь превращения локальных инфляций (смысловых, экономических, идеологических, и т. д.) в инфляцию тотальную, кульминировавшую в конечном итоге в процесс НИЧТОжения как такового. Эти процессы катализировались нигилистическими, по сути, верованиями в «особость русского пути», сопровождающимися карго-культовыми представлениями о научно-технических и социальных успехах «западной» цивилизации.

А тем временем, пока шарик российских «реалий» раздувался, на его поверхности мелькали красивые картинки. За ними было увлекательно наблюдать, хотелось верить в их реальность и даже инвестировать свои усилия в нанесение на утончающуюся поверхность новых и новых картинок, изображающих цивилизованность, рациональность, модернизацию, etc.; в то время как надо было следить за наполняющей шарик мертвящей пустотой, просчитывать направление эксплозии и готовиться к ликвидации последствий.

Даже перед самым началом войны большинство думало, что совершающееся в России есть итог хитрых расчетов и высокоуровневой прагматики. За полгода войны с Украиной, однако, стало ясно, что современная Россия — это явление квази-природного порядка, и что социально-политические процессы имеют характер внешних проявлений глубоко больного существа, страдающего примитивными обсессиями и явной неспособностью к коммуникации. Поведение России

и ее «элит» регулируется не особой формой цивилизованности, а результатами антропологических перверсий, произошедших с ее населением, включая властную верхушку. (К примеру, разительным отличием «путинского поколения» от «хомо советикуса» является практически полное исчезновение феномена (само)иронии — это видно и по публичным выступлениям чиновников, и по вырождению жанра анекдота, столь популярного в позднесоветские времена. Исчезновение способности к эмпатии у «носителей победобесия» — другой важный симптом).

Ошибки предсказаний, таким образом, были связаны со ставкой на объяснительные модели, рационализирующие происходящее с Россией, а не на те модели, которые способны воспроизводить, грубо говоря, поведение аутической психофизиологии, наугад слепленной из историософских мифологем и эзотерических интуиций. Это не значит, что в поведении российских властей было мало рациональности. Дело не в количестве рациональных средств, а в их статусе, который в России был резко снижен и предполагал чисто инструментальное и исключительно тактическое использование рациональных механизмов в качестве полезного, но вторичного средства для достижения бог весть откуда взявшихся «целей». Глубинные основания политических действий, равно как и итоговые устремления никогда не были предметом рациональных разбирательств; здесь всегда господствовали идеологические манипуляции и мифологические спекуляции. Скажем точнее, рациональность политической и социальной жизни никогда не была *само*-целью, т. е. чем-то таким, что целенаправленно культивируется, продумывается и отчуждается в устойчивых, над-индивидуальных институтах, принципы работы которых были бы формально кодифицированы и представляли собой «инструкции» по отправлению власти. В этом заключается одно из коренных отличий западных демократий от той политической химеры, которую пытались выстроить в России. Ставка на персоны, а не на институты, ставка на мутную вязь семантических отсылок, а не на рациональность прозрачной и честной коммуникации формировала природу российской власти. Об этом мы еще поговорим ниже.

Иллюзия многообразия. Иллюзия рациональности

Итак, вернемся к вопросу о том, почему многие эксперты не справились с предсказанием начала теперешней войны. Обратим внимание, что примеры в истории легко находятся: к началу первой мировой войны рациональных соображений в пользу того, что война желательна или необходима, не было. Войны не будет потому, что она никому не нужна — говорили перед Первой Мировой.

Искать задним числом неучтённые скрытые факторы — прямой путь к конспирологии. Продуктивнее уточнить, что представляла собой та *картина мира*, рациональный анализ которой не обнаруживал достаточных причин для начала бойни. Подчеркнем: нам интересна именно картина мира, некая совокупность усредненных *представлений о* мире и России в нём; представлений, на основании которых принимаются политические решения. Этот момент следует рассматривать вкупе с тем обстоятельством, что в России практически нет адекватной социологии, аналитические результаты которой были бы понятны широкой публике, и даже специалисты по соответствующим областям имеют весьма фрагментарные представления о российских реалиях (а уж о консенсусе в ученой среде и говорить не приходится). Поэтому о степени несовпадения представлений о России с действительностью мы можем судить только по тем катастрофическим поражениям, которые привели Россию к тотальному банкротству.

Неоспоримым, однако, является один важный момент: российские властители в свое время быстро сообразили, что вместо инвестиций в развитие армии, науки, собственных технологий (и т. п.) гораздо проще и дешевле вкладывать в красивую картинку, слегка подкрепленную импортируемыми товарами и концепциями. Инвестиции в образы и нарративы дают несравнимо более скорый результат, тем более что о «материальном» обеспечении этого результата можно долго не беспокоиться: высоченные цены на энергоресурсы создадут иллюзию эффективности любого самого провального государственного проекта.

Но нужно четко понимать, что и результат таких инвестиций в свою очередь будет состоять преимущественно из образов и нарративов. Естественным следствием таких инвестиций будет инфляция (смысловая, идеологическая, и т. п.). Радужный пузырь картины мира станет раздуваться, переливаясь и предлагая видимость многообразия. Если сосредоточиться на нём, всегда можно отыскать часть картины, соответствующую чаяниям смотрящего. На пузыре «РФ» можно было разглядеть и построения урбанистов и активную научную жизнь, и распространение волонтёрства, и улучшение качества образования и прочая, и прочая. И любой фрагмент по отдельности не согласовывался с перспективой войны — разве что с краткой, почти что полицейской операцией, но уж никак не с войной в её собственной форме безысходного, неопределённо долгого процесса истребления людей, вещей и представлений. Потому-то всем, кто разглядывал инфлирующую поверхность было очевидно, что война неуместна, а значит не имеет причин разразиться.

Сейчас спорят: было ли развязывание войны чем-то исторически необходимым? Наш ответ: с некоторого момента — да. Не так важно, где именно этот момент локализовался в недавнем прошлом; важнее понять то, что сама природа российского способа отправления власти несла в себе шаг за шагом осуществляемое отсечение развилок и альтернатив. Поэтому на каком-то этапе не мог не возникнуть момент, когда дерево возможностей развития сузилось до одной единственной траектории.

Заметим, что локальные инфляции сами по себе являются продуктивным инструментом стимуляции социальной и экономической (в кейнсианской модели) жизни. Однако, они становятся контрпродуктивными, интегрируясь в инфляцию глобальную — просто потому, что исчезает всё то, что обеспечивает «ценность» чему бы то ни было. Если продуктивность экономической инфляции заключается в стимулировании производства, то при тотализации инфляции единственной «ценностью» становится сама инфляция, сама расширяющаяся пустота обесценивающихся денег, политических обещаний, отчетов чиновников, и т. п. Локальные инфляции, запускаемые

ради рациональной оптимизации соответствующих процессов, тотализируется в феномен «инфляции ради инфляции» (за парадным фасадом которого происходит столь же тотальное экономическое и культурное разграбление страны).

Обратим внимание на особую роль нормализации беспредельного вранья: вранья Путина, предвыборных обещаний чиновников всех мастей и конечно же вранья пропаганды. Это не только прекрасная иллюстрация идеологической и смысловой инфляции. Тут мы имеем дело с *дискурсом*, особенностью которого является его: а) нарочитая нелогичность и б) *нормальность произвольной смены любых правил*. Достаточно вспомнить сколько раз, и сколь радикально менялись «цели войны» анонсируемые Кремлем и транслируемые средствами массовой (дез)информации. То, что помимо монополии на насилие (свойственной большинству государств) путинское государство присвоило себе монополию на «дискурсивный» произвол, говорит о том, насколько оно считает важным этот вид современного оружия. (То, как создается иллюзия обоснования и имитация логичности идеологических «рассуждений» — отдельная тема).

Нетрудно понять, с какими трудностями в прогнозировании поведения подобной системы мы столкнемся. Здесь нужно смотреть не на логику принятия публичных решений, которые как правило отражаются лишь на появлении или исчезновении поверхностных картинок, а на механику происходящего глубинного процесса — т. е. на контуры расширяющейся пустоты и на те силы, которые этот контур формируют. К таким «силам» относится и уровень кипения «патриотизма» в массах, проявляющегося в крымнашистских настроениях и победобесных аффектах; и давно шедшая подготовка страны к нарастающей ее экономической изоляции (дедолларизация, уход в золото и т. п.); странности очевидно непопулярной финансовой мобилизации в виде повышения пенсионного возраста; необъяснимо жестокое подавление протестов в Беларуси (которая, как оказалось, готовилась как плацдарм), и т. п.

Очевидно, однако, что процесс накачивания «пузыря» не может длиться бесконечно. С одной стороны, этот процесс невозможно ни приостановить, ни преобразовать во что-то

иное, ни выскочить из него — он автокаталитичен и всепоглощающ как черная дыра. С другой стороны, степень прочности поверхности пузыря, очевидно, не безгранична. Каждый новый виток того или иного локального расширения может «неожиданно» привести к точечному разрыву, а затем и каскадному обрушению всей конструкции в целом. Фатальным витком, приведшим Россию к краху, стала очередная попытка географического расширения российской «империи». Встретив «неожиданное» сопротивление в одном месте, мыльный пузырь лопнул весь, обнаружив совершенную нежизнеспособность всех прочих сфер его виртуальной жизни.

Преступный инфантилизм «загадочной русской души»

Загадка «русского характера» или «русской души» принадлежит к числу тех популярных тайн, о которых часто упоминают, но разрешить которые и не пытаются. Нетерпеливый поэт даже восклицает: «Давно пора е...а мать / Умом Россию понимать.» Разного рода подсказки в основном анекдотического толка рассыпаны в письменных свидетельствах: от летописного утверждения, что де «веселие Руси есть пити» до высочайшей мрачноватой шутки про «двух союзников России». Однако, в новейшие времена всё настойчивее прорываются попытки определиться с этой загадочной идентичностью. Власть пытается обзавестись «национальной идеей» чуть ли не научным путём, в том числе подряжая на поиски академические институты. Литераторы т. н. «патриотического направления» сочиняют вдохновенные до уровня горячечного бреда панегирики и прокламации, образно рисующие необычайные свойства и необычайное же предназначение «России» и «русских». Главным структурным элементом и этих научных разысканий, и этих риторических построений систематически оказывается противопоставление неясно определённому Иному (Западу, рационализму, духу наживы, антитрадиционализму и т. д.) Это давняя традиция, ясно проявленная уже в XIX веке.

Но негативные определения несут с собой риск такого прогрессирующего умаления объёма определяемого, преде-

лом которого окажется абсолютная пустота, которую лишь в теологических построениях можно позволить себе отождествлять с плеромой. Для привязанного к реальности, поверяемого эмпирией взгляда пустота — недостижимая абстракция, которая, однако, может служить обозначением вполне реальной тенденции или склонности — к опустошению, изничтожению, отрицанию. В двадцать втором году нынешнего столетия эти давние попытки выговорить окончательную правду о «русском» чрезвычайно интенсифицировались. Мы услышали из уст политиков, людей искусства, религиозных деятелей не просто оправдания войне, но прямо декларации о войне как смыслообразующем факторе, о «самореализации нации», о готовности утверждать «границы России» — везде (что само собой наводит на подозрение, что центр её должен располагаться «нигде»). Готовность оправдывать истребительные усилия, направляемые как вовне, так и внутрь, преступает границы всякой рациональности, калькуляции потерь и приобретений, превращается в самодовлеющую идею.

Это побуждает думать, что старая загадка наконец находит своё разрешение, многие уже поняли, а вскоре и другие поймут, что человеческая самоидентификация с помощью формулы «быть русским» означает воплощение в себе метафизической *воли к ничто*.

Эта разгадка является ключом к еще одной разгадке: к тому, чтобы признать единственным логически возможным отношением между «Россией» и «Миром» строгую, т. е. взаимоисключающую дизъюнкцию. Или-или.

И это вовсе не умозрительная спекуляция. Послушаем, что говорят самые влиятельные апологеты «русского мира», напрямую ответственные и за развязанную войну, и за тысячи реальных смертей. Со слов господина прилепина мы теперь точно знаем, что отныне «война — это национальная идея». Это значит, что на вопрос «а когда же закончится война?», у них есть четкий ответ: война закончится тогда, когда весь мир станет «русским миром». Ибо Россия обречена расширяться (Сурков) и вообще она границ не имеет (?). Напрашивается вопрос: а что, если мир начнет сопротивляться? И не позволит России осуществить своё «предназначение»? А такой мир нам не нужен,

однозначно ответит вам путин. Мир, готовый сопротивляться такой вот расписной «России» превратиться в ядерный пепел. Хочется воскликнуть: «а неужели нельзя как-то по-другому? Зачем вся эта разрушительная ахинея?!». Д.Медведев вам ответит: «А ни за зачем. С нами бог, и мы боремся с мировым злом». И точка. Конец «разговора».

Когда последние основания рассуждений покидают сферу рационального и переходят в сферу метафизических предпочтений, граничащих с клиническими отклонениями, все споры прекращаются. Партия переходит в эндшпиль и кульминирует в полном разгроме одной из противоборствующих сторон. О причинах поражения России мы поговорим чуть позже, а сейчас укажем на еще одно важное обстоятельство.

Кто власти и *Что* власти. Институты и персоны

Прибавим еще одно наблюдение: одним из источников специфических проблем русских попыток понять и обустроить свой мир является наша несколько архаичная (а может быть инфантильная) склонность отдавать предпочтение всяческим «кто» перед деперсонифицированным «что». Даже если и заводим мы себе какой-либо предположительно благодетельный институт, то тотчас извращаем его, получая *res privatis* вместо *res publicas* (и поделом, что остаёмся в итоге с *private parts*). Ведь это же мы сами, не дожидаясь ещё дурных или хороших дел от выбранной персоны, начинаем представлять задачу в виде ложной дилеммы «если не X, то *кто*?» Неустойчивость конструкции, зависящей от добродетелей отдельного лица проанализирована ещё в античности, но мы, похоже, более впечатляемся наглядностью образа, воплощаемого персоной, чем прислушиваемся к логической аргументации. Не право, а праведный судья, не разумное управление, а мудрый правитель, не «снипы-хрипы», а «работа, сделанная с душой», не планомерные действия по достижению результата, а «кровь-из-носу» и «любой ценой».

Но это только половина проблемы. Зная понаслышке, из каких частей состоят успешные работающие системы, мы принимаемся их создавать, оформляя персоналистское решение институциональными построениями. И эти наши самолёты

из соломы и глины мало того, что лишь внешне напоминают свои летающие прототипы, так они ещё и несут на себе «отпечаток неповторимой личности» умельца, их созидающего. Получается многослойный пирог из разнокалиберных персон и карго-институтов, в котором, в конечном счёте ригидность карго-конструкций решающим образом влияет на предполагавшуюся уникальную субъектность персон, так что в итоге действует не какой-то там «путин», а карго-структура, выстроенная для того, чтобы представлять вовне небогатое в общем-то содержание этого индивида.

Беда в том, что эта вторичная несобственная чтойность (*quidditas*) обнаруживается как *псевдо*-объективная конструкция, которая по сути является лишь *проекцией мифологических представлений* о персонифицированной власти. И тогда, например, мировая революция, построение коммунизма, или борьба с сатанизмом/мировым злом (и т. п.) оказывается фактором, намертво цементирующим все вертикали и институты власти, конфигурация которых отныне затачивается под решение соответствующей сверх-государственной «задачи». В итоге происходит переворачивание причинно-следственных связей: «приход к власти» реализует собой не улучшение работы судебных, исполнительных и законодательных и прочих государственных институций, а их использование в личных целях, или в крайнем случае в целях корпоративных/партийных (но и тут происходит та же редукция: ведь мы «говорим — партия, а подразумеваем — Ленин/Путин/Явлинский/Жириновский», не так ли?).

Современная цивилизация и ее карго-культные имитации

«Пехота выигрывает сражения, логистика выигрывает войны», говорил Дж. Першинг, Генерал армий Соединенных Штатов. Как оказалось, справедливость этой чеканной фразы может относиться не только к войнам между армиями, но и к войнам между цивилизацией и варварской архаикой.

Пришла пора разъяснить, в чем заключаются преимущества современной цивилизации перед ее карго-культными по-

добиями. В этом вопросе нам поможет слово «логистика», уже прочно вошедшее в оборот в связи поражением армии РФ из-за катастрофы с ее логистикой; катастрофы, которая была частично создана армией Украины, а частично — вороватым руководством самой же эрэфии. Понятие логистики, как и понятие инфляции, мы будем использовать в самом общем смысле, имея в виду логистику информационную, социальную, экономическую, а не только военную и снабженческую. Помимо понятия логистики нам понадобится концепт «цепочек доверия». Этот концепт хорошо известен специалистам по компьютерной безопасности, но нам, опять-таки, понадобится весь спектр его возможных применений. Феномен доверия, в самом широком смысле, является одним из ключевых для социологии и антропологии. Он, во всех своих модификациях и итоговых конфигурациях, лежит в основании всех типов социальности.

Конечно, говорить о структурных преимуществах одного типа социальной организации перед другим типом, используя только два понятия (логистики и цепочек доверия) является сильным упрощением. Тем не менее, этого будет достаточно для того, чтобы проиллюстрировать наш центральный тезис: в основе современной «западной» цивилизации, с ее социальными, военными и экономическими технологиями, лежит определенная комбинация цепочек доверия и логистических конфигураций, которая гарантирует ей силовое превосходство над культурами, построенными на иной социальной логистике и с иначе выстроенными цепочками доверия. (Под силовым превосходством мы имеем в виду не только силу военных или спецслужб, но и силу политическую, экономическую и т. п.).

Известный военный аналитик Р. Свитан любит повторять в своих эфирах: «война — это математика». Скажем шире, превосходство одной цивилизации перед другой — это тоже математика. Причем математика современная, включающая в свой арсенал теории игр, теории коммуникации, теории вероятностей и математическую статистику, и мн.др. Разумеется, самой по себе математики недостаточно для реальной демонстрации цивилизационного превосходства — к математике должна быть прибавлена человеческая воля к аккуратному следованию ее предписаниям. (А это еще один из пунктов, ко-

торый практически отсутствует в «загадочной русской душе», с ее презрением к калькуляции, законосообразности и всяким расписаниям).

Социально-политическая логистика — это в первую очередь система распределения властных полномочий, приводящая в движение машинерию принятия и выполнения решений. В странах, где сильны мафиозные и прочие «теневые» структуры, она лишь отчасти совпадает с логистикой государственной. Однако помимо распределения властных полномочий, необходимо принимать во внимание устройство цепочек социального доверия — а это сети, распределяющие делегацию прав и компетенций, позволяющие удостоверяться в надежности исполнения делегированных полномочий. К примеру, в нормальных странах уровень доверия к собственным силовым структурам очень высок, в то время как в России, скажем, полиция вызывает преимущественно страх и недоверие (в 1990-е годы многие предпочитали обращаться к «ворам в законе» для решения возникших сложностей, а не в суды и не в милицию). Цепочки доверия включают в себя не только государственные цепочки (как, например, в избирательных институтах), но и цепочки социально-экономические (доверие к врачам, к учителям, к адвокатам, к строителям, и пр.). Как показывает украинский опыт, цепочки доверия, оперативно ведущие «снизу вверх» или по горизонтальным направлениям могут иметь решающее значение.

Идущая война явственно показывает, что логистика, обеспечивающая работу властных и доверительных цепочек, базирующаяся на принципах «вертикали» и жесткого, централизованного управления сильно проигрывает сетецентричной организации логистики. Армия РФ, копирующая в основных чертах имперское устройство России, с ее вертикалями власти, с ограблением провинций, с ригидной архитектурой, исключающей мобильность ее горизонтальных измерений, показала свою чудовищную неэффективность.

Заметим между прочим, что разгрому армии РФ предшествовал разгром научного и технологического ее потенциала. Причиной этих разгромов является далеко не только итоговое недофинансирование армии (в силу коррупции) и науки (в силу

циничной безмозглости чиновников), но уничтожение самих *условий возможности* модернизации и развития новаторских технологий (организационно-социальных, научно-технических и т. п.). Возможно, путинская власть и не желала такого разгрома, но архитектура социально-политической логистики этой власти принципиально не позволяла достичь того уровня эффективности использования человеческих и прочих ресурсов, которые были достигнуты «на западе». Та же наука, в ее современном, «большом» варианте, не способна развиваться вне определенных социальных условий, связанных с конкуренцией и кооперацией, со свободой слова и мирных форм жизни, с нормами коммуникации и т. п.

Украинская армия успешно освоила преимущества сетевой логистики и показала впечатляющие результаты на практике. Думается, восстановление украинской экономики, и страны в целом, покажет аналогичные результаты. Мы имеем теперь эмпирическое подтверждение тому, что между социально-политической логистикой цивилизованных стран и наличием Himars'ов, с поразительной точностью громящих врага на полях сражений, имеется прямая связь. В конечном итоге диктатуры производят ракеты, попадающие по стрелявшему, а «своих не бросать» у таких армий не получается, потому что убегать приходиться слишком быстро. И, главное, что все эти зажигательные лозунги диктаторской пропаганды, все эти страшилки о собственной мощи де факто оказываются *математически* противоречащими реальному положению вещей.

У Галича про «маршалов в штабах» было сказано, что «мудрость их вся заключается в том, что два — это меньше, чем три». Арифметика это, спору нет, тоже часть математики, но только несколько почтенного возраста. Недаром эти античные ещё по происхождению знания преподаются в начальной школе. Но ограничиваться таким математическим багажом в современном мире вероятно недостаточно для управления сложными процессами, всё равно военными, экономическими, или, скажем, демографическими (например, Китай уже подумывает о запрете абортов — мере столь же грубой и прямолинейной, как действовавшее ещё совсем недавно ограничение на количество детей). Системы с иерархической топологией проще про-

ектировать, в них задачи отыскания путей алгоритмически менее сложны, но недостатки, обусловленные этой простотой, обнаруживаются и в снижении надёжности таких систем по сравнению с многосвязными сетями, и в увеличении издержек. Достаточно взглянуть на структуру дорожной сети по разные стороны границы Финляндии и РФ, чтобы усомниться в концепции географического детерминизма: мы обнаружим, что соседствуют как бы два принципиально различных организма. Можно вспомнить и о том, что сетевая структура, которую мы знаем ныне как Интернет, выросла из военной задачи обеспечения устойчивости связи при условии разрушения множества узлов. То есть все мы *уже* работаем в сети, структура которой определяется продумыванием эффектов только лишь *возможной* ядерной войны, в то время, как мифологическое сознание лишь использует эмоционально сильный образ ядерной войны, как *невозможного* события, угрожая которым, можно управлять поведением оппонентов. Не это ли неумение работать с вероятностями при планировании заставляет наших носителей среднего арифметического образования снова и снова выражать недоумение по поводу дел, идущих не так, как мечталось. Так известная «жрица бобра» замечала с досадой, что и предполагать не могла, что за Украину «впишутся пятьдесят стран».

Отметим напоследок вот что. Важнейшей чертой, свидетельствующей об адаптивной мощи «западной» цивилизации (особенно в критические эпохи), является ее нередуцируемая сложность, которая поддерживается не просто силой инерции своего фактического наличия, но и *теоретически опосредованными* практиками, позволяющими максимально эффективно использовать собственный ресурс. Мощь западной цивилизации не является результатом слепого попадания «в десяточку»: она прекрасно *понимает* почему она является таковой, имея в распоряжении соответствующий аргументативный ресурс для этого. Об этом мы уже говорили, рассуждая о том, что рациональность социально-политическая для западного ума является самоцелью, в то время как для ума российского — рациональность социально-политической жизни есть лишь «хрустальный замок», вызывающий воистину пещерное раздражение.

Достаточно ли современен «Запад»?

Мы уже говорили о том, что инфляционная модель прожигания собственных ресурсов, которую выбрала Россия, является автокаталитичной. На этом основании мы делали выводы и о неизбежности войны, и о неотвратимости краха российской государственности. Возникает вопрос: является ли является ли автокаталитичным процесс развития современной цивилизации? Здесь мы должны дать отрицательный ответ.

Главный враг цивилизации — приостановка ее собственной концептуальной (но не географической) экспансии. Она осваивает новые мыслительные ландшафты, а не захватывает старые; она влияет на окружающие ее суверенные образования, но не лишает их своей субъектности и суверенности. Она живет сущностным привнесением в мир новых различий и многообразия; карго-культуры только имитируют этот процесс или уничтожают его. Современная цивилизация устроена так, что остановка на достигнутом также невозможна как невозможно однажды вдоволь надышаться, а потом перестать дышать, оставаясь живым. Современная цивилизация нуждается в постоянном усилии, составляющим нерв ее существования. Усилие это связано с интеллектуальным напряжением, направляемым этой цивилизацией как на самопрояснение, так и на риск погружения в неизведанные глубины. Первое измерение делает цивилизацию принципиально анти-мифологическим предприятием, второе измерение связывает ее с идеей активного формирования будущего (в отличие от той же России, которая целиком живет своим выдуманным «золотым веком», своими прошлыми победами и навязчивым желанием что-нибудь «повторить»).

Сказанное означает, что цивилизация не является социальным автоматом и что без описанного выше усилия ее ждет эрозия и смерть. Это обстоятельство — ахиллесова пята современной цивилизации, потому что война карго-культовой архаики против нее может привести к победе, но не на поле боя, а методом уподобления себе. Например, достаточно вынудить украинцев вести ответный огонь по мирному населению, пытать и убивать пленных — и Украина уже проиграла. Еще мож-

но убедить цивилизованный мир в том, что изоляционизм — самая выгодная для него стратегия выхода из войны. Это тоже будет поражением.

Сорваться в не-цивилизованность очень легко. Но восстановить потом разорванные цепочки доверия крайне сложно — этому будут препятствовать не только психологические травмы, но и грубые изменения в социально-политической логистике, всегда тяготеющей либо к избыточной централизации, либо хаотизации.

И последнее. Никакого «особого пути» вне современной цивилизации у России нет; есть разве что «особый тупик», в который с маниакальным упорством загоняет себя население этой огромной страны.

Russia in the mirror of its defeats

Sergey Gurko, professor at Free University, Konstantin Pavlov-Pinus, PhD, professor at Free University (Brīvā Universitāte, Latvia)

Abstract: Modern civilization is a complex system of chains of trust and structures of social and political logistics, which ensure the advantage of democracies over the kargo-cult. The current Russian Federation relies precisely on the kargo-cults and builds a model of militant authoritarianism that no longer threatens not only Ukraine and other Russian neighbours, but the entire modern world. The article notes that the Russian state is stuck in a socio-political impasse. The next stage may be the state's self-destruction.

Keywords: Modern Civilization, kargo-cult, social logistics, chains of trust, network-centric organization, inflationary model.

Failed Authority. Дисфункции власти в современной России

Кирилл Фокин
Кандидат политических наук

Аннотация: Политический авторитет, как способ использовать власть без прямого принуждения, — ключевая проблема современной России. В поисках источника легитимности руководство России обращается к истории, пытаясь придумать «идеологическую внешнюю инстанцию» авторитета, и одновременно пытается удержать рационально-легальный тип легитимности как авторитет бюрократии. Если до начала войны эти стратегии могли иметь ограниченный успех, то после 24 февраля и далее — объявления (частичной) мобилизации — по обоим направлениям, кажется, возникли проблемы. Россия представляется сегодня страной, где государственные дисфункции усугубляются дисфункциями политического авторитета и в формальном, и в неформальном смысле. В этом случае, в качестве одной из причин войны можно с некоторой степенью уверенности называть попытку руководства страны вернуть себе политический авторитет, которого у них почти не осталось, через создание кризисной ситуации и де факто режима «чрезвычайного положения».

Ключевые слова: политический авторитет, политическая власть, «чрезвычайное положение», легитимность, Россия, государство, страх.

DOI: 10.55167/0dad7296c69c

---

1. Вступительные замечания о политическом авторитете

Классическое представление о легитимности политической власти выглядит, в упрощенном виде, следующим образом: люди соглашаются повиноваться чужой воле, потому что верят, или априори убеждены, в том, что в конечном итоге повиновение отвечает их собственным интересам. В случае, если основанием повиновения является насилие (принуждение), и человек лишь ждет момента, когда сможет восстать — это никакая не легитимность, и тем более никакая не власть.

Это противоречие наиболее ясно описала Ханна Арендт: «отец может утратить свой авторитет, либо побив ребенка,

либо начав с ним спорить»[1]. Если применено насилие, значит, убеждения не хватило; если начат спор, значит, возникла ситуация равенства, где один потенциально может переубедить другого. Понятие «авторитет» ключевое для разговора о власти: в политической теории и философии именно «авторитет» используется для обозначения взаимно-признаваемой власти[2], основанием которой является *вера в общее благо* (даже, если как считают «критики» авторитета, это все равно всегда обман властителем подданных[3]).

Данное *основание* добровольного подчинения, действительно, возникает из веры. Как показали исследования в областях эволюционного лидерства, антропологии, истории религии и биополитики, изначальное формирование больших человеческих сообществ было связано с верой в морализующих сверхъестественных агентов — иными словами, с верой во *внешнюю инстанцию*, обращение к которой и наделяло авторитетом как верховных лидеров сообщества (недоступных для регулярных физических контактов), так и посредников — которым внешняя инстанция и лидеры сообщества делегировали свой авторитет[4].

Макс Вебер разделял политический авторитет по источникам на: (1) традиционный (вера в естественный порядок вещей, религиозный или квазирелигиозный), (2) харизмати-

1. *Арендт Х.* О насилии. М.: Новое издательство, 2021. С. 53.

2. Литературы по авторитету огромное количество; здесь, для преемственности, снова сошлюсь на Арендт: *Arendt H.* What Is Authority? // In between Past and Future: Eight Essays in Political Thought. London: Penguin Books, 2006. P. 91–141.

3. *Huemer M.* The Problem of Political Authority. L.: Palgrave Macmillan, 2013.

4. См. исследования в рамках «Гипотезы сверхъестественного наказания»: *Johnson D. D. P.* God Is Watching You: How the Fear of God Makes Us Human. New York: Oxford University Press, 2015. Более подробный разбор упомянутого в тексте сюжета: *Фокин К. В.* Эволюция институтов политического авторитета: рамочная основа концепции // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2019. № 3. С. 33–54; *Фокин К. В.* Гипотеза сверхъестественного наказания (Критический обзор) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2019. № 1. С. 60–80.

ческий (личное обаяние, вера в лидера *per se*), (3) рациональ-но-легальный (вера в процедуру: демократическая легитимность). Во всех этих типах, так или иначе, присутствует *вера*: в Бога, давшего власть (1 тип), в богоизбранность или уникальные знания/качества вождя (2 тип), честность и, главное, обоснованность, *правильность* легальной процедуры для общего блага (3 тип).

Суммируя, отметим: власть в большом сообществе, с теоретико-концептуальной точки зрения, не может функционировать без, *во-первых*, апелляции к внешней инстанции, вера в которую создает идентичность члена сообщества и возможность локусов власти как добровольного подчинения — авторитета, и, *во-вторых*, без практики делегирования — без которой лидер, обладающий авторитетом, не может делегировать часть своего авторитета нижестоящим, не может «расщепить» власть и создать систему власти вне зоны личного влияния (от первобытного «расщепления» власти военных вождей и жрецов до современного разделения властей).

Внешняя инстанция политического авторитета варьируется в конкретных исторических контекстах и социальных ситуациях. Можно выделить основные типы (смешивающихся на практике[5]): традиционно-религиозная (духи природы, духи предков, сверхъестественные агенты в целом, боги и монотеистический Бог, сверхконцепции Судьбы, Дхармы, Сансары и т. п.), идеальный образ (Государство, Народ, Нация), идеологическая—утопическая (общепланетарное коммунистическое или мондиалистское будущее, имперская мечта мирового господства, всемирная революция и пр.), демократическая (справедливость и разумность ценностей, принципов и институтов демократического устройства). «Чистых» типов при эмпирическом анализе мы не встречаем: отсюда возникают «гражданские религии» и прочее.

Однако апелляция к «небесному» авторитету внешней инстанции для обоснования «земной» власти эффективна лишь в том случае, когда веру во внешнюю инстанцию разде-

5. См.: *Haugaard M.* What is authority? // Journal of Classical Sociology. 2018. Vol. 18. No. 2. P. 104–132.

ляют те, на кого эта власть направлена. Насильно заставить верить невозможно: можно убедить, и в убеждении могут содержаться элементы насилия, в т. ч. и дискурсивного. Но без веры, какой бы навязанной она не была, в конечном итоге насилие и принуждение подменяют власть, а значит сообщество будет существовать лишь до тех пор, пока сохраняется страх и ресурс его поддержания.

2. Внешняя инстанция: культ прошлого и антибудущее

За обоснованием своей власти политическое руководство России обращается не к рационально-легальным принципам (сохраняя на инструментальном уровне видимость выборов и работы «демократических» институтов), а к традиционным, идеологическим и идеальным образам.

Культ Великой Отечественной войны, протянувшийся от военно-патриотического кинематографа до школьных уроков «памяти», символических ритуальных мест («вечный огонь»), ежегодного общенационального праздника 9 мая и т. д. является фундаментальным источником власти в понимании руководства России. И вторжение в Украину[6], и военная операция в Сирии[7], и аннексия Крыма[8] — были оправданы и для внутренней, и для внешней аудитории (кейс Сирии: приглашение к созданию «новой *антигитлеровской* коалиции») через апелляцию к Великой Отечественной—Второй мировой войне.

Когда в 2010 г. правительство Москвы решило разместить к 9 мая плакаты с изображением Иосифа Сталина как «одного из маршалов СССР»[9], федеральный центр выступил против. Ве-

6. Речь Владимира Путина о начале вторжения на Украину // Википедия. URL: https://bit.ly/3HM78Mu.

7. О чем говорил Путин с трибуны Генассамблеи? // Новости ООН. URL: https://news.un.org/ru/audio/2015/09/1030101.

8. Владимир Путин принял парад в Севастополе // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2465063.

9. Иосифа Сталина не пригласят на День Победы // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1341849.

роятно, это было связано с нежеланием «разделять» общество вокруг мифа, который должен исключительно «объединять». Именно «кощунственное» обсуждение блокады Ленинграда было использовано как повод для отключения телеканала «Дождь» от кабельных и спутниковых операторов[10].

Но культ Великой Отечественной войны вписывается в более широкую историческую рамку. Симбиоз с Православием можно увидеть, например, рассматривая символический комплекс «Главного храма Вооруженных сил»[11], памятник Владимиру Святому на Боровицкой площади, риторические обращения к временам Петра I[12], духовно-традиционным ценностям[13] и т. п.

Также сегодня мы видим, как при необходимости «мобилизации» и в попытках обосновать «народную войну» (словами первого заместителя руководителя администрации президента[14]), из культа прошлого родился новый стратегический нарратив — его можно обозначить как *антибудущее*. Это не просто антизападничество, а именно риторическое обеспечение борьбы с так называемой «неолиберальной культурой»[15]. Внутри этой борьбы альтернативой «западному» проекту выступает проект «традиционный» — иными словами, утопия из прошлого, то ли из Ялты-1945, то ли из времен Петра I / Екатерины II. Особую значимость внутри этого нарратива имеет блок

10. Дождь (телеканал) / Скандал из-за опроса о блокаде Ленинграда // Википедия. URL: https://bit.ly/3HmYqmF.

11. *Солдатов А.* Стены все стерпят // Новая газета. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/22/85490-steny-vse-sterpyat.

12. Путин сравнил себя с Петром I и назвал своей задачей возвращение территорий // BBC. URL: https://www.bbc.com/russian/news-61749842.

13. *Колесников А.* Борьба с пережитками будущего // New Times. URL: https://newtimes.ru/articles/detail/228990.

14. Замглавы АП Кириенко призвал к «народной войне» // Радио Свобода. URL: https://www.svoboda.org/a/zamglavy-ap-kirienko-prizval-k-narodnoy-voyne-/32096046.html.

15. Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России // Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/69465.

«борьбы за суверенитет»: и именно на примере «суверенитета» лучше всего видна главная отличительная особенность всей этой идеологической системы — внутренняя пустота.

Говоря о «суверенитете», политические деятели России имеют в виду не то же самое, о чем писали Гоббс и Боден, что имелось в виду в Вестфале-1648. Их «суверенитет» не имеет отношения к современной, многолинейной и разнонаправленной концепции «суверенитета», представляющего собой шкалу — набор компромиссов в различных областях; вовсе не «великую цель», а инструмент оценки положения государства и/или сообщества. Но в риторике политических деятелей России, включая и президента, и его пресс-секретаря, и прочих официальных лиц, включая нормативные документы[16], термин означает вещь куда более простую: власть во всей ее полноте на территории России должна принадлежать текущему руководству страны, которое должно иметь свободу в определении и претворении в жизнь внешней и внутренней политики. Точка. Ни внутренние системы контроля (демократические процедуры выборов, независимые СМИ, независимость ветвей власти и т. п.), ни внешние (международное право, членство в международных организациях) не имеют над этим приоритета, и при необходимости могут быть «без вреда» демонтированы.

Попытки провести систематический анализ современной российской идеологии, как ее пытается сформулировать политическая элита, носят характер либо реконструкции, либо ретроспекции. В некотором роде это повторяет кейс философа Александра Дугина, который всегда писал в примерно одинаковом стиле геополитического метафизического мистицизма, и умозрительные построения которого, в упрощенном виде, в определенный момент оказались удобны для оправдания политики. При этом слухи о его «закулисном влиянии» до сих пор не подтверждены.

«Историософия Кремля» не существует в виде оформленной доктрины. У нее нет ни «символа веры», ни ясного

16. Доктрина информационной безопасности России // Совет безопасности РФ. URL: http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/.

понимания цели, ни «образа будущего». Вместо этого есть набор риторических аргументов и подвижных убеждений. Да, убеждения президента Путина, полагаю, реальны — и, по внешним признакам, в некотором смысле они даже последовательны. Но идеология, а тем более политический образ внешней инстанции, который должна разделять «нация», не может существовать в голове одного человека — и транслироваться в зависимости от того, какие аргументы его спичрайтеры подобрали для нового выступления. В частности, это причина, по которой попытки определить и зафиксировать «рашизм» как идеологию остаются пока предметом публицистики, а не научной дискуссии[17].

Означает ли это, что в современной России отсутствует, или, сказать точнее, *имитируется* обоснование политической легитимности и политического авторитета через внешнюю инстанцию идеальных образов прошлого и антибудущего? Некоторые из специалистов придерживаются именно этой точки зрения: например, журналист Андрей Перцев в колонке для Фонда Карнеги предполагает, что мы наблюдаем сейчас окончательный разрыв между «народом», который хочет стабильности, и президентом, который «бороздит просторы вселенной»[18]. Это, конечно, упрощение: полагаю, часть граждан России, хотя точно измерить ее (на данный момент) едва ли представляется возможным, действительно сопрягается с политическом руководством страны в вере в культ прошлого, борьбы с Западом и т. п. На некоторую часть влияет пропагандистская машина, из умеренных делая сторонников; других она переубеждает за счет постоянного «дискурсивного наступления». Но веру некоторых только поддерживает, попадая в «изначальный запрос» (это моя гипотеза).

17. Война и рашизм. Марк Липовецкий об идеологии путинского режима // Радио Свобода. URL: https://www.svoboda.org/a/voyna-i-rashizm-mark-lipovetskiy-ob-ideologii-putinskogo-rezhima/31890195.html.

18. *Перцев А.* Враг стабильности // Карнеги. URL: https://carnegieendowment.org/politika/88441.

Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть подобные предположения, необходимы глубокие социологические исследования: из тех, что пока нам доступны, подобных выводов не сделать: «цифры — необходимая, но поверхностная картина реальности. О чем говорит цифра 60% поддержки военной операции сегодня, на 38-й день ее проведения? Об эффективности пропаганды военной кампании в Украине, о высоком рейтинге самого Путина, о том, что ее поддерживает больше людей, чем не поддерживает? О готовности записаться в добровольный батальон или терпеть экономические сложности? <…> Мы все еще замеряем отражение телевизионной картинки. По мнению 29% опрошенных, украинцы дружелюбно встречают российские войска, а 15% утверждают, что военные действия идут только на территории Донбасса»[19].

Но некоторые данные, как например исследование службы Russian Field, служат косвенным доказательством. В данном исследовании уже дважды (в 8-ой и 9-ой волнах опросов) респондентов спрашивали: «Если Владимир Путин завтра объявит о начале нового наступления на Киев, Вы поддержите такое решение?», а затем «Если Владимир Путин завтра подпишет мирное соглашение и остановит военную операцию, Вы поддержите такое решение?» — и в обоих случаях от 60% до 75% отвечало положительно. Команда Russian Field дает следующую интерпретацию:

> Не противоречит ли это повторяющимся от волны к волне цифрам поддержки «военной операции»? Ключевым моментом здесь является, конечно, ссылка на Владимира Путина. <…> С респондента снимается «бремя власти», ответственность за принятие решения: оно подается как свершившийся факт, и участнику исследования остается лишь выразить свое отношение к этому факту. В таких условиях те, кто занимают ту или иную позицию независимо от поддержки Путина, остаются при своем мнении; те же, кто выражает поддержку «военной операции» в рамках общего доверия Президенту, будут готовы принять любое из двух его про-

19. *Конева Е.* О чем не расскажут рейтинги // Палладиум. Издательство Свободного университета. 2022. № 3. URL: https://freeuniversity.pubpub.org/pub/p-3-4-koneva.

тивоположных решений. <…> эти вопросы хорошо демонстрируют неоднородность поддерживающих «военную операцию». Колебания долей в течение двух месяцев также показывают, что при такой постановке вопроса мнения россиян куда более пластичны, чем когда им приходится определяться с «решением» самостоятельно»[20].

Рассинхронизация в вопросе желаемого будущего, когда с одной стороны значительная, если не большая часть граждан ценит стабильность и статус кво, в то время как политическое руководство в поиске источника легитимности и авторитета обращается к идеологической внешней инстанции, причем обращается инструментально, спорадически, а не системно — подталкивает нас к выводу о *провале в современной России легитимации политического авторитета через внешнюю инстанцию*. Из этого заключения следует, что президент Путин, как верховный политический лидер страны, хотя и обладает безусловным политическим авторитетом (без которого он бы не смог осуществлять управление страной и контроль над силовым блоком), на самом деле является носителем не традиционного или легального, а скорее харизматического, личного типа авторитета (по Веберу), причем весьма ограниченного по базе поддержки.

3. Делегирование политического авторитета

Внешняя инстанция — не просто источник авторитета и легитимности власти, а в том числе и средство для делегирования авторитета. В традиционном модусе Господь Бог делегирует власть монарху и священнослужителям, и далее монарх, как помазанник Божий, и служители культа, как говорящие от Его имени, получают часть власти Господа. Они не сами «берут» себе эту власть и этот авторитет — Господь наделяет их им на каждой ступени иерархии, вплоть до социального авторитета патриарха—главы семейства.

20. Девять волн: сложности и парадоксы восьми месяцев «военной операции» // Russian Field. URL: https://russianfield.com/statisticasvo.

Делегирование власти в бюрократии работает, как ни странно, примерно тем же образом. В авторитете бюрократии есть прагматический (целевой) элемент - практический аспект администрирования жизнедеятельности, но есть и дискурсивный (или системный) элемент: бюрократ властен лишь до тех пор, пока он встроен в общую систему власти (является ее ячейкой). Человек (агент) не может взять и объявить себя администратором на определенной территории — ему необходимы полномочия, которые ему делегирует институт власти, обладающий политическим авторитетом. В случае России окончательным (ультимальным) политическим авторитетом обладает лишь президент Российской Федерации — в личном качестве Владимира Путина.

Известно, что у значительной части населения России любовь к Владимиру Путину соседствует с ненавистью к «правительству» — а точнее, к администрированию страны, к курсу внутренней (в отличие от «внешней») политики. Этот нарратив популярен даже среди пропагандистов: особенно ярко он проявился в процессе мобилизации[21]. Традиционно это консервативная, «телевизионная» аудитория: ностальгирующие по СССР, винящие во всех бедах России 90-ые, олигархов, приватизацию, требующие «расстрелов за коррупцию» и недоумевающих, почему же Владимир Путин до сих пор не навел порядок внутри страны железной рукой. Полагаю, часть тех же граждан готова присоединиться к критике действий президента «справа»: «если не готовы воевать до конца, не нужно было и начинать».

Но ситуация «разведения» дурного администрирования и всевластного, всемогущего и всемудрого Президента возникла не случайно. «Ручное управление» страной, которое Владимир Путин беспрестанно демонстрировал на своих «прямых

21. «Надо заканчивать врать»: Маргарита Симоньян призвала к отказу от лжи на фоне мобилизации россиян // Афиша. URL: https://daily.afisha.ru/news/68387-nado-zakanchivat-vrat-margarita-simonyan-prizvala-k-otkazu-ot-lzhi-na-fone-mobilizacii-rossiyan/; Соловьев: В 150-й раз спрошу, где наша армия в заявленные 2 млн человек? // Topwar.ru. URL: https://topwar.ru/202984-solovev-v-150-j-raz-sproshu-gde-nasha-armija-v-zajavlennye-2-mln-chelovek.html.

линиях» и тому подобных мероприятиях, являлось в некотором роде частью долгосрочной стратегии по утверждению личного авторитета Президента (как института) над авторитетом и возможностями бюрократии и «технического» правительства. При этом бюрократия в стране продолжала и продолжает работать: но ее легитимность парадоксальным образом оказалась связана не с президентом и его личным авторитетом, а с рациональной легитимностью по Веберу. Возникла система «двойной» власти, где есть витающий в эмпиреях прошлого и будущего Великий Лидер, а рядом есть дурная, низкокачественная, но все же работающая администрация, в ежедневном режиме обслуживающая страну.

Решение о проведении мобилизации нанесло по этой системе «двойной» власти удар. Бюрократия столкнулась с необходимостью реализовать запрос президента в масштабах всей страны: и несмотря на объявленное достижение целей, и отсутствие (пока что) массового протеста, стало ясно, что бюрократия не справляется с задачей. Ресурса для того, чтобы из «специальной операции» сделать «народную войну», у бюрократии нет. Более того, пока что оказывается, что ресурса авторитета на осуществление такой дискурсивной трансформации нет и у Президента России. Выяснилось, что в условиях отсутствия ресурса легитимации через разделяемую и признаваемую всеми внешнюю инстанцию, чем более решительного вмешательства в личную жизнь граждан требует Президент, тем меньше рационально-легального авторитета остается у бюрократии.

Более того: когда встал вопрос об «окончании» мобилизации, выяснилось, что «слово президента имеет силу большую, чем указ»[22]. Таким образом, авторитет бюрократии снова был принесен в жертву политической целесообразности.

Систему, выстроенную на политической демобилизации, нельзя развернуть в сторону мобилизации «волевым решением». Поэтому то, что мы наблюдали с начала военной мобили-

22. «Вы думаете, указ сильнее, чем слова?» Сенатор Клишас — о том, почему нет официального документа о завершении мобилизации // Медуза. URL: https://meduza.io/news/2022/12/08/vy-dumaete-ukaz-silnee-chem-slova-senator-klishas-o-tom-pochemu-net-ofitsialnogo-dokumenta-o-zavershenii-mobilizatsii.

зации в России, я полагаю справедливым обозначить как *провал системы делегирования политического авторитета*.

4. Потеря авторитета и война как попытка его вернуть

В первые дни войны политолог Глеб Павловский сформулировал следующий тезис: «это решение одного Путина, — может быть, именно этим для него оно и ценно. Что он сам решил, а не кто-то другой, он вернул себе суверенитет — в своем воображении, конечно»[23]. К середине четвертого президентского срока Владимир Путин, по мнению политолога, утратил рычаги управления страной — исполнимость даже его прямых указаний снизилась, как и возможности прямого влияния на государственное администрирование. Элиты и его окружение окопались на финансовых и политических потоках, фактически устранив президента от власти — оставив ему лишь те самые внешнеполитические эмпиреи. Исчезновение «крымского эффекта»[24] и возвращение рейтингов на докрымский уровень, с другой стороны, стали свидетельствами кризиса личного авторитета Президента уже не со стороны элиты, а со стороны граждан.

Ряд специалистов считает, как вторжение в Украину было попыткой «повторить» Крымский сценарий: и даже когда вторжение пошло не так, как было задумано, «присоединение» четырех областей Украины к России с точки зрения ритуала и церемонии выглядело «присоединением Крыма 2.0»[25].

Мы не знаем, по крайней мере на данный момент, чем доподлинно руководствовались лица, принявшие решение о вторжении и/или склонявшие президента к этому решению. Однако фактически ситуация сложилась так, что «объединение

23. *Павловский Г.* «Путин сам является главной и желанной мишенью собственной пропаганды» // Холод. URL: https://holod.media/2022/04/30/pavlovsky/.

24. *Барышева Е.* «Крымский эффект» в России закончился: что дальше? // DW. URL: https://bit.ly/3YfEloZ.

25. «Как прежде уже не будет». В Кремле подписали договоры о присоединении четырех оккупированных регионов Украины // BBC. URL: https://www.bbc.com/russian/news-63080785.

вокруг флага» стало вынужденным. Оставшись без источников авторитета, без разделяемой гражданами идеологии и общей веры во внешнюю инстанцию, выяснилось, что единственный оставшийся источник авторитета для руководства России сегодня — внешняя инстанция страха.

Концепция антибудущего, о которой речь шла выше, является в некотором роде прологом: логика антизападничества и построена на страхе перед «наступающим неолиберальным рейхом». Но одно дело — наступление культурное и эфемерное, и совсем другое — реальные боевые действия, идущие у самых границ страны.

Власть, которая основывается на внешней угрозе, это не то же самое, что власть, стоящая на насилии. Хотя и там, и там, обоснованием подчинения является страх, в нашем случае это не прямое насилие, а дискурсивное. Граждан убеждают — по всем доступным каналам — что им грозит реальная, недвусмысленная, физическая опасность. И единственное (единственный), кто стоит между ними и недремлющим врагом — это Президент Владимир Путин. Если раньше подобные разговоры о приближении НАТО к российским границам могли носить отвлеченно-теоретический характер, то сегодня железным аргументом убеждения является сам факт ведущейся против Украины войны — и правда, если бы угроза не была прямой и явной, неужели Президент бы решился на войну, причем такого масштаба?..

Точно это выразил Александр Баунов: «...сторонники Путина и его войны воспринимают вторжение в Украину не как агрессию против соседнего государства. Для них это акт сопротивления, ответный удар по гораздо более могущественным силам Запада»[26]; иными словами для них Путин не атакует, а защищается, ведет *оборонительную войну*.

Кризисная ситуация и военное положение («чрезвычайное положение»[27]), в принципе, способны восполнить дефицит

26. *Баунов А.* Война как мятеж // Карнеги. URL: https://carnegieendowment.org/politika/88390.

27. Используется в агамбеновской интерпретации: *Агамбен Д.* Homo Sacer. Чрезвычайное положение. М., 2011.

авторитета и ресурса легитимности. Особенно в ситуации, когда мы имеем дело с атомизированным обществом, нуждающемся в стабильности и не готовым к самоорганизации и коллективному действию в борьбе за политические права. Некогда популярный лозунг «если не Путин, то кто?» ясно отражает состояние растерянности общества, лишенного политических авторитетов.

Неочевидным образом, однако, персоналистский характер политического авторитета президента Путина в итоге оборачивается кризисом преемничества. Преемник, даже получив власть из рук Владимира Путина, не будет обладать той же легитимностью. Авторитета самого Путина уже не хватит — иначе бы и война, как средство восстановления властного суверенитета, была бы не нужна.

Российская Федерация, как политическое образование, оказалась в очень тяжелой ситуации. Государство дисфункционально[28]. Но политический авторитет, даже в своих неформальных, наиболее текучих и живучих формах, тоже дисфункционален. Внешняя инстанция страха — перед идущей уже войной, перед ядерной атакой, перед наступлением Запада и НАТО — последнее, что осталось, для того чтобы поддержать ненасильственное правление и сплотить граждан (значительную часть) вокруг Кремля. В некотором смысле эту идеологию можно назвать, по аналогии с антибудущим, *антиидеологией* — строящейся не на попытке создать утопию, а скорее на призыве избежать (выдуманной) антиутопии.

Каковы будут последствия?

Строить предположения, тем более на основании концептов и гипотез, — значит спекулировать. Тем не менее несколько тезисов — в том числе для провоцирования дискуссии — выдвинуть можно.

Во-первых, кризис формальных институтов, как известно из истории, «оживляет» дремлющие неформальные структуры. Это касается и мафиозных, криминальных структур, так

28. См., например, последнюю монографию Владимира Гельмана: *Gelman V.* The Politics of Bad Governance in Contemporary Russia. University of Michigan Press, 2022.

и религиозных, квазирелигиозных групп; региональных националистических объединений и т. д. Те лидеры, которые будут способны сохранить во время кризиса государства свои структуры, окажутся в выгодном положении — и смогут повлиять, в дальнейшем, на будущее России. Степень их влияния обсуждаема. Но также нам известно, что в ситуациях, когда кризису государства и формальных институтов способствует практика «зачистки» политического поля и уничтожения несогласных, — в итоге «выжившими» оказываются не мирные, ненасильственные и готовые к компромиссу, а наоборот, наиболее радикальные объединения и структуры. Ограниченность политического влияния они будут способны заменить готовностью идти на жертвы.

Во-вторых, в случае, если перед следующим(и) поколением(ями) государственных деятелей России встанет задача строительства полноценного, а не квази- государства, то проблема политического авторитета — особенно после катаклизмов XX века и начала XXI века — станет ключевой. Где взять источник легитимной власти — который будет способен объединить «в одной вере» и молодое городское население, желающее быстрых реформ, и разочарованных и испуганных «пожилых» (а Россия, известно, страна стареющая)? И это, разумеется, не вопрос «государственной идеологии». Внешняя инстанция политического авторитета — институт, который скорее находится в противоречии с формальными идеологиями. Будет ли достаточно «веры» в разумность, честность, благость демократических процедур? Станет ли идея строительства адекватного и современного государства, гарантирующего права и свободы человека, востребована? И особенно для тех, кто уже прошел периоды «разочарования» в 90-е и начале 2000-х годов? Не возникнет ли соблазн «мобилизовать» граждан России на государственное строительство и участие в политике через призыв к «национальному реваншу» — и уже не карго-варианту, как с культом Великой Отечественной войны, а к искреннему реваншу — «местью» за фактическое поражение в войне «с Украиной и блоком НАТО»?

Это не более, чем гипотезы. Но факт в том, что в России произошло (было произведено) замещение политических ин-

ститутов, как формальной государственной власти, так и неформального политического авторитета, ситуацией кризиса и чрезвычайного положения. Долгосрочные последствия этой аберрации нам только предстоит осознать и проанализировать. Но сейчас уже ясно — простого и скорого решения не существует.

Failed Authority. Malfunctions of Political Power in Russia

Kirill (Cyril) Fokin, PhD in Political Science

Abstract: Problem of Political Authority as obeyance without coercion is crucial to contemporary Russia. The Russian Leadership in its quest for a source of legitimacy tries to invent some kind of external authority, using history and people's memory as tools, and at the same time to preserve rational and legal types of authority for bureaucracy. These strategies were partly successful before the war. However, it seems that after the 24th of February and after the (partial) mobilization these strategies are starting to fail. Russia appears as a country where bad governance and dysfunctional state system are being redoubled by the malfunctions of political authority both in formal and informal ways. If we use this optics, it seems logical to consider the attempt of Russian Leadership to "get back" political authority as one of the main reasons of the war. They tried to create a situation of a crisis and the "state of emergency", because they knew that the systems of their authority are failing.

Keywords: political authority, political power, "state of emergency", legitimacy, Russia, state, terror

Закон и справедливость. Еще раз о неправовых законах по следам Густава Радбруха

Елена Лукьянова
Доктор юридических наук, профессор Свободного университета (Brīvā Universitāte, Латвия)

Аннотация: В статье подробно рассматривается концепция “верховенства права” немецкого правоведа и философа права Густава Радбруха. Согласно данной концепции, если закон намеренно попирает право, волю правосудия, например, отказывая в правах на основании произвола, то он не просто незаконен, но вообще не имеет юридической природы и должен быть отменен в пользу права средствами правосудия. Современный политический дискурс в России отражает это: решения принимаются на основе концепции “закон есть закон”, а законы принимаются в целях укрепления авторитарного режима и для подавления правды. По мнению Радбруха, справедливость всегда должна превалировать над юридической стабильностью, и если законы становятся несовместимыми со справедливостью, то люди должны отказаться признавать их правовой характер. В таких случаях гражданское неповиновение является моральным долгом граждан, и необходимо приложить явные усилия для устранения последствий неправового произвола.

Ключевые слова: правовая законность, неправовые законы, право и мораль, справедливая стабильность, позитивизм, незаконное государство, гражданское неповиновение, правовая стабильность, легитимность, деспотический режим.

DOI: 10.55167/d3a9ae3ff500

Густав Радбрух — немецкий адвокат по уголовным делам, затем министр юстиции Веймарской республики, профессор права. После прихода Гитлера к власти он по политическим мотивам был отстранен от преподавания. После поражения нацистов Радбрух вернулся в право. В 1945–1946 годах он написал книгу «Философия права» (Gustav Radbruch «Rechtsphilosophie»), в которой был вынужден констатировать: вера в принцип «закон есть закон» сделала немецких юристов беззащитными перед законами преступного и произвольного содержания. И вот какой вывод он сделал: «Если законы намеренно попирают волю

к справедливости, например, произвольно предоставляя тому или иному лицу права человека или отказывая в них, то такие законы недействительны, люди не обязаны им подчиняться, а юристы должны найти в себе мужество не признавать их правовую природу». Примером таких ущербных законов (*Schandgesetzen*), по Радбруху, являются случаи, когда отдельные нации или расы по закону признаются «неполноценными» (*Untermenschen*), когда для множества преступлений разной степени тяжести и с разными формами вины преступников применяется одна и та же мера наказания (смертная казнь), когда предательством считаются «вражеские» радиопередачи и малейшие замечания в адрес фюрера. Преступления против человечества также представляют собой неправо, даже если облечены в форму закона[1].

Перечитывая книгу Радбруха, невольно возникают прямые аналогии с современным состоянием российской правовой системы, а его выводы представляются более чем актуальными для тех, кто размышляет о ее будущем. Сегодня российские юристы оказались в таком же беспомощном положении, как и немецкие во времена третьего Рейха. Многие из них понимают катастрофическую ситуацию с неправовым характером законов и даже фиксируют это состояние публично. Однако в условиях диктатуры такая фиксация не дает ощутимых результатов. Все это усугубляется чудовищным искаженным правоприменением и отсутствием свободной воли судов, приводящей к неправосудию. С этой точки зрения вялотекущая научная дискуссия о правовых и неправовых законах, которая велась в России на протяжении последних двадцати лет (описана в книге «Авторитаризм и демократия»)[2], выходит в современных условиях на одно из первых мест по своей экстренной значимости.

1. *Радбрух Г.* Философия права. М., 2004.

2. См.: *Лукьянова Е., Шаблинский И.* Авторитаризм и демократия. М.: Мысль. 2019. С. 232–261

На публичном уровне (за пределами академического сообщества)[3] эта дискуссия была начата судьей Конституционного Суда России Геннадием Жилиным. В 2000 году он опубликовал небольшую статью «Соотношение права и закона», в которой утверждал следующее: «Я исхожу из различия права как объективного регулятора общественных отношений и закона как формы выражения права; законы не всегда адекватно выражают право, в связи с чем от правовых необходимо отличать неправовые законы, которые законодателем не должны приниматься, а судами — применяться. Такая посылка непосредственно вытекает из положений действующей Конституции, провозглашающей Российскую Федерацию демократическим правовым государством, правовая система которого ориентирована на понимании права как общеобязательной формы равенства, свободы и справедливости, где критерием выступает сам человек, его права и свободы, которые должны определять смысл, содержание и применение законов, а также деятельность всех органов государственных органов, в том числе и суда.

Закрепленному в Основном Законе страны юридическому правопониманию противостоит легизм, отождествляющий право и закон и рассматривающий право как систему общеобязательных норм, охраняемых силой государственного принуждения, безотносительно к содержанию нормативных установлений.

При юридическом правопонимании также не подвергается сомнению, что право для выполнения регулятивных и охранительных функций опирается на авторитет и силу государства, *воля которого*, однако *ограничивается, поскольку при принятии и применении законов государство*, в лице его органов законодательной, исполнительной и судебной власти, *обязано*

3. Безусловно, отдельные ученые рассматривали вопрос о соотношении права и закона. См., например: *Нерсесянц В. С.* Юриспруденция: Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. С. 3; *Его же.* Философия права. М., 1998. С. 38–39; *Тихомиров Ю. А.* Теория закона. М.: Наука, 1982. С. 26, 688; *Самигуллин В. К.* Теория права: курс лекций. Уфа, 1998. Ч. III.

действовать не по субъективному усмотрению, а ***в соответствии с объективными требованиями права***»[4].

Проблема, поднятая судьей Жилиным, была поддержана и развита в целом ряде правовых и политических исследований[5], но, к сожалению, осталась малопонятной для массового юридического восприятия. В первую очередь потому, что многие поколения отечественных юристов и юристов стран — бывших республик СССР вообще никогда ничего не слышали о какой-либо разнице между правом и законом. До сих пор во многих учебниках и в научных работах по теории права не только не приводится каких-либо сущностных различий между ними, но они прямо отрицаются. В этих учебниках закон всего лишь источник, высшая форма внешнего выражения права, а значит, он не может быть неправовым. Например, самарские специалисты (доктора и кандидаты наук) и по сей день утверждают, что категория «правовая законность» не привносит ничего нового ни в содержание права, ни в содержание законности. С их точки зрения, это нонсенс[6]. К началу российской агрессии в Украине ситуация с неправовыми законами и антиправовым правоприменением в стране обострилась

4. *Жилин Г. А.* Соотношение права и закона // Российская юстиция. 2000. № 4. URL: https://base.garant.ru/970445/.

5. *Баренбойм П. Д.* Концепция Зорькина — Танчева о соотношении современных доктрин верховенства права и правового государства. URL: http://philosophicalclub.ru/?an=Barenboim_-_Kontseptsiya_Zorkina-Tancheva; *Витрук Н. В.* Конституционное правосудие в России. Очерки теории и практики. М., 2001. С. 58; *Лапаева В. В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 494–495; *Колкарева И. Н.* Проблемы теории правового закона и правовой законности. Дис… канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2002 [РГБ ОД, 61:03-12/284-0]. *Малышева И. В.* Законотворческий риск: понятие, виды, детерминация: Автореф. дисс… канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

6. См.: *Ведяхин В. М., Галузин А. Ф* Конституционный суд об общеправовых принципах // Российский юридический журнал. 2009. № 1. С. 183; *Архипов С. И.* Либертарная теория права В. С. Нерсесянца: достоинства и недостатки // Электроное приложение к «Российскому юридическому журналу». URL: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/517.

кратно. Неправовое регулирование привело к тому, что само государство фактически стало «фигурантом» целой главы УК РФ (глава 34 «Преступления против мира и безопасности человечества»). То есть теперь уже недостаточно просто обсуждать на научных конференциях теорию правовых законов. Наша задача поднять проблему на новый уровень обсуждения — что нам делать с такими законами дальше.

Однако, вернемся к Густаву Радбруху. Он закономерно полагал, что главными целями любого нормативного предписания являются его стабильность, целесообразность и справедливость. Все три цели-предназначения права важны и безусловны, это идеальная триада. Но, во-первых, если две из них можно хоть как-то идентифицировать, то с третьей сложнее, поскольку она из разряда морали и системы ценностей. Очень сложно определить, что является справедливым для всех и чем отличается просто несправедливое от «невыносимо» несправедливого[7]. А, во-вторых, что делать, если они приходят в противоречие друг с другом? Если целесообразное несправедливо или стабильное нецелесообразно? В этом случае у какой-то из целей должен быть приоритет, и в критическом состоянии выбора этот приоритет превалирует над всем остальным.

Ответ есть. Справедливость, *justice*, юстиция — главная цель и задача права, правосудия, любой юридической деятельности. Англичане уже давно не употребляют слово «право» в чистом виде. У них в юридическом дискурсе оно называется *law and morality* (право и мораль). И для британского общества эта мораль ясна и понятна, потому что это уже не просто мораль, а превалирующее общественное мировоззрение, основой которого является ценность прав и свобод человека[8]. Стабильность невозможна и бессмысленна без справедливости. Несправедливая стабильность приводит к вырождению и уми-

7. *Renzikowski J.* Die Radbruchsche Formel — Hintergründe und Wirkungsgeschichte // Rechts– und Staatsphilosophie der Relativismus. Pluralismus, Demokratie und Rechtsgeltung bei Gustav Radbruch. Baden-Baden, 2011. S. 225.

8. См.: *Варламова Н. В.* Права человека как высшая конституционная ценность // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации. Т. 1. М.: РАП, 2010. С. 239–248.

ранию государства и общества. Правильно (целесообразно) то, что имеет наилучшие справедливые последствия.

«Право» не равно «закону», а «верховенство права» не тождественно «диктатуре закона» — это формула Радбруха. Ее суть состоит в следующем: там, где к справедливости даже не стремятся, где равенство, являющееся основой правосудия, отвергается и в законодательном процессе — там закон не просто «неправовой». На самом деле он вообще не имеет юридической природы. И потому должен «нуллифицироваться» судьей в пользу справедливости.

Если законы сознательно попирают волю справедливости, например, предоставляя тому или иному лицу права человека или отказывая в них исключительно по произволу, то в этих случаях подобные законы недействительны, народ не обязан подчиняться им, а юристы должны найти в себе мужество не признавать их правовой характер». Радбрух ставит справедливость выше стабильности. Но одновременно он уточняет, что справедливость имеет приоритет лишь тогда, «когда действующий закон становится столь вопиюще несовместимым со справедливостью, что закон как «неправильное право» отрицает справедливость, когда к справедливости даже не стремятся, а когда равенство, составляющее ее основу, сознательно отрицается в правотворческом процессе»[9].

В этой связи вновь возникает вопрос, который многие ученые ставят в самых разных исследованиях о политических режимах, об избирательных системах, о парламентаризме — при каких условиях возникает полное отсутствие стремления к справедливости? Возможно ли это, когда законы принимаются демократически избранном парламентом в ходе сопоставления разных точек зрения? Вряд ли. Нормальная парламентская дискуссия в органе, состоящем из представителей разных политических платформ, так или иначе затронет вопрос о справедливости. Ее не будет только тогда, когда этот органе сформирован таким образом, что в нем будет только одна доминирующая платформа и одна превалирующая точка зрения, которая независимо от справедливости должна быть

9. *Радбрух Г.* Философия права. С. 224–226.

утверждена и оформлена законом. Такая модель управления обществом по принципу «принято — извольте исполнять», а «закон есть закон», каково бы ни было его содержание, и есть та самая опасная форма юридического позитивизма, приводящая к страшным последствиям. Она свойственна абсолютным монархиям и авторитарным псевдопарламенским режимам. В этих условиях с помощью закона может твориться любой произвол. Но закон и произвол — это совершенно разные вселенные. Закон произвола — это не просто неправовой закон, это вообще не право.

Радбрух писал:

> Позитивизм с его верой в принцип «закон есть закон» сделал немецких юристов беззащитными перед законами преступного содержания и диктуемыми произволом. При этом позитивизм не в состоянии самостоятельно обосновать действительность закона. Позитивизм исходит из того, что действительность закона доказывается его способностью силой добиться его исполнения.
>
> Невозможно разграничить случаи «законодательного неправа» и закона, действующего вопреки своему несправедливому содержанию. Зато можно четко определить: когда к справедливости даже не стремятся, а когда равенство, составляющее ее основу, сознательно отрицается в правотворческом процессе, тогда закон не является лишь «несправедливым правом», но даже более того — он является неправовым по своей природе, ибо право, включая и позитивное, нельзя определить иначе, чем порядок и совокупность законов (*Satzung*), призванных по сути своей служить справедливости. И этому критерию право нацистов не отвечает ни в целости, ни в отдельных его частях.
>
> Наиболее бросающейся в глаза чертой личности Гитлера, личности, которая наложила свой отпечаток на все нацистское «право», было полное отсутствие правды и права в истинном смысле этих слов. Поскольку у Гитлера не было и намека на правду, ему ничего не стоило без стыда и совести придавать своему пропагандистскому воздействию видимость правды. А поскольку у него не было правового чувства, он без раздумий возводил самый вопиющий произвол в закон.

Правонарушитель, который допустил ошибку, руководствуясь патриотическими побуждениями, не может подлежать такому же наказанию, как некто другой, мотивировка которого (в нацистском понимании) носила антинародный характер. Тем самым изначально давалось понять, что так называемое «национал-социалистическое право» стремилось отмежеваться от требования, определяющего суть справедливости: равноправного отношения к равным. Как следствие, у этого «права» отсутствовала правовая природа. И оно не было «несправедливым правом». **Оно просто не было правом вообще**. Это особенно касается норм, с помощью которых национал-социалистическая партия, представляя, как и всякая другая партия, лишь часть населения, предъявила претензию на узурпацию всего государства[10].

Современная Россия живет во вселенной произвола. Эта вселенная, увы, сильно напоминает Германию времен третьего Рейха. Российский парламент, сформированный в ходе нечестных и несправедливых выборов, имеет только одну точку зрения захватившего власть в стране автократа, полностью лишенного правового чувства. Эта точка зрения триумфально доминирует по любым вопросам под лозунгами о патриотизме и без каких-либо дебатов о справедливости. Вот яркий образчик произвольного неправового законотворчества: 1 декабря 2022 года в России вступил в силу исправленный и дополненный закон об иноагентах[11], который ввел для лиц, внесенных в соответствующий реестр множество новых дискриминирующих запретов: преподавать, проводить публичные мероприятия, организовывать митинги, участвовать в образовательной деятельности и госзакупках, быть членами избирательных комиссий, жертвовать деньги партиям, вести упрощенный бухучет. Депутаты утверждают, что преподающие за рубежом иноагенты могут быть оштрафованы и заочно судимы в России. Так они трактуют этот обновленный закон, называя его «вкладом в Победу». Хотя по своей сути это абсолютное «неправо», нормы, не имеющие ничего общего, ни

10. *Радбрух Г.* Философия права. С. 233–234.

11. Сам термин «иноагент» в его российской транскрипции также не имеет ничего общего с правом.

с Конституцией, ни с общепринятыми международными нормами, ни со справедливостью. Здесь налицо то, что в частном праве называется «шикана» — злоупотребление правомочием в форме умышленных действий, совершаемых с целью причинить вред другому лицу. Только в качестве злоумышленника выступает государство, которое в определенных целях (чаще всего во имя неправомерного удержания власти) вырывается за границы правовой клетки, определенной для него изначальным носителем власти (народом), и начинает своими полномочиями злоупотреблять. Решения, принимаемые за пределами клетки, внешне выглядят как право, но при этом правом не являются[12]. Вред же при этом причиняется неопределенно широкому кругу лиц.

Российское правоприменение и политический дискурс в полной мере соответствуют неправовому законотворчеству. Вот как описал философ Кирилл Мартынов свои ощущения всего от одного дня 9 декабря 2022 года, когда был вынесен приговор российскому политику Илье Яшину, получившему

12. «Учредительная власть не исчерпывается принятием конституции, но продолжает реализовываться и в период ее действия. Существование учредительной власти как до, так и после вступления в силу конституции ставит вопрос не только о природе и статусе учредительной власти на различных этапах ее развития, но и о связанности учредительной власти принятой ею конституцией. При этом существует различие между первоначальной и производной учредительной властью. Если первоначальная учредительная власть является абсолютной и не подлежит конституционному регулированию, для нее отсутствуют какие-либо правила изменения конституции, не действуют пределы изменения прежней конституции и в ее отношении не может осуществляться (или безрезультатно осуществляется) конституционный контроль. Напротив, производная учредительная власть, уполномоченная на изменение конституции ею самой, не является абсолютной, позитивно ограничена конституцией в своих полномочиях, обязана следовать установленным конституцией правила и соблюдать установленные формальные и материальные (если они есть) пределы конституционной трансформации». См.: *Шустров Д. Г.* Конституция и учредительная власть: проблема ограничения // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 29–39.

8,5 лет лишения свободы за рассказ о преступлениях российских военных в украинской Буче:

> Я думал об этом, когда судья Оксана Горюнова, с виду обычная гражданка, приговорила Илью Яшина к 8,5 годам тюрьмы за правду о войне, *по закону, принятому ровно для того, чтобы заткнуть нам рты и заставить молчать о преступлениях военных*. У Оксаны нет свастики, но имя Российской Федерации уже с успехом заменяет ее. Это зло повседневно, оформлено в соответствии с процедурой, и, как и полагается, после акта растления, совершенного в зале судебных заседаний, следует идти гладить детей по головам окровавленными руками. Скорее всего, судья прекрасная мать, которая просто выполняла приказ.
> На заседании совета по правам человека Путин сообщил накануне, что ему на самом деле всегда мешали эти самые права, ведь они направлены против государства. Кивалы совета славили эту мысль и обещали своему президенту такие права, которые, наоборот, направлены на усиление всего государственного — это какого надо человека права.
> Сенатор Клишас, продолжая эту зловещую оргию, приподнявшись на паланкине, перепачканный кровью, провозгласил, что слова президента имеют более важное значение для отечественного права по сравнению с какими-то документами или указами. Право — это слова плешивого Нерона, оно творится в реальном времени, подстраивается под настроение отца народов и высоту его каблуков[13].

Да, конечно, мы можем многократно эмоционировать, возмущаться, негодовать и переживать о состоянии закона

13. Илья Яшин обвинялся по п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ (распространение заведомо ложной информации об использовании вооруженных сил по мотивам политической ненависти). По версии обвинения, Яшин в ходе своего стрима в YouTube «утвердительно сообщил» зрителям, что российские военные убивали мирных жителей украинской Бучи, и при этом пренебрежительно отзывался о действующей в России власти. Ранее в суде выступили свидетели обвинения, в том числе сотрудник центра по противодействию экстремизму МВД Иван Кучеров, на основании рапорта которого было возбуждено дело, и лингвист из судебно-экспертного центра СКР Марина Савосина, которая заключила, что в ходе стрима политик выражал негативное отношение к минобороны России.

и законности в России. Но, пожалуй, сейчас важнее поставить четкий диагноз происходящему и, исходя из этого диагноза, спрогнозировать свои действия на будущее.

> Нельзя недооценивать — особенно после 12 лет фашистского режима, — какую страшную угрозу для правовой стабильности может представлять собой понятие «законное неправо», отрицание правовой природы законов. Хотелось бы надеяться, что такое «неправо» окажется единственной ошибкой в истории немецкого народа. Но в то же время мы должны быть готовы встретить во всеоружии потенциальную опасность возврата подобного неправового государства посредством преодоления позитивизма, который лишал сил и способности противостоять злоупотреблениям нацистского законодательства,

— писал Густав Радбрух[14].

Неправовая законность, обеспеченная силой государства, есть произвол. Радбрух признает, что «вполне мыслимы случаи, когда содержание неправомерных актов, степень их несправедливости или нецелесообразности столь значительны, что правовая стабильность, гарантированная действующим правом, не может приниматься во внимание». По всей видимости, имеется в виду ситуация, когда право настолько отклоняется от своей идеи, что теряются главные его характеристики, поэтому такое право считается недействительным и неправомерным. «Несовершенство человека не позволяет гармонично объединить в законе все три ценности права — общую пользу, правовую стабильность и справедливость, и остается лишь выбирать между тем, соглашаться ли во имя правовой стабильности на действие плохого, вредного или несправедливого закона или отказать ему в действии, учитывая его несправедливость и вред, наносимый всему обществу. Но народ и юристы в особенности должны четко осознавать, что хотя законы, в значительной мере несправедливые и наносящие ущерб обществу, и могут существовать, им следует отказывать в действии и в признании их правового характера»[15].

14. *Радбрух Г.* Философия права. С. 235.

15. Там же. С. 196.

То есть дается четкий рецепт того, что должно быть сделано в России в результате осмысления происходящего. Исполнение или неисполнение неправовых законов — вот главная моральная дилемма. Кажется, ее разрешил еще в середине XIX века американский писатель и общественный деятель Генри Торо, утверждавший, что гражданское неповиновение правительству, совершающему аморальные поступки, есть обязанность гражданина[16]. Отсюда вывод — нам не просто надо нуллифицировать людоедские неправовые законы российского режима двух последних десятилетий и особенно последнего года. Мы ОБЯЗАНЫ это сделать! Потому что, еще раз цитируя Радбруха, «преступления против человечества также представляют собой неправо, даже если облечены в форму закона».

«Помнить о возможности невозможного гораздо продуктивнее, чем все время думать о невозможности возможного», — написал на своей странице в сети Фейсбук политолог Кирилл Рогов. Да, пока мы еще находимся в условиях антиправового государства в его терминальной стадии. Нам еще только предстоит осознать в полном объеме фатальные последствия юридического позитивизма в условиях диктатуры. Задача создания институциональных и правовых условий для предотвращения его потенциального возврата у нас пока еще смутно просматривается на горизонте грядущих возможностей. Но нам пора говорить и думать об этом. Потому что задача, которая осмыслена и поставлена заранее, всегда реализуется эффективнее.

PS. Где-то совсем рядом с проблемой ликвидации последствий неправового произвола мелькает вопрос: что выше — легитимность восставшего народа или легитимность деспотического режима? Ведь эти две легитимности рано или поздно все равно столкнутся. Но это уже совсем другая история, которая требует специального юридического анализа.

16. См.: *Торо Г. Д.* О гражданском неповиновении. М.: Искусство, 1977; *Шапсугов Д. Ю.* Правовой закон как условие обеспечения оптимального единства государственной власти // Северо-Кавказский юридический вестник. 2001. № 3. С. 3–9.

Law and Justice. Once again about unlawful laws in the footsteps of Gustav Radbruch

Elena Lukyanova, PhD. in law, professor at Free University (Brīvā Universitāte, Latvia)

Abstract: The concept of the "rule of law" of the German jurist and legal philosopher Gustav Radbruch is discussed in detail in this article. According to this concept, if the law deliberately flouts the will of justice, for example by granting or denying rights on the basis of arbitrariness, then it is not just illegal, but has no legal nature at all and must be overturned in favour of justice. Contemporary political discourse in Russia reflects this: Decisions are made on the basis of the concept of 'law is law' and laws are enacted to strengthen the authoritarian regime and to suppress the truth. According to Radbruch, justice should always prevail over stability and if laws become incompatible with justice, people should refuse to recognise their legal character. In such cases, civil disobedience is the moral obligation of citizens and a clear effort should be made to remove the consequences of unlawful arbitrariness.

Keywords: legal legitimacy, unlawful laws, law and morality, just stability, positivism, illegitimate state, civil disobedience, legal stability, legitimacy, despotic regime.

Об идеологическом оформлении авторитарных режимов

Илья Шаблинский
Доктор юридических наук, профессор Свободного университета (Brīvā Universitāte, Латвия)

Аннотация: В статье раскрываются варианты государственных идеологий, которые разрабатывались в условиях авторитарных режимов в течении XX века. По мнению автора, идеология, выработанная российским авторитарным политическим режимом в первые два десятилетия XXI века, может быть классифицирована как правый радикализм, черпающий аргументацию и символы из советской эпохи. Она будет жертвой своей бесславной исторической судьбы, после того, как пропаганда тоталитарного режима будет использована для усиления агрессивных действий против Украины.

Ключевые слова: радикализм, европейский национал-социализм, русский национал-большевизм, авторитарный политический режим, тоталитарный режим, дремлющий национализм, массовая миграция.

DOI: 10.55167/0974dc7c9aaf

Спустя примерно 30 лет после демонтажа однопартийного коммунистического режима государство в России вновь предприняло попытку создать подобие государственной политической идеологии и обосновать авторитарную власть и внешнюю экспансию. Формально совокупность тех установок, которые артикулировались государственными СМИ, не была обозначена как новая идеология. И более того: продолжала действовать норма части второй статьи 13 Конституции РФ, согласно которой «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Но в реальности российское государство примерно в 2012–2014 гг. приступило к широкой пропаганде новых обязательных установок и стало последовательно воплощать их в нормах законодательства. Эта пропаганда шла в течении нескольких лет до войны, развязанной режимом Путина против Украины, но во время войны она усилилась, несколько расширив арсенал идеологических установок. Они, в общем, не представляли стройной системы,

и в некоторых случаях выглядели чересчур размыто. Но, как оказалось, с точки зрения эффективности пропаганды, это не так уж и важно.

Следует внимательнее присмотреться к данным установкам. Но вначале представляется целесообразным исследовать опыт других авторитарных режимов, также пытавшихся на разных этапах своего развития использовать обязательные для граждан идеологические постулаты. Опыт идеологизации политического режима в России при Путине следует рассмотреть в определенном историческом контексте. С учетом успехов и неудач других диктаторов на данном поприще.

1. Виды политических идеологий и авторитаризм

Выработка оригинальной государственной идеологии, как известно, не относится к числу неотъемлемых признаков авторитарных режимов. То есть, подобные режимы обычно не используют тех форм навязывания идей и учений, которые нам знакомы по советскому прошлому. У многих исследователей можно встретить вывод о том, что идеологический контроль над сферой культуры и СМИ, введение идеологических предметов в программы школ и университетов, идеологические требования к госслужащим и прочее — черты, присущие другому типу политических режимов, тоталитарному[1].

И, в общем, с этим выводом мы не будем спорить. Но нужно признать, что и в условиях режимов, формировавшихся, прежде всего с целью обеспечения неограниченной власти одного лица (группы лиц), у этого лица (и его окружения) иногда возникает соблазн подкрепить свои идейные установки всей мощью государства. Государственная идеология, в таких случаях рассматривается как дополнительный инструмент, укрепляющий status quo.

1. См.: *Levitsky S., Way L. A.* The Rise of Competitive Authoritarianism // Journal of Democracy. № 13 (April 2002). P. 52; Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / Ed. by A. Schedler, Boulder, CO; London: Lynn Rienner Publishers, 2006; *Wilson A.* Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven, CT; London: Yale University Press, 2005.

В этой связи следует различать два подхода к оформлению идеологической позиции власти, два ряда случаев:

1. Случаи, когда идейные установки главы режима (правящей группы) широко пропагандируются именно как установки правящей и доминирующей в государстве политической силы, но не становятся идеологией государства. Эти установки, как правило, и не образуют целостной идеологии.
2. Случаи, когда подобные установки закрепляются в официальных актах государства — в законах или даже конституциях, и являются обязательными для граждан. В подобных ситуациях принято считать, что политический режим перерождается из авторитарного в тоталитарный — по крайней мере, явно приобретает тоталитарные черты. Исследователям такие случаи оставляют широкое поле для дискуссий на тему классификаций.

Политические режимы, существовавшие в Испании до 1975 года и в Португалии до 1976 года, включали такой элемент как государственная идеология, закрепленная в актах государства (в Португалии в конституции). В Египте при Г.-А. Насере и в Ливии при М. Каддафи определенные идеологии также находили отражение в конституциях и законах. Режимы, существовавшие на Филиппинах при Ф. Маркосе до 1986 года и в Индонезии при Сухарто до 1998 года, закрепляли в законах некоторые отдельные идеологические принципы, которые использовались для укрепления личной власти.

Из ныне действующих авторитарных режимов к подобным случаям можно отнести, пожалуй, лишь режим в Туркмении, сложившийся в конце 1990-х гг.

Несколько слов об основных типах идеологий, используемых авторитарными правителями — с точки зрения их содержания. Если мы говорим о второй половине XX века, то при всем разнообразии подобных режимов они обычно использовали один из двух наборов идеологических установок: традиционалистский (он же антикоммунистический) и прокоммунистический (или радикально-социалистический). В определенной мере выбор одного из этих двух вариантов был

обусловлен межблоковым противостоянием, которым, вообще, в значительной мере было определено идейное содержание целой эпохи — второй половины XX века. Можно вспомнить и о попытках обоснования авторитарного режима с помощью какого-то третьего идеологического пути (например, идею «Джамахирии», выдвинутую диктатором Ливии). Но при ближайшем рассмотрении выяснялось, что уйти от двух исходных идеологических моделей так и не удалось.

Несколько слов об общих для большинства рассматриваемых здесь режимов идеологических установках, которые находили ту или иную форму официального закрепления или одобрения.

Прежде всего, речь должна идти об оправдании диктатуры и диктаторских методов руководства, об отрицании демократических институтов. Главные оправдания сводились к тому, что жесткие меры — это защита общества от радикалов, от анархистских и революционных элементов, угрожающих правопорядку и стабильному экономическому развитию. Ограничения свобод, в том числе, свободы слова и права на митинги и демонстрации — адекватная цена того общественного спокойствия, которое является одной из целей авторитарных режимов. Другая идеологическая установка, более свойственная прокоммунистическим режимам, обосновывала запрет многопартийности преодолением раскола общества.

Еще одним объектом заботы являются традиционные верования граждан и положение доминирующей церкви. Авторитарные режимы, существовавшие в Латинской Америке и на Филиппинах, выступали в качестве главных приверженцев и защитников католической церкви. В Греции военная хунта соответственно защищала от анархистов и атеистов православную церковь.

При этом главным инструментом защиты всех упомянутых институтов выступает армия. Культ вооруженных сил и солдата-защитника спокойствия граждан был общей чертой идеологий почти всех рассматриваемых режимов.

Общей чертой идеологий всех подобных режимов, независимо от их разновидностей, выступает также культивиро-

вание тех или иных версий национализма. Конечно, это черта сильнее выражена в идеологиях традиционалистского типа.

Рассмотрим теперь некоторые конкретные примеры государственных идеологий (или попыток их создать) — в рамках авторитарных режимов.

2. Особенности государственных идеологий в Португалии и Испании

Испанский Каудильо Ф. Франко и португальский премьер-министр А. Салазар получили власть в результате военных переворотов и начали идеологическое оформление своих режимов еще в предвоенные годы — А. Салазар примерно с 1933 г., Ф. Франко — с 1939 г. Оба сохранили свою власть в годы войны, но позже были вынуждены адаптировать свои режимы к реалиям послевоенного мира. В некоторой мере это сказалось и на их государственных идеологиях. И испанский, и португальский опыт дают достаточно полное представление о том, как фактически оформляется и какую роль может играть государственная идеология в условиях режимов, сущностью которых является личная власть конкретной персоны. Испанское государство при Ф.Франко и португальское при А. Салазаре с учетом ряда их черт вполне могли бы считаться тоталитарными, и все же, важно подчеркнуть: особенности и судьбы этих диктатур были самым тесным образом связаны с личностями диктаторов. От их взглядов, предпочтений и настроений непосредственно зависело все течение государственной жизни. В том числе ее идеологическое декорирование.

В частности, Ф. Франко вполне произвольно вернул испанскому государству монархическую форму правления (вопреки настроениям многих своих соратников из «Испанской Фаланги»), выбрал себе наследника, принадлежащего к альфонсистской ветви династии испанских бурбонов и, юридически, оформил свое правление как регентство. Примерно так же он формировал и идеологическую основу своей диктатуры — исходя из собственных идейных предпочтений и прагматических соображений.

Так, религиозность диктатора находила отражение в том, что государственные и партийные документы упоминали о важной роли католической церкви. Строго говоря, у католицизма не было специфической политической доктрины, которая могла бы стать частью идеологии режима. Но церковь, безусловно, получила влияние на культурную жизнь страны — в частности, на развитие кинематографа и театра. Испанские художники определенно ощущали давление цензуры: некоторые известные художественные фильмы, снятые испанскими режиссерами и получившие международное признание, на родине оказались под запретом. В то же время, сам Ф.Франко мог при желании отменить любой запрет и снять любые ограничения. Он, например, весьма благожелательно относился к Сальвадору Дали, заказывал ему портрет внучки, выделил помещение для музея. Творчество С. Дали, как известно, вряд ли могло считаться образцом с точки зрения католической морали. Но художник, в свою очередь, выказывал почтение диктатору, что было куда важнее.

Важным элементом идеологии режима была идея государственного единства Испании, исключавшая любые формы автономии регионов — в первую очередь, Каталонии и Страны Басков. Тут следует помнить, что и гражданскую войну 1936–1939 гг. армия Ф. Франко вела под лозунгом борьбы с сепаратизмами всех видов. После укрепления режима было запрещено официальное использование баскского и каталанского языков. Ограничивались и запрещались и другие формы национальной самобытности (вплоть до каталонского национального танца «Сардана»).

Другим элементом государственной идеологии франкистской Испании стала одна из версий корпоративистского учения. Согласно ряду ее положений предприниматели, руководители компаний и наемные работники объединялись в профессиональные (либо отраслевые) структуры — корпорации. Последние подменяли и профсоюзы, и объединения предпринимателей. Идея корпораций противопоставлялась марксистской идее классовой борьбы (точнее, марксистской версии этой идеи). Хотя членство в корпорации особо не стесняло руководителей компаний и форм, вступление в нее счи-

талось обязательным — постулат государственной идеологии исполнялся.

В Португалии примерно те же идеологические установки были — в отличие от Испании — закреплены в Конституции 1933 г., а также в ряде законодательных актов. Этим установкам, таким образом, был придан статус норм закона. В этом смысле политический режим А. Салазара, действительно был мало чем отличим от тоталитарного режима. Для его обозначения было введено специальное понятие — «Estado Novo» («новое государство»).

Государственная идеология при А. Салазаре, признавая важную роль католической церкви, все же устанавливала отделение церкви от государства — что и было закреплено в ст. 46 Конституции. Придавая большое значение идее величия португальской нации, данная идеология, тем не менее, отрицала расизм и расовые теории. Вероятно, тут большое значение имели отношения с бывшей колонией, большой португалоязычной многонациональной страной — Бразилией. Государственный национализм в Португалии нашел отражение в своеобразной доктрине лузотропикализма, подразумевавшей органическое (или семейное) единство португальцев и народов португальских колоний. Лузотропикализм оправдывал цивилизационную миссию португальских колонизаторов, в частности, тем, что на колонизуемых территориях устанавливалась расовая демократия, то есть фактическое равенство рас. На самом деле, в данной доктрине все же угадывалась мысль о естественной иерархии: белые португальцы в этой дружной португалоязычной «семье» все же могли чувствовать себя хозяевами, а небелые, скорее, слугами. Так или иначе эти идеи, нашедшие в частности, выражение в работах бразильского писателя Ж. Фрейре пришлись по душе Салазару и его приближенным.

Корпоративизм в Португалии также нашел выражение в специальном законодательном акте — Национальном трудовом статусе.

Нет сомнений в том, что та идеология, которая была закреплена в Португалии в качестве официальной, при всей схожести с идеологиями фашистских Италии, национал-социалистической Германии и франкистской Испании, несла

на себе отпечаток личности диктатора — Антонио Салазара. Позднейшие коррективы в нее вносились также в соответствии с тактикой и вкусами диктатора.

3. Опыт авторитарных режимов Индонезии, Филиппин и Греции

Вообще, мода на государственную идеологию, заданная коммунистическим режимом в СССР и усвоенная фашистскими государствами, к 60-м годам XX века, хоть и утратила былое влияние, но еще не сошла на нет. Диктатор Индонезии Сухарто, будучи человеком, весьма прагматичным, все же счел нужным обозначить идеологическую базу своего режима (когда Ф. Франко и А. Салазар были еще живы). Он использовал для этого принципы «Панча», провозглашенные еще в 1945 г. первым президентом страны Сухарто. Указанные предельно общие принципы (такие как «вера в единого Бога, единство страны, социальная справедливость» и пр.). Генерал Сухарто дополнил актуальной идеей «двойной функции» или «священной миссии» армии. Военные должны были помимо защиты страны от внешних угроз заниматься и участием в социально-экономической жизни страны. И, тем самым, поддерживать стабильность ее развития. Эта идеологическая установка получила очень конкретные воплощения. За представителями армии, согласно закону о выборах 1968 г., резервировалось 22% всех мест в Совете народных представителей (парламента) и 33% мест в Народном консультативном Конгрессе (формально, в высшем органе государственной власти, созываемом не реже одного раза в пять лет). Кроме этого, силовые структуры получили право брать под контроль крупные предприятия — воплощение мечты многих генералов.

К середине 1980-х годов режим Сухарто дозрел до провозглашения «единого принципа». Согласно ему, политическим партиям (коих осталось три) и всем гражданам было запрещено придерживаться каких-либо иных мировоззрений помимо идей «Панча Сила».

К тому времени индонезийский режим официально обозначался как «новый порядок».

Идеология режима Ф. Маркоса на Филиппинах формировалась, примерно, в те же годы. За спиной Ф. Маркоса тоже была успешная военная карьера, но кроме того и две победы на президентских выборах. В связи с чем идеологическое оформление его правления предполагало широкое использование слов «демократия», «демократическая революция», «воля народа» и т. п. Программная работа Ф.Маркоса, вышедшая в 1971 году — за год до введения им чрезвычайного положения — называлась «Революция сегодня — это демократия»[2]. По методологии и идейному содержанию она была крайне эклектична как всякое писание диктатора (или человека, собирающегося стать диктатором), стремящегося угодить всем наиболее важным электоральным группам. Филиппинцам левых взглядов книга предлагала цитаты из «Манифеста коммунистической партии», католикам — высказывания папы римского Павла VI. Все же сущностью данного идеологического винегрета следует считать изощренное лицемерие. Обозначив в качестве одной из целей своего правления защиту прав человека, филиппинский диктатор репрессировал всех (или почти всех) своих политических оппонентов, установил жесткий контроль над СМИ. По примеру индонезийского диктатора филиппинский провозгласил своей важнейшей целью построение «нового общества». И, в сущности, к началу 80-х годов дал понять, что цель эта достигнута. В связи с чем в идеологический оборот были запущены понятия «вождь нации» и «отец народа» — титулы Маркоса.

Лицемерие и прагматизм филиппинского диктатора не были свойственны идеологии режима «черных полковников» в Греции в 1967–1974 годах. Свою сущностную идейную позицию — консервативно-националистическую — они стремились выразить так же четко, как и идеологи режимов Ф. Франко и А. Салазара. Они не учитывали, правда, что Евро-

2. См.: *Панков А. Н.* Конституционно-правовое развитие Республики Филиппины // Вестник МГИМО. 2013. № 4 (31). С. 275–277; Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М.: Наука, 1996. С. 20–21.

па 1960–1970 годов — в том числе и сама Греция — уже сильно отличалась от довоенного мира.

Целью своего переворота — в терминах официальной идеологии, «революции 21 апреля» — руководители режима видели «национальное возрождение» и построение «Великой Греции». Себя правящая группа во главе с Г. Пападопулосом, именовала «национальным революционным правительством». Революционная риторика должна была обрамлять и защищать вполне традиционные ценности. Прежде всего — доминирующую роль Греческой православной церкви. Православие и до переворота являлось государственной религией Греции, но идеология режима предполагала еще более тесные церковно-государственные отношения[3]. Православные священники получили статус государственных служащих и гарантированную государством зарплату. Из бюджета регулярно выделялись значительные средства на строительство храмов. Государство взяло на себя и финансирование духовных академий, пытаясь также влиять на то, чтобы приходы возглавлялись священниками с консервативно-националистическим мировоззрением, полностью лояльными режиму.

Все явления культурной жизни оценивались режимом и церковью с крайне консервативных общих позиций. Враждебными православной традиции и национальной культуре объявлялись различные формы популярной западной культуры, в том числе, рок-музыка, движение хиппи, атеизм. Литературные и сценические произведения подвергались цензуре.

Идеологи режима охотно использовали понятие «национальный дух», заимствованное ранее из немецкой философии. «Нация» понималась идеологами режима в духе французского традиционализма де Местра — как совокупность всех поколений греков, начиная с V–VI веков до Рождества Христова. Один из главных слоганов режима звучал как выражение крайнего национализма — «Греция для греков-христиан». При этом явных проявлений расизма или антисемитизма, а также выпадов

3. См.: *Круговая Е. Г.* «Черные полковники» в Греции в 1967–1974 гг. // Новая и новейшая история. 2001. № 3.

против демократии эти идеологи избегали. Они все же нуждались в поддержке западных союзников.

Но, во всяком случае, с апреля 1967 года в Греции, на родине самой идеи демократии была запрещена деятельность всех политических партий, а СМИ оказались под жестким идеологическим контролем. Правда, этот контроль не означал полного подчинения редакций государству как в СССР.

Демократический режим, существовавший в Греции до апреля 1967 г. критиковался как продажный, коррумпированный и выражавший интерес лишь кучки политиканов. Для его обозначения был введен термин «старо-партизм». С точки зрения «черных полковников» этот «старый» режим допустил образование «анархо-коммунистического заговора», угрожавшего самому греческому государству, именно для ликвидации данного заговора потребовалась и «революция»[4].

Предполагалось, что идеология «черных полковников» предложит какие-то новые основы для новой греческой демократии. Но ожидание этой «новой демократии» затянулось до падения режима.

С теоретической точки зрения идеологи режима должны были бы защищать идею монархии. Но поскольку отношения с реальным королем у членов правящей группы не сложились, монархизм был постепенно удален из идейного арсенала. А в 1973 г. по результатам общенационального референдума монархия в Греции была отменена.

Особенности идеологии «режима полковников» должны были доводиться до старшеклассников в гимназиях: в школьные программы был введен специальный предмет, посвященный «революции 21 апреля», были также пересмотрены учебники по истории и литературе.

Несмотря на идею построения Великой Греции, лидеры режима «черных полковников» изначально не декларировали намерений расширять территорию государства. Но по мере снижения популярности режима и сужения его социальной базы, в пропагандистском обороте все чаще стала использовать-

4. Подробнее см.: *Петрунина О. Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX веках. Очерки политического развития, М.: КДУ, 2010.

ся идея «энозиса» — присоединения Кипра. После смещения Г. Пападопулоса и захвата лидерской позиции Иоаннидисом данная идея была выдвинута на первый план. Предполагалось, что движущей силой «энозиса» будет воля греческого большинства острова. Эту волю предполагалось подкрепить действиями вооруженных формирований греческой общины. На какое-то время задача присоединения Кипра оказалась главной в идейном оснащении режима. Но, как известно, эта идея и привела, в конечном счете, к краху диктатуры.

4. Диктатуры Латинской Америки: идеологии на втором плане

В отличие от греческих «черных полковников» лидеры авторитарных режимов Бразилии, Чили и Аргентины, возникших и существовавших примерно в те же годы, не придавали идеологическому оформлению специального значения, не делали идеологию и пропаганду важным направлением внутренней политики[5]. Безусловно, эти режимы контролировали СМИ и преследовали журналистов и писателей, критиковавших власть. Но конструирование целостной государственной идеологической программы лидерам этих режимов не было свойственно. Прежде всего, потому что свои главные задачи они воспринимали как охранительство или защиту: защиту от коммунистического движения и идеологии. (Как раз создание целостных государственных идеологий считалось свойством коммунистических режимов.) Но все же помимо своего жесткого и агрессивного антикоммунизма южноамериканские диктаторы обычно достаточно четко обозначали — в официальных документах и выступлениях — некоторые свои важнейшие идейные установки. Речь шла об установках-принципах, ради которых, собственно и устанавливались авторитарные режимы и проводились репрессии. Обычно говорилось о защите

5. См. например: *Антонов Ю. А.* Бразилия: армия и политика. М.: Наука, 1973; *Коваль Б. И.* Бразилия вчера и сегодня. М.: Наука, 1975; *Сосновский А. А.* Бразилия: доктрина национальной безопасности и эволюция режима // Латинская Америка. 1984. № 4.

частной собственности (подразумевалось и предпринимательство) и традиционной религии. В Бразилии и (в какой-то мере) в Чили эти установки дополнялись еще и идеей технологической модернизации. Бразильские авторитарные лидеры неоднократно заявляли о необходимости развития любой ценой, о том, что с помощью диктатуры можно вытащить страну из отсталости. Что касается репрессий, то они рассматривались главами режима как адекватная цена за реализацию экономических мер, позволяющих защищать частную собственность и создавать условия для развития предпринимательства. Эти лидеры также представляли себя защитниками и хранителями религиозных ценностей — которые в данной их трактовке требовали крутых мер, против тех, кого «хранители» считали врагами религии и идеи собственности.

Данные установки нужно рассматривать в определенном историческом контексте. В частности, авторитарные лидеры Бразилии, Аргентины, Чили, Парагвая ссылались на негативный пример коммунистического режима на Кубе, где были национализированы почти все частные предприятия, а оппозиция подавлялась не менее жестоко. Лидеры авторитарных режимов предлагали, таким образом рассматривать себя, как альтернативу реализации кубинского сценария по всей Южной Америке. Они, конечно, преувеличивали эту угрозу. Но данная аргументация все же работала.

Так называемая холодная война, порожденная межблоковым противостоянием 1950–1980-х гг., распространяла атмосферу идеологической вражды на общественную жизнь очень многих стран, в том числе, южноамериканских и азиатских государств.

5. Идеологизация в исламских странах

Отдельно в данном контексте следует упомянуть случаи использования широкой исламизации общественной жизни в целях создания идеологической базы авторитарных режимов. В первую очередь речь должна тут идти о режиме генерала Зии-уль-Хака в Пакистане, существовавшем с 1977 по 1988 гг. Хронологически исламизация государства в рамках политики

генерала Зии предшествовала иранской революции и, может считаться, вероятно, предвестником того, что позже назовут «исламским возрождением конца XX века». Генерал использовал реальный рост интереса к традиционным и радикальным формам ислама в Пакистане в 1970-х годах. Этот процесс охватывал лишь часть пакистанского общества, не затрагивая те его слои, которые вовсе не желали возврата к средневековым нормам. Но генералу важно было опереться на традиционалистов. Им была обозначена цель — построение «подлинно исламского общества». С учетом этой цели в законодательство были инкорпорированы некоторые нормы Шариата, были введены традиционные наказания за некоторые преступления. При Верховном Суде был создан Федеральный шариатский суд, наделенный правом объявлять недействительным любой закон, противоречащий, по его мнению, исламу. В годы правления генерала были пересмотрены школьные учебники с точки зрения их соответствия исламу. В армии в каждом подразделении появились муллы, а английский язык был повсеместно заменен урду.

Следует еще раз подчеркнуть, что у значительной части общества исламизация вызвала раздражение. Но после введения в 1979 г. советских войск в Афганистан режим генерала получил дополнительный импульс для укрепления. Возросла его значимость в глазах элиты США, считавшей необходимым препятствовать экспансии СССР, и еще не замечавшей угрозы радикального ислама.

Выше речь шла об идеологизированных авторитарных режимах, которые в условиях межблокового противостояния ориентировались на США и их союзников (блок капиталистических или даже «империалистических» государств по терминологии, принятой тогда в СССР). Следует кратко обозначить и идеологию некоторых политических режимов, относивших себя к противоположному лагерю — связанному с Советским Союзом.

Следует упомянуть, прежде всего, Египет и Ливию. У этих режимов схожие обстоятельства рождения и немало общих черт в том, что касается организации власти и ее идеологического оформления. Что можно считать вполне логичным, по-

скольку один диктатор (ливийский) был почитателем и последователем другого (египетского). Оба режима возникли после военных антимонархических переворотов (в Египте в 1952 г., в Ливии в 1969 г.). В обоих случаях авторитарная власть монарха была замещена еще более авторитарной властью «лидера революции», и в обоих случаях эти лидеры после некоторых колебаний начинали воспроизводить — с учетом национальных специфик и в некоторых чертах — идеологическую модель (модель взаимодействия государства, доминирующей партии и ее идеологии) Советского Союза, которую принято было называть «социалистической». Чуть позже данную модель в СССР стали именовать «социалистической ориентацией». Советские лидеры в этой связи считали данные режимы идеологически близкими и оказывали им разностороннюю поддержку.

Идеологическая база авторитарного режима, возникшего в Египте после переворота 1952 г., оформлялась примерно в течение десятилетия. Лидеру режима Гамалю Абдель Насеру потребовалась пара лет, чтобы стать единоличным правителем, устранив конкурентов, и еще два-три года, чтобы определиться с внешнеполитической стратегией. После того как в 1956 г. СССР поддержал Египет в ходе войны, связанной с национализацией Суэцкого канала, выбор лидера Египта был предрешен. Он стал заявлять о необходимости строительства социализма и социалистического государства — подразумевалось, что по образцу СССР. Внешнеполитический выбор обусловил выбор идеологический.

Некоторые предпосылки для этого уже были. Изначально режим, установившийся в 1952 г., использовал сильные антианглийские настроения в египетском обществе. У многих египтян вызывало раздражение то, что и после обретения независимости их страна оставалась в экономической зависимости от Великобритании, от британского и вообще европейского бизнеса. Отвечая этим настроениям, Насер национализировал в 1956–1957 гг. не только Суэцкий канал, но и имущество сотен английских (а заодно и французский и иных) частных компаний. Вопрос о том, насколько эти мероприятия улучшили состояние экономики Египта, мы тут выносим за скобки. Но данный курс был обозначен в Каире и Москве как антиимпери-

алистический. В книге Насера «Философия революции» (1954) можно было найти обоснование этого курса, а также претензий Египта на лидерство в арабском и мусульманском мире. Панарабизм тут рассматривался как форма антиимпериализма.

Сразу после переворота 1952 г. Насер и его сторонники стали искать форму идеологического обоснования своей монополии на власть. В Конституцию Египта 1953 г. была включена норма, запрещавшая деятельность политических партий. Это оправдывалось тем, что партии раскалывают общество, вызывая вражду между различными ее слоями и классами. При этом допускалось создание организации, выражающей интересы «всего народа». С 1953 по 1957 гг. такую роль выполняла партия «Освобождение», с 1957 г. — организация «Национальный союз». С 1961 г. Насер начал корректировать идеологию своего режима и сам режим в значительном соответствии с советской моделью. Лидером Египта были приняты такие важные элементы сталинской, по сути, модели социализма как руководящая роль единственной партии, и национализация крупной промышленности. В то же время, лидер режима выступал в защиту частных предпринимателей (лояльных режиму) и традиционной религии египтян — ислама. При этом Египет формально оставался светским государством, а радикальные мусульманские организации (вроде «Братьев-мусульман») — под запретом.

С конца 1961 г. Насер приступил к созданию новой идеологизированной партии — Арабского социалистического союза (АСС). Ее создание, как единственной и правящей партии, было одобрено Национальным конгрессом — собранием, выборы в которое проходили без всяких политических партий, но по куриям: от рабочих, крестьян, предпринимателей, интеллигенции, студентов и женщин. Целью АСС был провозглашен социализм. Вообще, на его построение отводилось не менее десяти лет. Но в Конституции 1964 г. Египет уже был провозглашен «демократическим социалистическим государством».

Доктрина «арабского социализма» некоторое время использовалась еще и преемником Насера — Анваром Садатом. Но примерно через пять лет от нее, как и от сотрудничества с СССР, решено было отказаться.

Концепция «ливийской Джамахирии», предложенная ливийскому обществу (без права на отказ) диктатором Муамаром Каддафи, в определенной мере учитывала опыт СССР, но и опыт Египта времен Насера. Каддафи шел уже проторенной дорогой. С другой стороны, он мог учесть и чужие ошибки. Его главный идеологический труд — «Зеленая книга» вышел в ту пору, когда в Египте уже отказывались от социалистического проекта. Каддафи все же включил в название своего государства, «Джамахирии» слово «социалистическая». Но при этом предусмотрел важную роль шариата в правовой системе. Ислам был объявлен государственной религией.

«Джамахирия» формально означала систему выборных органов народного самоуправления («народных конгрессов»), выстроенную пирамидально. При этом должность главы государства по верхушке пирамиды вовсе отсутствовала. Однако вся эта система представительств на практике дублировалась системой «революционных комитетов» (ревкомов), возглавляемых «революционным руководством». Во главе последнего находился, разумеется, «лидер революции» Каддафи. Таким образом, символически отказавшись от государственных постов, он сохранил абсолютную власть. Тому, кто был знаком с опытом власти генерального секретаря ЦК ВКП(б) (КПСС), особенно, в те годы, когда эту должность не совмещали ни с одним из высших постов в государстве, всю эту ливийскую конструкцию трудно было признать оригинальной. Система «ревкомов», по сути дела, выполняла роль «руководящей и направляющей» партии. Естественно, во главе с бессменным лидером.

Адепты данной идеологии, пропагандисты Каддафи вели активную агитационную работу в других арабских государствах. Но, в целом, без особого успеха.

Некоторые выводы из сказанного. В подавляющем большинстве случаев навязанные властью государственные идеологии утрачивали свое влияние и статус, как только уходил (из политики или из жизни) главный носитель власти. Судьба идеологии оказывалась тесно связана с судьбой диктаторов (как в Египте, Греции, в Индонезии, на Филиппинах, в Ливии и т. д.). Все попытки конструировать в сложных, многослойных обществах — тем более, переживающих внутреннюю борьбу

или даже раскол — единые, навязываемые сверху идеологии, заканчивались крахом. Поскольку авторитарные режимы, в отличие от тоталитарных, в основном не вмешивались в те сферы жизни, которые не были непосредственно связаны с политикой, процесс идеологизации мог и не затрагивать значительные общественные группы. В этих обществах очень многие все же оставались (могли оставаться) равнодушными к идеям вождей. При этом вожди обычно не посягали на незыблемость традиционных религий.

Нужно отметить, что иногда созданная одним диктатором ниша государственной идеологии могла использоваться другим диктатором для насаждения другого набора идей, соответствующих его вкусам, взглядам или новой политической конъюнктуре (как в Египте при А. Садате, преемнике Насера или в Туркменистане при Бердымухамедове, преемнике Ниязова).

Еще одна интересная деталь. Иногда популярность лидера, насаждавшего определенную идеологию, может сохраняться дольше, нежели влияние этой идеологии. При авторитарных правлениях харизма обычно важнее идеи. В частности, популярность Г.-А. Насера в Египте и Сухарто в Индонезии все еще достаточно высока. Хотя использовавшиеся ими идеологемы почти или вовсе забыты.

6. Об идеологии режима Путина в Российской Федерации

Усиление государственной пропаганды новых идеологических установок стало заметным после начала третьего президентского срока Владимира Путина, вернувшегося в 2012 году на позицию главы государства после четырехлетнего пребывания на этой позиции Дмитрия Медведева. При Медведеве несколько ослабло давление на независимые СМИ, а в уголовно-процессуальном законодательстве появились дополнительные гарантии от произвола силовых структур. В целом, этот период оказался связан с ростом надежд наиболее образованного слоя граждан на постепенную модернизацию экономики и государства, то есть, на расширение сферы свобод. В итоге, очередные выбо-

ры в Государственную Думу, в ходе которых власть привычно использовала фальсификации, привели к массовым протестам в Москве и некоторых других городах — в конце 2011 и в начале 2012 гг. Вероятно, Путин, вернувший себе президентский статус, почувствовал угрозу для себя и своей группы. Среди мер, которые данная группа поспешила принять, была и активная мобилизация сторонников власти (в том числе и в виде массовых митингов), и декларирование основ некоей властной идеологии. То есть, для группировки Путина идеологизация была изначально, скорее, ситуативной реакцией. Нужно отметить, что идеологические установки, нацеленные, в сущности, на укрепление авторитарной власти, не были представлены в виде какой-то целостной системы и даже не были вполне четко сформулированы. Но они сразу нашли отражение в текущем законодательстве.

В середине 2012 г. в законодательстве появилась конструкция «организация, выполняющая функции иностранного агента». Она стала использоваться против общественных организаций, которые представлялись власти неблагонадежными. Далее в течении последующих десяти лет данная конструкция была применена и в отношении СМИ, и в отношении физических лиц, которые были ограничены в ряде прав и были обязаны маркировать свою информационную продукцию. Данная конструкция, по сути, выражала установку, не раз озвученную самим Путиным: внешнее враждебное окружение пытается навязать России чуждые ценности и сдержать ее развитие.

Несколькими годами позже в ряде законов и подзаконных актов было конкретизировано название, по крайней мере, одного государства, составляющее это враждебное окружение. В частности, в указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 г. говорилось о представляющих угрозу действиях «Соединенных Штатов Америки и других недружественных государств».

В отличие от идеологических установок советской эпохи новые установки не акцентировали внимание на «буржуазном» или «капиталистическом» характере противостоящих

Российскому государству иностранных государств. Речь шла уже не противостоянии капитализма социализму, но о противоречии геополитических интересов, об угрозе, носящей военно-политический характер. При этом противостоящими России оказывались, в целом, те же государства, которые считались идеологическими недругами бывшего СССР — прежде всего, США и государства Европы. На сей раз речь шла уже обо всей Европе, а не только о ее западной части. В число враждебных попали и союзники названных держав в восточном полушарии — Япония и Австралия. Но обобщенно в пропагандистских программах все сообщество враждебных государств — от Канады до Австралии стали именовать «Запад». Отметим, что этот термин использовался в качестве эквивалента термина «мир капитализма» и в эпоху СССР. Можно предположить, что советское образование и воспитание людей из окружения российского диктатора все же сыграло свою роль в определении образа врага.

Другой важной установкой — примерно с 2008 года — оказалась ориентация на агрессивную внешнюю политику. Она потребовала переоценки некоторых исторических событий. Речь шла, в основном, о периоде, предшествовавшем Второй Мировой войне, и поствоенной эпохе. Официальная пропаганда, по сути, вернулась к советской версии истории, утверждая, что советско-германский пакт 1939 года был дипломатическим успехом СССР, что страны Балтии были присоединены чуть ли не по их желанию, а нападение на Польшу и Финляндию было формой защиты национальных интересов. Соответственно в Уголовный кодекс была введена новая статья 354.1 об ответственности за распространение «заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Позже была введена административная ответственность за публичное отождествление роли СССР и фашистской Германии, европейских стран оси в ходе Второй мировой войны.

Суть этого государственного диктата в области исторических дискуссий заключалась, на самом деле, в оправдании и обосновании агрессивной политики сталинского СССР. Российский диктатор примеривался к новой завоевательной стратегии, но до поры до времени это было не вполне ясно.

Еще одна идеологическая установка, выработанная еще раньше, была связана с выхолащиванием всех демократических институтов: независимых судов, СМИ, многопартийности, парламентаризма и т. д. Суть ее пропаганда (и лично президент В. Путин) постоянно обозначали с помощью слов «суверенитет» или «укрепление суверенитета». На первых порах использовался также термин «суверенная демократия». На самом деле, проблематика суверенитета тут не была главным. И при Ельцине Российская Федерация обладала независимостью при определении своей внутренней и внешней политики. Речь шла о том, что группа Путина выстраивала авторитарный режим и стремилась к тому, чтобы он находился вне какого бы то ни было контроля, вне ограничений — внутренних либо внешних. «Суверенная демократия» означала апологию бесконтрольной и безраздельной власти диктатора, прикрытой некоторыми декорациями.

Антидемократизм, как это всегда бывало в условиях диктаторских режимов, черпал дополнительные обоснования в утверждениях пропаганды о происках внешних врагов и величии вождя. Поскольку к внешним врагам в эту пору оказались отнесены и некоторые народы, населявшие бывшие советские республики (Украину, Латвию, Литву и Эстонию, Грузию, Молдову), то в целом эти установки вполне могли быть оценены как имперский национализм. Само по себе слово «национализм» все еще не использовалось пропагандой в позитивном контексте, но суть дела это не меняло. Государственные телеканалы, используя те или иные информационные поводы, открыто разжигали ненависть к украинцам, латышам, литовцам, эстонцам, грузинам.

Можно предположить, что с какого-то момента среди тех, кто предлагал диктатору новые идеологемы, стала популярна идея, согласно которой, на упаковке всего этого товара можно было бы поставить шифр «защита традиционных ценностей». Для этого потребовалось средство, также неплохо работавшее в советскую эпоху: давление (по крайней мере, пропагандистское, но не только) на сексуальные меньшинства. Формально в законодательство (в Кодекс об административных правонарушениях и в закон об информации) были введены нормы,

предусматривавшие ответственность за «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и предпочтений» сначала среди несовершеннолетних, позже в любой социальной среде. После отмены в 1993 г. нормы советского уголовного кодекса об ответственности за «мужеложство» это был самый серьезный новый шаг, направленный против сексуальных меньшинств. Данная мера выглядела нелепо и странновато, но она позволяла говорить именно о «ценностях», не сводя всю идейную конструкцию к прославлению внешней агрессии.

Религиозная проблематика и религиозные обоснования играли тут второстепенную роль. Но поскольку руководство Московского патриархата Русской Православной Церкви выбрало позицию полной поддержки политического режима, то демонстративные встречи главы государства и главы церкви служили дополнительными факторами устойчивости выбранного идеологического курса.

Разумеется, при всем этом, новая идеология не выглядела сколь-нибудь целостно. Формально продолжала действовать Конституция 1993 г., относившая к основам конституционного строя идеи демократии, правового государства, прав и свобод человека и другие принципы уже не имеющие ничего общего с российской действительностью. Идеологические установки режима регулярно звучали в пропагандистских программах, но точного выражения в каких-либо программных документах не получали. В упомянутом президентском указе от 9 ноября 2022 г. эти установки было нелегко выловить среди дежурных духоподъемных слов («…К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России…»). И следует еще раз подчеркнуть: никакого широкого общественного запроса на новую государственную идеологию, по нашему мнению, не было. Речь шла, в основном, об одном

из инструментов власти, которым можно было бы оперативно пользоваться с учетом тактических политических целей.

И, как показала практика, целостность и внятность идеологических установок — вовсе не главные условия их действенности. Да, этот набор является для политического режима подручным инструментом для решения меняющихся политических задач. Но напористая пропаганда должна была компенсировать нехватку целостности, и на данный момент очевидно, что эта пропаганда дает свои результаты.

После начала войны против Украины роль идеологического обоснования агрессивного поведения государства явно усилилась, некоторые элементы данной квазидеологии были развернуты. В частности, распоряжением правительства РФ от 5 марта 2022 года № 430-р был предусмотрен перечень «недружественных стран», в котором состояли все (!) государства Европейского Союза, а также еще 21 государство, включая Японию и Австралию. В этой связи тезис государственный пропаганды о том, что мы «воюем со всем миром» был в определенной мере раскрыт.

До такого не доходил еще ни один авторитарный режим, из тех, о которых речь шла выше.

В общем, весь этот набор установок мог быть оценен и классифицирован — даже с помощью традиционных критериев, выработанных в XX веке — как правый радикализм. Но речь идет о таком правом радикализме, который парадоксальным образом черпает аргументацию и символы в советской эпохе и советском слое сознания части граждан. И в этом плане он ближе не к европейскому национал-социализму, но, скорее, к русскому национал-большевизму.

На наш взгляд, вся идеологическая продукция, выработанная авторитарным политическим режимом в России в первые два десятилетия XXI века, может быть признана продуктом разложения тоталитарного режима, существовавшего почти 70 лет. Этот тоталитарный режим на последних стадиях своего существования все более подпитывался имперским, а отчасти и этническим национализмом, дремавшим, но пробудившимся в толще достаточно широкого слоя населения СССР. Обычно этот национализм сводился лишь к презрительно-прене-

бережительному отношению к этническим меньшинствам. Он сохранился, точнее перешел от одного к другому поколению россиян, будучи усилен активной массовой миграцией в Центральную Россию из государств Средней Азии на рубеже XX–XXI веков. Но чтобы придать ему более агрессивный характер потребовались усилия пропагандистского аппарата на протяжении нескольких лет, примерно с 2014 года: главной целью при этом была Украина.

В целом, у нас нет сомнения в том, что судьба данных нелепых идейно-политических конструкций будет примерно той же, что и у идеологии тоталитарного режима, послужившей базой для идеологии режима Путина. Но и она, как выяснилось, оказалась способна забрать с собой тысячи жертв, прежде чем занять свое весьма непочетное место на одной из самых бесславных страниц отечественной истории.

On the ideological design of authoritarian regimes

Ilya Shablinsky, PhD in Law, professor at Free University (Brīvā Universitāte, Latvia)

Abstract: Variants of state ideologies, which were developed in the conditions of authoritarian regimes during the XX century, are revealed in the article. According to the author, the ideology developed by the Russian authoritarian political regime in the first two decades of the XXI century can be classified as right-wing radicalism, drawing arguments and symbols from the Soviet era. She will be a victim of her inglorious historical fate, after the propaganda of the totalitarian regime will be used to strengthen aggressive actions against Ukraine.

Keywords: radicalism, European national-socialism, Russian national-bolshevism, authoritarian political regime, totalitarian regime, slumbering nationalism, mass migration.

Слепые пятна российского правосознания в зеркале философии права Иммануила Канта[1]

Руслан Лошаков
Доктор философских наук, профессор Свободного университета (Brīvā Universitāte, Латвия)

Аннотация: Статья рассматривает ряд важных аспектов философии права Иммануила Канта – достаточно актуальных в современной ситуации. Концепция права Канта основана на идее, согласно которой право автономно по отношению к моральному сознанию, а государство автономно по отношению к обществу. Кант утверждает, что закон может считаться правовым только в том случае, если он является законом свободы, признающим гражданскую независимость, гражданское равенство и гражданскую автономию граждан. Он утверждает, что различие между законом и правом должно быть проведено для того, чтобы государственная власть не стала деспотической и не посягала на гражданские свободы граждан. Закон, который позволяет нарушать пределы этой сферы или носит дискриминационный характер, не является правовым и должен вызывать противодействие. Кант утверждает, что правовое государство является единственным прочным государственным строем, а истинная свобода может быть достигнута только в правовом государстве

Ключевые слова: Кант, философия права Канта, нравственный закон, свобода, автономия, автономия государства, правосознание, пределы деятельности государства, этический императив

DOI: 10.55167/093c01d673bd

К продумыванию проблем права Кант приступил в конце жизни, когда уже были написаны три фундаментальные «Критики», а здание критической философии обрело цельность. В этом смысле обращение Канта к философии права не было продиктовано исключительно теми философскими задачами, которые были поставлены Кантом в его работах по этике,

1. Статья написана на основании доклада, сделанного 1 декабря 2021 г. на форуме Школе гражданского просвещения, в Стокгольме.

и прежде всего, в «Критике практического разума». Моральное долженствование, суть которого заключается в том, чтобы относиться к человеку, как в лице самого себя, так и в лице всякого другого, только как к цели, но никогда как к средству, само по себе не переходит в правовое отношение, и поэтому философию права невозможно построить исключительно на фундаменте этики. Думается, что побудительным мотивом к изложению собственной философии права стали для Канта внешние обстоятельства. «Метафизика нравов», главное произведение, в котором Кант дал развернутую трактовку основных понятий права, была написана в 1797 году, под завершающие аккорды грозовых раскатов Великой Французской революции, когда во Франции на смену Конвенту уже пришло правительство Директории, а на севере Италии взошла звезда непобедимого полководца Наполеона Бонапарта. «Метафизика нравов» должна была, поэтому, дать ответ на вопрос, который так или иначе, волновал всех, кто стремился к осмыслению опыта Французской революции: как случилось, что революция, начинавшая с «Декларации прав человека и гражданина», и воспринимавшаяся современниками как заря свободы, выродилась в насилие над человеком, лишенным всяких прав? Как и почему взошедшее над миром солнце свободы превратилось в черную дыру террора, поглотившую тысячи жизней? Каким образом Общественный Договор, который Руссо считал возможным лишь на основании «всеобщей воли» (*volonté générale*), предусмотрительно отличаемой самим Руссо от «воли всех» (*volonté de tous*), воплотился в якобинском Конвенте, а Максимилиан Робеспьер, страстный поклонник Руссо, будет от имени «всеобщей воли» призывать к уничтожению тех самых «всех», кто этой воле так или иначе противится? Одним словом: как и почему свобода обернулась произволом? Не от того ли, что перерождение в произвол является неизбежной участью свободы, которая не заключена в рамки *закона*?

Именно этот вопрос определяет содержание учения Канта о праве. Будучи по своему характеру *трансцендентальным* вопросом, он направлен на выяснение условий возможности такого закона, содержанием которого были бы не частные определения человеческой деятельности, а сама свобода как

таковая. Закон, содержанием которого является свобода, мы и называем *правом*. Поэтому в «Метафизики нравов» Кант сразу же вводит определение права как *закона свободы*, представляющее собой некий исходный парадокс, поскольку понятие закона изначально связано с принуждением и ограничением. Так, в «Критике практического разума» Кант говорит о свободе как «факте разума» (*Faktum der Vernunft*), который ниоткуда не выводим, и, соответственно, не может быть подчинен какой-либо внешней норме. Свобода является стержнем этики, она заявляет о себе в качестве способности человеческой воли быть для себя своим собственным законом морального долженствования. Поступок, сообразный принятым в обществе моральным нормам, но при этом не продиктованный свободно принятым на себя моральным долгом, будет *легальным*, но при этом лишенным какого-либо нравственного значения. Поскольку, как говорит Кант, «свободная воля и воля, подчиненная нравственным законам — это одно и то же»[2], то свободная воля человека не может ориентироваться на какие-либо внешние нормы, не утрачивая при этом своего нравственного характера.

Именно поэтому между моралью и правом невозможно установить ни отношение последовательности, ни отношение иерархии. Более того, только строгое *различение морали и права* является необходимым условием возможности права как такового. Право вводится Кантом отнюдь не как юридическая норма, а скорее как *критическое понятие*, полагающее *границу осуществления моей свободы в отношении свободы другого*. В самом деле, я ни в малейшей степени не ограничен в присущей мне свободе относиться к другому исключительно как к цели, но лишь до тех пор, пока мое этическое отношение не сталкивается с *произволом* другого, рассматривающего меня в качестве средства, а не цели. Право призвано решить коллизию *столкновения свободы с произволом*, посягающим на свободу. Произвол как *дурная свобода* должен быть предотвращен правом как законом свободы. Поэтому, как говорит Кант: «*Право — это со-*

2. *Кант И.* Соч. Т. III. М., 1997. С. 223.

вокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»[3]

Испытав на себе сильное влияние Руссо, Кант, тем не менее, далек от прекраснодушных руссоистских представлений о человеке как об исключительно добром по своей природе существе. В написанной за несколько лет до «Метафизики нравов» работе «Религия в пределах одного только разума» Кант говорит о свойственной человеческой природе непреодолимой склонности ко злу. Право должно быть формой, которая не устранит эту склонность, но поставит ей необходимые пределы. Таким образом, если нравственный закон есть выражение моей свободы как субъекта морального сознания, то право есть лишь *граница*, определяющая условия совместимости моей свободы со свободой другого, так что всякое нарушение этой границы квалифицируется как *злоупотребление свободой*, к которому человек склонен в силу коренящегося в его природе изначального зла. Невозможность выведения права из морали означает, тем самым, не аморальность права, но его *автономию*. В той же мере, в какой мораль автономна в отношении к природным склонностям человека, с которыми она может вступить в экзистенциальный конфликт, право автономно в отношении морального сознания. Эту автономию права Кант определяет как «строгое право», которое он характеризует следующим образом: «*Строгим правом можно назвать лишь внешнее право*»[4]

Другими словами, право, будучи исключительно внешним правом, квалифицирует лишь *действия* человека, причем в основание такой квалификации не могут быть положены моральные оценки, касающиеся человека как субъекта морального сознания. Само моральное сознание как таковое может подлежать только моральной, а не правовой оценке, насколько последняя касается лишь внешних проявлений свободы человека, но не может судить его, человека, образ мыслей. Право как разграничение свободы и произвола необходимо является и строгим разграничением морали и права, которое можно

3. *Кант И.* Собр. соч. в 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 253.

4. Там же. С. 255.

отнести к выдающимся достижением правовой мысли Нового времени.

Именно здесь мы можем видеть фатальный изъян представлений о праве, который обнаруживается уже в русской философии XIX века. Так, Владимир Соловьев, один из лучших русских мыслителей, критикует свойственный Европе «юридизм» как бездушную форму, как одно из «отвлеченных начал», оторванное от безусловного начала нравственной жизни. Признавая, что право должно предупредить отношение к человеку как к средству или вещи, Соловьев, однако, признает за ним одно лишь отрицательное значение, целиком подчиняя его нравственности как высшему началу: «*право*, — пишет Соловьев, — *есть низший предел или определенный минимум нравственности*».[5] Отвлеченность права должна быть преодолена в «правде», в которой явит себя соборное человечество. Однако Кант, утверждая, что никакая моральная максима не может быть полагаема в основание того или иного закона, выводит моральное сознание из-под действия законодательных норм. Таким образом, различение морали и права означает не господство бездушной юридической формы, но автономию этического сознания как, собственно, сферы свободы человека. Более того, разделение морали и права является необходимым условием правосознания, ибо право как *закон свободы* есть правовая гарантия свободы, без которой невозможен человек как моральное, а не только лишь как природное существо. Русская мысль, в лице Соловьева, не усмотревшая здесь ничего, помимо голого «юридизма», обнаружила поразительную слепоту к смыслу этого различия, и, тем самым, внесла свой вклад в *правовой нигилизм* российского сознания, следствием которого являются, одной стороны, аморальное общество, большая часть которого живет в серой зоне этической индифферентности, в том самом постыдном равнодушии к добру и злу, о котором с такой горечью писал еще Лермонтов, а с другой стороны — неправовое государство, постоянно опекающее этих моральных недорослей, и поучающее их на предмет того, что такое «хорошо», и что такое «плохо».

5. *Соловьев В.* Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 448.

Вместе с тем, в понятии «строгого права» содержится ограничение деятельности государства, которое *не имеет права* заниматься регламентацией того, что относится к области морального сознания: убеждений человека, его верований, свободы его мысли и совести. Это ограничение развивается в совокупность институциональных разграничений внутри государственной власти, полагающих *правовой предел* деятельности государства. К таким разграничением относится разделение государственной власти на *законодательную, исполнительную* и *судебную,* и независимость каждой из этих ветвей власти. Рассуждая о разделении властей, Кант следует той традиции европейского правосознания, которая представлена Локком и Монтескье, однако при этом он вводит весьма необычное понятие *автономии государства*.

«*Итак,* — говорит Кант — *таковы три различные власти, благодаря которым государство обладает автономией, то есть само себя создает и поддерживает в соответствие с законами свободы*»[6].

Таким образом, если моральное сознание автономно по отношению к природному миру, а право автономно по отношению к моральному сознанию, то, в свою очередь, государство обретает автономию, если в своей деятельности оно определяется правом как законом свободы. Следовательно, автономное государство, это не государство-самодержец, представленное сакральной фигурой его главы, а *правовое государство* (*Rechtsstaat*). Однако автономия государства означает и *автономию общества*, которое теперь выступает полноправным *контрагентом* государства, вследствие чего отношения государства и общества строятся теперь не иначе как в виде *договора*:

> Акт, через который народ конституируется в государство — это первоначальный договор[7].

Очевидно, что государство может быть правовым только лишь при условии признания общества как *равноправной* ему стороны. С другой стороны, и общество становится *гражданским обществом* только в том случае, если оно выступает как равная государству сторона договора. Напротив, поскольку

6. *Кант И.* Собр. соч. в 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 350.

7. Там же. С. 347.

гетерономия государства исключала бы общество как *субъект права*, то члены такого общества, будучи лишены правоспособности, выступали бы по отношению к государству только лишь как его подданные (*subiectus*), но ни в коем случае не как граждане (*cives*). В пределе, такая гетерономия означает полное подчинение государству всех сфер жизни общества, когда подданные, независимо от из происхождения и сословия, рассматриваются верховной государственной властью уже не просто как подданные, а как холопы (*servus*). Красноречивым примером такого отношения государственной власти в лице сюзерена к личности человека может служить переписка Иоанна IV с князем Курбским, в которой русский царь настаивает на своем полном праве казнить или жаловать своих холопов единственно по своей собственной воле. Отдаленный отзвук этой переписки можно расслышать в известной реплике российского императора Павла Первого: «В России нет значительного человека, кроме того, с кем я разговариваю, и лишь на то время, пока я с ним разговариваю».

Однако вместе с различением государства и общества, выступающими отныне как автономные и равноправные субъекты договора, мы получаем еще одно, чрезвычайно важное различие. Это различие *права* и *закона*, которое подразумевает, что не отнюдь не всякий закон может быть *правовым законом*. Право имеет место лишь в том случае, если имеются равные стороны, и только там, где правоспособность всякого отдельного гражданина равна правоспособности государства. Это правовое равенство гражданина и государства выражается, согласно Канту, в тремя принципами: 1) *гражданской независимости*, согласно которому человек имеет право не повиноваться никаким законам, кроме тех, на которые он как гражданин дал свое согласие; 2) *гражданского равенства*, то есть способности признавать власть только за теми лицами, на которые гражданин вправе возложить определенные правовые обязанности; 3) *гражданской самостоятельности*, в силу которой гражданин обязан своим существованием не произволу чиновника, а собственному, естественному праву. Таким образом, право есть равенство в отношениях общества и государства, которое включает в себя также и взаимную ответственность друг пе-

ред другом. В качестве закона свободы право есть такой закон, *субъект которого является и его объектом*. В определенном смысле право есть как бы *закон обратного действия*, когда законодатель, будь то в лице гражданского общества или государства, сам подчинен тому закону, источником которого он является. Таким образом, автономия государства есть *самодержавие закона*, который является законом свободы, то есть правом. Это правовое государство, о котором Кант говорит следующее:

> Это единственно прочный государственный строй, при котором закон самодержавен и не зависит ни от какого отдельного лица; это конечная цель всякого права[8].

Закон может считаться правовым только в том случае, если он соотнесен с правом как законом свободы. Соответственно, не может быть правовым такой закон, который, во-первых, оставляет законодателя вне действия этого закона, и, во-вторых, выделяет в обществе по тому или иному социальному или расовому признаку группу лиц, которые исключаются из сферы действия гражданских законов, и по отношению к которым применяются отдельные, и как правило репрессивные нормы. Таковы, к примеру, «Нюрнбергские законы» нацистской Германии, таковы действовавшие в СССР положения о «лишенцах», таковы принимаемые Государственной Думой РФ законы об «иноагентах», «нежелательных организациях», и многое другое.

Таким образом, философию права Канта с полным основанием можно определить как *критическую теорию права*. Поскольку смыслом *критики*, идущим от греческого *κριτική* является *различение*, то кантовская философия выстраивается как *последовательность различий*: морали и права; общества и государства; права и закона. При этом каждое различие полагает предел, а внутри предела — автономию той области, которая ограничена этим пределом: морали в отношении природы человека; права в отношении морали; и, наконец, государства в отношении общества, когда деятельности государства положен правовой предел. Отсутствие права как формы отношений государства и общества можно, поэтому, трактовать как *от-*

8. Там же. С. 377.

сутствие предела, которое в русском языке хорошо выражается словом «беспредел», и которое не только лингвистически, но также исторически связано с известным словом «опричнина». Действительно, поскольку предел является *кромкой*, очерчивающей область видимого, доступного зрению, то беспредел означает погружение во *тьму кромешную*. Опричники, прозванные в народе «кромешниками», являлись «государевыми людьми», подчиненными одной только воле властителя, и не подсудные земским законам. В этом смысле сама опричнина, как выражение государственного беспредела, не ограничена историческим рамками второй половины XVI века, а представляет собой *систему организованного террора государства в отношении общества*.

Выше уже говорилось о поразительной слепоте в отношении смысла различия морали и права, которое мы находим у многих русских мыслителей. Однако еще более поразительным и опасным по своим последствиям является *неразличение права и закона*, которое можно считать хронической болезнью российского правосознания. Право здесь попросту сводится к законотворческой деятельности, источником которой, в представлении большинства россиян, может быть только государство в лице его властных, исполнительных органов. Следствием этой неразличенности права закона является непонимание большинством «граждан» РФ того, что законы могут быть неправовыми, а само государство, принимающее эти законы, преступным. Эта тяжелая патология российского правосознания проявилась в том факте, что само понятие «гражданин», в СССР, а затем и в РФ, оказалось вытеснено в область уголовного словоупотребления, когда гражданином принято величать следователя, начальника тюрьмы или лагеря. Представления о праве в РФ до сих пор определяются постулатом «советского права», согласно которому право есть не что иное, как «социалистическая законность», а горизонт российского «правосознания» до сих пор очерчен известными высказываниями Владимира Ульянова-Ленина: «право — это воля господствующего класса, возведенная в закон»; «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к исполнению гори права», и т. п.

Но поскольку, как говорит Кант, «законодательная власть может принадлежать только объединённой воле народа»[9], то государство, которое в лице своих исполнительных органов становится единственным источником «права», узурпирует, тем самым, суверенную волю народа, и является деспотическим. Самой же деспотической формой власти Кант считает т. н. «отеческое» правление, когда государство, в лице мудрого вождя и учителя, или партии, которой будто бы открыт смысл истории, относится к гражданам как к несовершеннолетним, нуждающимся в неусыпной опеке и воспитании. «*Правительство*, — говорит Кант — которое было бы также законодательствующим, следовало бы назвать *деспотическим* в противоположность *патриотическому*, под которым однако подразумевается не *отеческое* правительство (*regimen paternale*) — самое деспотическое из всех правительств (к гражданам относятся как к детям), а *отечественное* (*regimen civitatis et patriae*), при котором само государство (*civitas*) хотя и обращается к подданным как к членам одной семьи, но в то же время относится к ним как к гражданам государства, т. е. по законам их собственной самостоятельности, каждый из них сам себе господин и не зависит от абсолютной воли другого лица — равного ему или стоящего над ним»[10].

Такое государство на правах полицейского входит в частную жизнь, контролируя не только поступки людей но и образ их мыслей. При этом оно стремится подавить гражданскую самостоятельность, признаваемую Кантом в качестве одного из основных принципов правового порядка, приучая сограждан лишь к повиновению, которое заключается лишь в надлежащем исполнении правительственных законов, многие из которых, с правовой точки зрения, ничем не отличаются от беззакония. Правительственная власть такого государства усматривает серьезную опасность в любом проявлении гражданской инициативы, в подавлении которой для нее заключается гарантия ее собственной несменяемости. Само общество погружается при этом в уже упомянутую серую зону этиче-

9. Там же, с. 345.
10. Там же. С. 349.

ской индифферентности, которая становится его хроническим, затяжным состоянием. Это — сумерки патерналистского сознания, путь из которого ведет либо в кромешную тьму государственного произвола, либо на солнечный свет агоры, как места собрания свободных граждан. Именно поэтому, Кант определяет *Просвещение* как выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором, как он особенно это подчеркивает, человек находится *по собственной вине*, которая заключается в недостатке решимости и мужества пользоваться собственным разумом. Таким образом, девизом Просвещения Кант провозглашает слова Горация: *Sapere aude*, которое он переводит на свой родной немецкий язык: *Habe Mut, dich deines eigenen Verstandes zu bedienen!* — Имей мужество пользоваться собственным разумом! Таков этический императив, без которого невозможно никакое правосознание.

Blind spots of Russian legal consciousness in the mirror of Immanuel Kant's philosophy of law

Ruslan Loshakov, PhD, professor at Free University (Brīvā Universitāte, Latvia)

Abstract: This article examines a number of important aspects of Immanuel Kant's philosophy of law - quite relevant to the contemporary situation. Kant's conception of law is based on the idea that law is autonomous in relation to moral conscience and state is autonomous in relation to society. Kant argues that law can only be considered as legal if it is a law of liberty, recognising the civil independence, civil equality and civil autonomy of citizens. He argues that the distinction between law and right must be drawn to ensure that state power does not become despotic and infringe on the civil liberties of citizens. A law that allows the limits of this sphere to be violated or is discriminatory is not lawful and must be opposed. Kant argues that the rule of law is the only lasting state system and true freedom can only be achieved in a state governed by the rule of law.

Keywords: Kant, Kant's philosophy of law, moral law, freedom, autonomy, state autonomy, legal consciousness, limits of state action, ethical imperative

«The Rule of Law» Тома Бингхэма: современное понимание верховенства права

Георгий Борисов
Преподаватель Московской государственной юридической академии им. О. Кутафина.

Аннотация: В статье дан обзор книги британского лорда-судьи Томаса Г. Бингхэма «The Rule of Law» («Верховенство права»). В работе, адресованной широкому кругу читателей, доступным языком раскрывается современное понятие верховенства права, дана оценка основных вех истории этого принципа в англоязычном пространстве, сформулировано его ядро и проанализированы основные составляющие. Книга заслуживает внимания как подробное разъяснение термина, до сих пор вызывающего определенное недоверие у части юридического сообщества.

Ключевые слова: верховенство права, международное право, права человека, правосудие.

DOI: 10.55167/a7355e00c777

Том Бингхэм (1933–2010) — один из наиболее уважаемых британских судей современности, единственный в истории страны занимавший, в различное время, три высших поста в судебной системе: начальника судебных архивов (Master of Rolls), Верховного судьи (Lord Chief Justice) Англии и Уэльса, Старшего лорда-судьи по апелляциям (Senior Law Lord).

«The Rule of Law» (или «Верховенство права») — единственная изданная им книга, написанная после выхода в отставку и опубликованная незадолго до смерти. По собственному описанию автора, она адресована не юристам, а самой широкой публике — «тем, кто слышал упоминания о верховенстве права, склонен считать это вещью скорее хорошей, нежели плохой, размышляет о его вероятной важности, но не вполне уверен, что же эти слова означают, и хочет выработать для себя

ясное представление»[1]. Бингхэм и сам изначально выбрал эту тему для одной из своих лекций «потому, что люди вокруг меня постоянно использовали это выражение, я не был вполне уверен, что оно означает, и не был вполне уверен, что люди, использующие его, также понимают, о чем говорят, или что они говорят об одном и том же»[2].

Обращаясь в первой части книги к истокам исследуемого понятия, Бингхэм приписывает авторство выражения «the rule of law» (но, впрочем, не самой идеи) британскому теоретику конституционного права Альберту Дайси. Тот в своей книге «Введение в изучение права и конституции» (1885 г.) предложил три различных значения этого принципа:

- никто не может быть подвергнут телесным или материальным наказаниям, иначе как за явное нарушение закона, установленное в нормальном судебном порядке[3];
- никто не стоит выше закона и при этом любой человек подчиняется обыкновенному закону страны и подлежит юрисдикции обыкновенных судов[4];
- общие принципы неписаной британской конституции являются результатом индивидуальных судебных решений[5].

Формулируя же ядро современного принципа верховенства права, Бингхэм предлагает следующее прочтение: «все лица и органы власти внутри государства, будь то физические или юридические лица, должны быть связаны законами и иметь право на блага, предоставляемые законами, которые

1. *Bingham T.* The Rule of Law. Penguin Books, 2011. P. viii (далее цит. как Bingham).

2. Ibid. P. vii.

3. *Dicey A. V.* An Introduction to the Study of the Law of the Constitution (1885; 9th ed., Macmillan, 1945). P. 188.

4. Ibid. P. 193.

5. Ibid. P. 195.

устанавливаются публично, не имеют (по общему правилу) обратной силы и публично применяются в судах»[6].

Продолжая углубляться в историю, автор кратко описывает наиболее важные вехи, сформировавшие верховенство права в его нынешнем виде.

В первую очередь это Великая хартия вольностей, в особенности параграфы 39 и 40[7]. Хотя было бы издевательством над историей рассматривать баронов, выступивших против Иоанна Безземельного, как стремящихся улучшить мир альтруистов-либералов, этот документ поменял конституционный ландшафт Британии и, со временем, мира в целом. Отличительными особенностями Хартии является то, что она (в отличие от других европейских современниц) была пожалована всем свободным гражданам страны, являлась выражением уже давно сформированных представлений народа и отвергала неограниченную, безотчетную власть.

Далее рассматривается Акт о *habeas corpus* и история отмены пыток в Великобритании. Причем тут верховенство права? «Дело здесь в раннем осознании того, что существуют определенные практики настолько отвратительные, что с ними нельзя считаться; даже когда представляется, что под угрозой — безопасность государства, даже когда цена самоограничения такова, что на свободе может оказаться виновный человек. Существуют определенные вещи, которые ни при каких обстоятельствах недопустимо позволять даже высшей власти в государстве»[8].

Следующая веха — принятие Петиции о праве 1628 г. По мнению Бингхэма, именно об этом моменте можно сказать, что верховенство права вступило в пору зрелости. Хотя во время дебатов о принятии документа один из лордов выразил надежду, что «здесь не будет подниматься вопрос о том, стоит ли

6. Bingham. P. 8

7. Ознакомиться с текстом Хартии на русском языке можно, например, здесь: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_008524676?page=129&rotate=0&theme=white.

8. Bingham. P. 17.

король над законом, или закон над королем»[9], большинство, по сути, хотело разрешить именно этот вопрос, причем в пользу закона.

Далее речь идет о результатах Славной революции: Билле о правах 1689 г. и Акте о престолонаследии 1701 г.: «Тот урок, что высшая власть в государстве подчинена закону, дался нелегко. Он стоил одному королю головы, а другому — трона. Однако Британия, вышедшая из Славной революции, стала страной, в которой верховенство права, пусть несовершенно и не полностью, но все же правило бал»[10].

Затем Бингхэм обращается к зарубежному опыту, говоря о важной роли в разработке верховенства права таких источников как французская Декларация прав человека и гражданина, Конституция США и Билль о правах, современное право войны и Всеобщая декларация прав человека.

Во второй части книги автор подвергает более подробному анализу представленное выше ядро верховенства права, описывая его «ингредиенты», восемь составных принципов. Сформулированы они следующим образом.

1. *Право должно быть доступным и, по возможности, понятным, ясным и предсказуемым*[11]. Тому есть несколько причин. Во-первых, состав большинства преступлений не столь очевиден, как просто «грабеж», а поскольку цель уголовного права — предотвращать уголовно наказуемое поведение, ее можно достичь, только если людям понятно, какие действия запрещаются государством. Вторая причина не привязана к уголовному праву: для отстаивания своих прав и выполнения обязанностей любой человек должен надлежащим образом осознавать их. Наконец, доступность правовых правил является предпосылкой для успешного ведения торговли, инвестиций и вообще любого бизнеса. Об этом говорили, как известный судья лорд Мансфелд 250 лет назад, так и экономист Алан Гринспен в 2000-х.

9. *Robert C. Johnson et al. (eds.)*. Commons Debates 1628 // Yale Center for Parliamentary History. 1977. Vol. 3. P. 98.

10. Bingham. P. 25.

11. Ibid. P. 37.

2. *Вопросы законных прав и ответственности должны, по общему правилу, разрешаться через применение закона, а не по чьему-то усмотрению*[12]. Это не значит, что любое решение, затрагивающее права или обязанности гражданина, должно приниматься исключительно судом. Однако любое такое решение следует основывать на установленных критериях, и должны иметься законные способы оспорить его. Полное отсутствие усмотрения у представителей государства сделает систему неспособной реагировать на случаи исключительного характера, однако никакое (в т. ч. судейское) право усмотрения не должно быть настолько неограниченным, чтобы доходить до произвола.

3. *Законы страны должны равным образом применяться ко всем, за исключением случаев, когда отличия в применении обусловлены объективными различиями*[13]. Подобными не вызывающими вопросов различиями являются, например, юный возраст, нахождение в заключении по приговору суда, психические заболевания. Сложности же может вызвать, например, статус лиц, не являющихся гражданами определенной страны. Бингхэм критикует британских законодателей, установивших в 2001 г., что лица, подозреваемые в совершении актов международного терроризма, могут неограниченно долго удерживаться без предъявления обвинений и суда. Он отмечает, что спустя 60 лет остаются справедливыми следующие слова судьи Верховного Суда США Роберта Джексона:

> …Ничто так эффективно не прокладывает путь произволу как разрешить этим должностным лицам выбрать узкую группу, к которой будет применяться законодательство, и таким образом избежать политических последствий, с коими они бы столкнулись, если бы такое законодательство применялось к более широким слоям[14].

4. *Министры и должностные лица всех уровней должны осуществлять полномочия, которыми они наделены, добросовестно, справедливо, преследуя те цели, для коих они были наделены такими*

12. Ibid. P. 48.
13. Ibid. P. 55.
14. Railway Express Agency Inc. v New York 336 US 106, 112–113 (1949).

полномочиями, не превышая их и действуя разумно[15]. Обеспечению деятельности исполнительной власти в соответствии с этим принципом служит институт судебного контроля. Для минимального определения того, что справедливо, автор предлагает обратиться к двум принципам естественного права: лицу, принимающему решения, не должны мешать собственные интересы или предубеждения (*nemo iudex in causa sua*); лицо, против которого может быть принято неблагоприятное решение, должно иметь возможность быть услышанным (*audi alteram partem*). Для определения «разумности» того или иного решения государства скорее подходит тест иррациональности, задающий высокую планку для допустимости судебного вмешательства.

5. *Закон должен предоставлять надлежащую защиту основным правам человека*[16]. Здесь Бингхэм делает оговорку о том, что некоторые правоведы, например Джозеф Раз, не считают защиту прав человека необходимым элементом верховенства права[17], ориентируясь на его «узкое» понимание. Тем не менее, Всеобщая декларация прав человека и позднейшие международные договоры увязывают защиту прав человека с верховенством права. В этом контексте автор даже приводит обширную цитату из доклада Председателя Конституционного Суда России В. Д. Зорькина на международном симпозиуме, состоявшемся в Москве в июле 2007 г.:

> Таких шагов, как принятие либеральных законов, признание общих принципов и норм международного права… недостаточно для реального верховенства права. Помимо этого необходимо, чтобы законы выражали суть права так, как оно понимается человечеством на каждой конкретной стадии его развития… Право не может быть просто чем-то, что диктуется политической властью или устанавливается государством… Обе системы [СССР при Сталине и гитлеровская

15. Bingham. P. 60.

16. Ibid. P. 66.

17. Раз, например, утверждает, что «правом может быть… установлен институт рабства без нарушения принципа верховенства права». См.: *Raz J.* The Rule of Law and its Virtue // *Raz J.* The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford University Press, 1979. P. 221.

Германия] убивали миллионы людей, поскольку для обоих право давалось и содержалось только в писаных законах[18].

6. *Для тех добросовестных гражданских споров, которые стороны не в состоянии разрешить самостоятельно, должны быть предоставлены средства разрешения, без чрезмерной [заградительной] стоимости и без неоправданных задержек*[19]. Не отрицая важности альтернативных средств разрешения споров, автор отмечает, что в некоторых случаях существует необходимость в публичном и авторитетном решении суда по спорному вопросу. При этом приводится известное ироничное высказывание о том, что британское правосудие открыто для всех желающих — так же, как и отель «Ritz». Наряду с высокой стоимостью доступа к правосудию существует и проблема чрезмерной длительности разбирательств, в отношении чего приводится еще одна расхожая фраза: «затянувшееся судопроизводство равносильно отказу в правосудии»[20]. Цель установления доступных и быстрых механизмов судопроизводства пока остается труднодостижимой, в особенности для стран англосаксонской правовой семьи с их принципом состязательного процесса, однако, чем ближе государство подходит к этой цели, тем больше способствует установлению верховенства права.

7. *Предоставляемые государством судебные процедуры должны быть справедливыми*[21]. Требование справедливого суда верно для любого типа процесса — уголовного, гражданского или гибридного. Справедливость должна распространяться на обе стороны: и истец (прокурор), и ответчик (подсудимый) должны иметь возможность представить суду собственное видение дела и контраргументы. При этом следует помнить, что и сами представления о справедливости со временем меняются (так, британские защитники получили право при рассмотрении уголовных дел обращаться к присяжным от лица своих клиентов лишь в 1836 г.). Еще одним важным требованием здесь яв-

18. Перевод с английского по тексту книги. Оригинал доклада, по-видимому, не публиковался.

19. Bingham. P. 85.

20. «Justice delayed is justice denied».

21. Bingham. P. 90.

ляется обеспечение действительной независимости и беспристрастности лиц, принимающих решения в судебном процессе. Для гражданских споров одним из требований справедливости является (за некоторыми исключениями) предварительное раскрытие документов.

8. *Верховенство права требует, чтобы государство соблюдало собственные обязательства, вытекающие как из международного, так и из национального права*[22]. Не находя убедительным аргумент о том, что нормы международного права лишены легитимности, присущей законам, издаваемым демократическим законодателем, Бингхэм указывает на то, что эти нормы создаются самими государствами в отношениях между собой, а наиболее весомым аргументом в пользу соблюдения норм является чистая необходимость такого поведения, общая заинтересованность в нормальном функционировании международного порядка. Как утверждал политик и дипломат Дуглас Хёрд:

> Национальные государства… некомпетентны. Ни одно из них, даже США, как единственная оставшаяся сверхдержава, не может адекватно удовлетворить те потребности, которые теперь выражают его граждане. … единственным решением для проблемы бессмертного, но некомпетентного национального государства является эффективное сотрудничество между такими государствами в преследовании целей, которых ни одно из них не может достигнуть в одиночку[23].

В конце второй и начале третьей части книги Бингхэм сосредотачивается на современных угрозах для верховенства права, созданных развитыми западными государствами — США и Великобританией — в результате вторжения в Ирак и более широкой «войны с терроризмом».

Автор недвусмысленно осуждает действия правительств двух держав по разрушению режима Хусейна (а также многие другие военные операции США за рубежом) как откровенное нарушение международного правопорядка. Он выражает надежду, что государства, наученные опытом вторжения, вряд ли захотят повторить этот неудачный опыт. Хотя названные

22. Ibid. P. 110.

23. *Hurd D.* The Search for Peace. Warner Books, 1997. P. 6.

страны и не понесли ответственности перед Международным уголовным судом или каким-то схожим органом, тем не менее, их действия были осуждены мировой общественностью, что вылилось в соответствующий ущерб для их положения и влияния. Для верховенства права в международном порядке необходимы правила, принятые, осуществляемые и (при необходимости) подкрепленные принудительным исполнением на международном уровне.

Что касается «войны с терроризмом», то расширение полномочий исполнительной власти (в том числе по захвату и вывозу подозреваемых на территории третьих стран), изменения законодательства в отношении статуса иностранцев, гарантий справедливого суда, допустимости слежки и пыток представляются поспешной и чрезмерной реакцией, вредной для исследуемой ценности. В 2000-х, как и в 1980-х, остаются справедливыми слова судьи Верховного Суда США Уильяма Бреннана:

> Когда мы размышляем о недостойном обращении с гражданскими свободами в Соединенных Штатах во времена войны и кажущихся угроз для национальной безопасности, то находим намного больше вещей постыдных, чем таких, которыми можно гордиться. <…> После окончания каждого из таких предполагаемых кризисов безопасности, США с сожалением осознавали, что аннулирование гражданских свобод не было необходимым. Однако с приходом нового кризиса страна вновь оказывалась неспособна воздержаться от повторения той же ошибки[24].

По мнению автора, достойный принцип для руководства в ситуации воспринимаемой опасности был сформулирован Генеральным секретарем Совета Европы Вальтером Швиммером:

> …хотя государство имеет право использовать весь арсенал имеющихся в его распоряжении правовых средств для подавления и предотвращения террористической деятельности, оно не может использовать неизбирательные меры, подрывая собственные фундаментальные ценности, которые оно же призвано защищать. Государство, реагирующее подобным

24. *William J. Brennan, Jr.*, The Quest to Develop a Jurisprudence in Times of Security Crises // Israel Yearbook of Human Rights. 18 (1988). P. 11.

образом, рискует попасть в ловушку, которую терроризм расставляет демократии и правовому государству[25].

Последний раздел посвящен специфическому для Великобритании вопросу парламентского суверенитета. По мнению автора, стоять на жесткой позиции о том, что парламент пользуется неограниченной свободой и в теории способен принять закон об отмене любого права человека, означает придерживаться «узкой» концепции верховенства права. Тем не менее, в настоящее время британский законодатель обладает такими полномочиями — они ограничиваются лишь обязательствами, которые взял на себя сам парламент. Безусловно, любой закон, нарушающий принцип верховенства права, встретит отпор со стороны судей, однако сама судебная власть не сможет заставить парламент отменить спорную норму. Эта особенность конституционного строя вызывает озабоченность, требует усовершенствования и, возможно, изменений, основанных на информированном выборе британского народа[26].

В заключение Бингхэм выражает смелую мысль о том, что для человечества, разделенного по признакам государственных границ, рас, языков, достатка и пр. верховенство права является одним из главных (если не самым главным) объединяющих факторов: «это самое близкое, к чему мы можем подойти в качестве универсальной светской религии»[27]. Верховенство права остается недостижимым идеалом, однако к нему все же стоит стремиться в интересах должного функционирования как отдельных государств, так и мира в целом.

Tom Bingham's The Rule of Law: A Modern Understanding of the Rule of Law

Georgy Borisov, lecturer at the Kutafin Moscow State Law University.

25. Предисловие к Руководящим принципам в области прав человека и борьбы с терроризмом (утв. на 804-м заседании комитета министров Совета Европы 11 июля 2002 г.). URL: https://rm.coe.int/168069648a.

26. Созданный в 2009 г. Верховный Суд Великобритании также не обладает полномочиями отменять акты парламента.

27. Bingham. P. 174.

Abstract: The article provides an overview of the book "The Rule of Law" by the British Lord Justice Thomas G. Bingham. The work, addressed to a wide range of readers, reveals the modern concept of the rule of law in an accessible language, assesses the main centuries of the history of this principle in the English-speaking space, formulates its core and analyzes its main components. The book deserves attention as a detailed explanation of the term, which still causes some mistrust among part of the legal community.

Keywords: rule of law, international law, human rights, justice.

Право

Форма правления для демократической России

Ирина Алебастрова
Доктор юридических наук, профессор Свободного университета (Brīvā Universitāte, Латвия)

Аннотация: Грядущие демократические преобразования России неизбежно поставят вопрос о выборе формы правления, соответствующей потребностям демократизации и специфическим российским реалиям. В статье исследуются сущность, преимущества и вызовы различных форм республиканского правления: парламентарных, президентских, суперпрезидентских и смешанных республик, их внутривидовые модификации, а также условия их установления в различных странах и их эволюция. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что наиболее подходящей формой правления, отвечающей потребностям демократизации России, является парламентарная республика с элементами «рационализированного парламентаризма». Главный довод автора заключается в том, что основной задачей при выборе формы правления в условиях очередной попытки демократизации России является создание таких политических институтов, которые в наименьшей степени будут предрасположены к реставрации диктатуры. Именно парламентарная республика, не являясь панацеей, способна внести наибольший по сравнению с иными формами правления вклад в решение данной задачи.

Ключевые слова: форма правления, парламентарная республика, президентская республика, смешанная республика, суперпрезидентская республика, демократизация, демократический политический режим.

DOI: 10.55167/f6bd88230d7d

Выбор формы правления — одна из первых задач, которую предстоит решить, когда в России откроется окно возможностей демократизации. Сам этот выбор, а также правильное установление внутривидовых и межвидовых модификаций, наиболее адекватных существующей политической, экономической, социально-культурной среде, в которой осуществляются конституционные преобразования, чрезвычайно важны, поскольку от этого выбора зависят укоренение, перспективы, стабильность и эффективность демократического управления.

Между тем выбор формы правления — задача весьма непростая. Каждая форма правления обладает как достоинствами, так и недостатками, которые могут иметь более или менее важное значение, создавать большие или меньшие риски и преимущества в конкретных политических, экономических, социальных, культурных и психологических обстоятельствах[1]. Именно поэтому в настоящее время в мире наметилась тенденция конвергенции форм правления, взаимопроникновения, смешения их элементов в различных соотношениях и комбинациях. В связи с этим первостепенное значение подчас имеет выбор не формы правления как таковой с ее строгими канонами, а именно того набора элементов разных форм, который адекватно соответствует ситуации[2] и способен содействовать модернизации управления при сохранении социальной стабильности, достижению социального консенсуса в сочетании с обеспечением политической конкуренции, ограничению государственной власти и повышению ее эффективности.

Классическими формами республиканского правления справедливо считаются президентская и парламентарная республики. Их уместно характеризовать как классические потому, что именно в их рамках в наибольшей степени по сравнению с любыми другими формами республики обеспечивается реализация принципа разделения властей, идей равновесия ветвей власти, их роли как сдержек и противовесов друг друга и тем самым — идеи республики как «общего дела», то есть коллективного правления[3].

Действительно, в рамках президентской республики президент является главой исполнительной власти, а потому — сильной политической фигурой и политическим лидером государства. Силе президентской власти соответствует способ

1. См.: *Нечкин А. В.* Форма правления в государствах мира: проблемы классификации и пути их возможного решения // Lex Russica. 2019. № 5. С. 132.

2. См.: *Зазнаев О. И.* Атипичные президентские и полупрезидентские системы // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2005. Том 147. Кн. 1. С. 54–69.

3. См.: *Шайо А., Уитц Р.* Конституция свободы. Введение в юридический конституционализм. М., 2021. С. 164.

избрания президента: косвенные внепарламентские (США) или прямые (Кыргызстан) выборы. В любом случае президент избирается внепарламентским путем, то есть парламенту он своим избранием не обязан, что придает ему независимость от парламента как главе исполнительной власти. При этом ни президент, ни исполнительная власть в целом не несут политической ответственности перед парламентом. Однако президент в президентской республике не имеет права распустить парламент или хотя бы его палату — такой роспуск невозможен в принципе. Отсутствие такой возможности представляет собой значительный ограничитель власти политического лидера[4]: парламент может чувствовать себя свободным в критике президента, в противодействии его политическому курсу, в осуществлении по отношению к исполнительной власти парламентского контроля и парламентской ответственности (которая, впрочем, существует только в форме импичмента, осуществляемого в случае совершения президентом правонарушения), не опасаясь роспуска. Более того, проявляя усердие в данном направлении, парламент может «изводить» исполнительную власть своей неуступчивостью[5].

В парламентарной республике механизм сдержек и противовесов работает по-другому: правительство несет политическую ответственность перед парламентом (или только его нижней палатой), который может выразить правительству во главе с премьер-министром вотум недоверия или отказать ему в доверии. Однако и сам парламент может быть распущен. При этом роспуск парламента или его нижней палаты осуществляется не политическим лидером, которым является премьер-министр, а президентом, выступающим слабой политической фигурой, отстраненной от исполнения управленческих функций, но призванной способствовать хороше-

4. См.: *Жакке Ж.-П.* Конституционное право и политические институты. М., 2002. С. 96–100; *Shugart M. S., Carey J.* Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 11–24.

5. См.: *Кененова И. П., Троицкая А. А., Шустров Д. Г.* Сравнительное конституционное право в доктрине и судебных решениях. М., 2014. С. 475–476.

му управлению, в том числе — говорить последнее слово при возникновении конфликтов внутри парламента (в случае его неспособности сформировать правительство) или между парламентом и правительством (в случае выражении парламентом недоверия или отказа в доверии правительству именно президент делает выбор между роспуском парламента или отставкой правительства). Особо заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что в рамках классической парламентарной республики ни премьер-министр как политический лидер, ни президент как, наоборот, слабая политическая фигура не избираются непосредственно населением — выборным является лишь парламент. Премьер-министром становится лидер политической партии или блока, получивших большинство на парламентских выборах. Это, в частности, повышает накал парламентских выборов, на которых разыгрывается главный приз — пост премьер-министра, что делает и сам парламент более значимым как объективно, так и в глазах избирателей.

При этом нельзя сказать, что президентская и парламентская республики в строгом классическом варианте каждой из них широко распространены в мире. Например, всего несколько стран в Европе выбрали на сегодняшний день классическую парламентарную республику в качестве формы правления. Это Албания, Венгрия, Германия, Грузия, Италия, Латвия, Эстония. Очень небольшое количество современных государств установило и в строгом смысле президентскую республику: настоящее время это, например, США, Нигерия, Киргизия, Филиппины.

В большинстве современных республик существуют формы правления, в той или иной степени отклоняющиеся от классических — президентских и парламентарных. Это прежде всего суперпрезидентские и полупрезидентские (смешанные) республики[6].

В рамках суперпрезидентской республики, получившей в наибольшей степени распространение в странах Южной и Латинской Америки, президент наделяется дополнительными полномочиями по сравнению с полномочиями его кол-

6. См.: *Duverger M.* Échec au roi. Paris, 1978. P. 178–180.

леги в президентской республике: правом единоличного (без участия парламента) назначения министров, объявления войны, мира и чрезвычайных режимов. Например, в отличие от Президента США, который назначает министров с совета и согласия Сената, Президент Бразилии в соответствии с действующей Конституцией страны 1988 года имеет исключительное полномочие назначать и смещать с должности государственных министров, вводить военное и чрезвычайное положения, имеет право законодательной инициативы (статья 84).

Следует, впрочем, отметить, что и юридически, и фактически суперпрезидентские республики в целом ряде соответствующих стран проявляют в настоящее время большее или меньшее тяготение к классической президентской республике, тенденцию сближения с ней. Это выражается в сокращении полномочий президента или в неиспользовании (редком использовании) их на практике, а также в усилении роли парламента в таких государствах. Как отмечает российский исследователь З. В. Ивановский, в результате конституционных реформ, проведенных в странах Южной и Латинской Америки в конце XX — начале XXI веков, в них сохранилась сильная президентская власть, но в большинстве случаев полномочия глав государств были значительно урезаны. Произошла децентрализация, было демократизировано электоральное законодательство, заметно активизировались законотворческая и контрольная функции парламентов[7]. Например, конституционная реформа 1994 года в Аргентине[8] в рамках целого ряда мер по демократизации организации государственного механизма ограничила нормотворческие полномочия Президента (статья 99 Конституции 1853 года), сократила срок его полномочий с шести лет до четырех (статья 90), учредила должность премьер-министра (статья 100), с которым Президент стал

7. См.: *Ивановский З. В.* Конституционные реформы в Латинской Америке и их политические последствия (конец XX — начало XXI в.) // PolitBook. 2014. № 1. С. 111–140.

8. См.: *Примешав Н. М.* Конституционная реформа 1994 года в Аргентине // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2000. № 1. С. 102–107.

разделять полномочия по осуществлению исполнительной власти, укрепила законотворческие полномочия парламента, увеличив продолжительность его ежегодных сессий (статья 63) и предоставив право выносить закон на референдум при отказе Президенту в применении вето на соответствующие законопроекты и законы (статья 40). О фактическом усилении роли парламентов суперпрезидентских республик свидетельствует и то обстоятельство, что в общем количестве имевших место в последние десятилетия случаев отстранения парламентами президентов от должности явное лидерство имеют страны Латинской Америки, являющиеся суперпрезидентскими республиками: с начала 1990-х годов восемь глав государств данной группы были подвергнуты импичменту и отрешены от должности[9].

Итак, отпочковавшись от классической президентской республики, латиноамериканская модель президенциализма с большим или меньшим успехом проявляет некоторый тренд конвергенции с изначальной моделью президентской формы правления, которая по своей сути является дуалистической, то есть предполагающей существование двух полюсов центральной государственной власти — президента как главы исполнительной ветви власти и парламента как власти законодательной.

Смешанные (полупрезидентские) республики, демонстрирующие начавшийся в XX веке тренд конвергенции президентской и парламентарной республик, стали заметным явлением в теории и практике организации государственного механизма и приобрели самостоятельное значение ввиду появления у них собственных важных свойств как эффекта смешения признаков президентской и парламентарной республик. Смешанная модель республики выдается подчас за достижение теории и практики демократии, поскольку в ее рамках избиратели имеют возможность выбирать не только парламент, но и политического лидера, руководящего исполнительной властью, — президента (что характерно для президентской

9. См.: *Яковлева Н. М.* Латинская Америка: власть и оппозиция в XXI веке // Контуры глобальных трансформаций. 2018. № 3. С. 178–179.

республики, но не свойственно республике парламентарной), при этом правительство несет политическую ответственность перед парламентом (которая имеется в парламентарной республике, но отсутствует в республике президентской). Такое сочетание элементов президентской и парламентарной республик оценивается иногда как наилучшее из возможных "меню" элементов демократического устройства государства, в связи чем полупрезидентская республика характеризуется как наиболее демократичная форма правления[10]. С данным утверждением как универсальной оценкой полупрезидентских республик вряд ли, однако, можно согласиться. Дело в том, что полупрезидентские республики обладают весьма значительным внутривидовым разнообразием. Условно их можно разделить на смешанные президенциальные (президентско-парламентарные) и министериальные (парламентарно-президентские) республики, то есть смешанные республики с сильным президентом и с сильным премьер-министром.

Смешанные республики с сильным президентом по своей сути являются суперпрезидентскими, имея, однако, иные по сравнению с типичными суперпрезидентскими республиками механизмы возвышения фигуры президента в государственной механизме. Такие механизмы являются более изощренными, завуалированными, мало заметными при поверхностном взгляде: президенты смешанных республик обладают значительными (в различных, впрочем, комбинациях) полномочиями по руководству правительством, его формированию и отставке. Данные полномочия в сочетании с наличием у президентов всех полупрезидентских республик важных полномочий в сферах внешней политики и обеспечения безопасности, права роспуска парламента (или его нижней палаты), а также с непосредственным избранием президента населением являются критическими для непропорционального возвышения фигуры президента в государственном механизме. Иными словами, обладая, по сути, теми же полномочиями, что и президенты в президентских республиках, сильные

10. См.: *Садохина Н. Е.* Дуализм формы правления в современных государствах // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 12 (128). С. 444–445.

главы соответствующих смешанных республик имеют право роспуска парламента, которого нет у президента президентской республики. Немаловажным фактором укрепления позиций президента в президенциальных смешанных республиках является также то обстоятельство, что президент выведен из сферы политической ответственности перед парламентом, поскольку недоверие или отказ в доверии парламент может выразить только правительству во главе с премьер-министром, но не президенту. Данный подход работает на возвышение фигуры президента в государственном механизме потому, что он позволяет возложить ответственность за неудачи управления на правительство, но никак не на президента, что делает главу государства непогрешимым.

Типичным примером такой разновидности полупрезидентской республики является Россия. В соответствии с действующей Конституцией Российской Федерации Президент формирует Правительство при символической роли Государственной Думы, которая может поплатиться роспуском за свою строптивость относительно кандидатур или даже неизменной кандидатуры Председателя Правительства, трижды предложенных (предложенной) Президентом. Причем, в отличие от парламентарной республики, такая жертва является бессмысленной, ибо одновременно с роспуском Государственной Думы Президент на постоянной основе назначает Председателя Правительства, то есть после выборов нового состава Государственной Думы процедура согласования кандидатуры Председателя Правительства с Государственной Думой Конституцией России не предусмотрена. Такие же правовые последствия могут наступить и в случае отклонения Государственной Думой представленных Президентом кандидатур остальных членов Правительства, если в результате такого отклонения более одной трети должностей членов Правительства оказываются вакантными (статья 112 Конституции Российской Федерации). Президент обладает огромными полномочиями по руководству Правительством и контролю за его деятельностью, имея полномочия осуществлять общее руководство Правительством, председательствовать на его заседаниях, отменять его акты, давать поручения Председателю Правительства, кото-

рый несет персональную ответственность перед Президентом за деятельность Правительства (статьи 83, 113, 115 Конституции). Президент также вправе по собственной инициативе отправить Правительство в отставку, по основаниям, предусмотренным Конституцией, распустить Государственную Думу (статья 117). Подобная модель полупрезидентской республики существует также в Беларуси, Азербайджане, Казахстане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане[11].

Несколько более умеренную модель полупрезидентской республики с сильной президентской властью являют Франция, считающаяся родоначальницей данной формы правления, и в определенной степени — Польша. Например, Президент согласно действующей Конституции Франции 1958 года вправе единолично формировать Правительство страны (статья 8), имеет полномочия по руководству им, созывая его в качестве Совета министров (статья 21), подписывает его акты (статья 13), обладает правом роспуска Национального собрания (нижней палаты французского Парламента — статьи 49, 50), но не имеет права по собственной инициативе отправлять в отставку ни Правительство, ни его отдельных членов. Такая отставка возможна по представлению Премьер-министра (статья 8). Правительство в целом может быть отправлено Президентом в отставку также по инициативе Национального собрания — если оно вынесет Правительству резолюцию порицания или откажет ему в доверии (статьи 49, 50 Конституции Франции).

Если описанная модель полупрезидентской республики имеет проявления конвергенции с суперпрезидентской республикой, то другая ее модель — смешанная республика с сильным премьер-министром (министериальная, парламентарно-президентская) — тяготеет к республике парламентарной. Данная принципиально иная разновидность полупрезидентской республики имеет все признаки республики парламентарной за исключением единственного позаимствованного

11. См.: *Варшавский А. Г.* Смешанная (полупрезидентская) форма государственного правления: причины и условия становления, факторы трансформации в современных условиях // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 4. С. 104.

у президентской республики признака: президент в ее рамках избирается непосредственно избирателями. Полномочия же президента в сфере исполнительной власти весьма ограничены: решающая роль в формировании правительства принадлежит парламенту; президент не имеет рычагов воздействия на повседневную управленческую деятельность правительства и не имеет права его отправлять его в отставку по собственной (президентской) инициативе. Полномочия президента сведены к тем, которые типичны для глав парламентарных государств. Это полномочия по назначению и участию в назначении ряда государственных органов и должностных лиц, решению вопросов гражданства, помилования, награждений, более или менее значительные полномочия в сферах внешней политики, обороны и безопасности, а также право роспуска парламента. Примерами таких стран является большинство постсоциалистических государств: Литва, Украина, Молдова, Армения, Болгария, Чехия, Словакия, Румыния, Черногория, Словения, Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Северная Македония. К этой же группе стран относятся в настоящее время Австрия и Финляндия. Разумеется, данная модель является наиболее демократичной разновидностью полупрезидентской республики. Возникает, однако, вопрос о причине, по которой перечисленные страны, установившие данную модель, не остановили свой выбор на классической парламентарной республике. Более того, привлекательность данной модели смешанной республики растет. Например, бывшие классическими парламентарными республиками на момент принятия действующих конституций Австрия и Чехия перешли впоследствии к смешанной республике, установив единственный элемент президентской республики в виде прямых выборов президентов, но сохранив парламентский контроль за правительствами и лидерство премьер-министров. Украина, наоборот, в результате внесения в Конституцию 1996 года нескольких волн поправок (в особенности — 2004 года) отказалась от доминирующего влияния Президента на исполнительную власть в пользу Верховной Рады (парламента страны), то есть пришла другим путем к модели смешанной республики, близкой к парламентарной.

Очевидно, причины привлекательности данной модели заключаются в следующем. Подчеркнутое выделение в ее рамках для президента ниши внешней политики и безопасности (наряду с классическими полномочиями главы государства в парламентарных странах) в определенной степени углубляет принцип разделения властей и систему сдержек и противовесов: признание главы государства гарантом безопасности, в том числе на международной арене и в случае возникновения конфликтов между парламентом и правительством, в некотором смысле перекликается с воззрениями Ш. Л. Монтескье, который видел предназначение монарха в том, что он «объявляет войну или заключает мир, посылает или принимает послов, обеспечивает безопасность, предотвращает нашествия»[12]. Признание президента как главы государства гарантом безопасности и арбитром в спорах между ветвями власти обусловлено тем, что как единоличный орган государства он способен решать соответствующие вопросы наиболее оперативно. При этом непосредственное избрание президента избирателями повышает его легитимность, придает ему уверенность во взаимоотношениях с парламентом и правительством, которым он не обязан получением должности, что должно способствовать увеличению эффективности реализации его ограниченных, но весьма важных полномочий.

Следует отметить, что дискуссия о выборе оптимальной формы правления для России в условиях ее будущей демократизации ведется с приведением аргументов в пользу следующих моделей: смешанной республики с умеренной силой президентской власти (французская модель); смешанной республики со слабым президентом, тяготеющей к парламентарной модели; классической парламентарной или классической президентской республик[13].

12. *Монтескье Ш. Л.* О духе законов // *Монтескье Ш. Л.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 290.

13. См.: Путин прав: поправки к Конституции нужны. Но вот какая конституционная реформа необходима в России на самом деле // Медуза. 6 июля 2020 года URL: https://meduza.io/amp/feature/2020/07/06/putin-prav-popravki-k-konstitutsii-nuzhny-no-

Сторонники первой из перечисленных моделей (сохранение полупрезидентской республики с сильным, но не всесильным президентом) предлагают сохранить значительные полномочия Президента в сфере исполнительной власти, несколько ослабив его влияние на формирование Правительства в пользу Государственной Думы и лишив его полномочия отправлять Правительство в отставку по собственной инициативе.

Второе предложение (полупрезидентская республика со слабым, то есть лишенным полномочий по руководству Правительством, но избираемым непосредственно избирателями Президентом) имеет в виду повышение значимости Председателя Правительства в вопросах проведения внутренней политики и укрепление влияния парламента на исполнительную власть при сохранении за Президентом полномочий в сферах внешней политики, обороны и безопасности, назначений ряда должностных лиц, решения ряда вопросов правового статуса человека, права роспуска парламента, а также прямых выборов Президента.

Третье и четвертое предложения предполагают придание модели организации и взаимоотношений высших органов государственной власти России характерных оригинальных черт парламентарной или президентской республик соответственно.

Выбор формы правления в рамках демократизации России должен учитывать мировой и российской опыт разновидностей республиканских форм правления, а также специфические обстоятельства, в рамках которых соответствующая форма правления будет функционировать. В России одним из важных обстоятельств, подлежащих учету при выборе формы правления, является приверженность значительной части населения и политической элиты сильной персонифицированной единоличной власти. Такая приверженность является, в свою очередь, одним из факторов, порождающих риски воспроизводства диктатуры. Поэтому данную приверженность вряд ли можно считать той традицией, которая заслуживает

vot-kakaya-konstitutsionnaya-reforma-neobhodima-v-rossii-na-samom-dele-versiya-meduzy (дата обращения: 24.11.2022).

того, чтобы ее беречь и охранять. Наоборот, ее как несовместимую с модернизацией и демократизацией следует стремиться изживать. В частности, ответственной политической и юридической элите, в том числе авторам новой конституции для демократизирующейся России, следует позаботиться о том, чтобы установленная в конституции форма правления содержала минимальные риски для непропорционального усиления роли политического лидера.

Такие риски, однако, возрастают, если в обществе, в котором велик спрос на сильную единолично власть, политический лидер избирается непосредственно избирателями, ибо прямые выборы лидера создают основания для ощущения и обоснования сакральной связи лидера с народом и его претензий на непогрешимость. В связи с этим представляется, что для демократизирующейся России неприемлемы формы правления, в рамках которых существуют прямые выборы политического лидера как усиливающие риски воспроизводства диктатуры. Поэтому решению задачи демократизации России в наибольшей степени соответствует лишь классическая парламентарная республика. Производность власти политического лидера (премьер-министра) от воли партийного парламентского большинства (сложившегося, в свою очередь, в результате прямых выборов депутатов парламента), политическая ответственность лидера перед парламентом представляют собой естественные механизмы сдерживания лидера от злоупотреблений, позволяющие к тому же снять с него ореол и презумпцию вечной правоты, обусловленные якобы сакральной связью с избравшим его народом.

Разумеется, и парламентарная республика не является панацеей от воспроизводства диктатуры, особенно — в странах, не имеющих прочных демократических традиций, в частности, структурированной партийной системы. За это она нередко критикуется как нежелательная для установления в странах с недавним диктаторским прошлым и отсутствием прочных демократических традиций. Противники парламентарной формы правления не без оснований утверждают, что и в ее рамках могут прорастать авторитарные тенденции, сложиться нелиберальная демократия и даже жесткая диктатура,

примерами чему могут служить фашистские режимы Италии и Германии, а также современная Венгрия. Оппоненты установления парламентарной формы правления утверждают, что в условиях дефицита крупных и авторитетных политических партий, имеющих внятные обоснованные программы и обладающих договороспособностью, парламентарная республика способна вызвать политический и управленческий хаос в виде неспособности парламента сформировать правительство, ответственно его контролировать и обеспечить его устойчивость. Низкое же качество управления, особенно в нелегких социально-экономических условиях, порождает опасность возрождения диктатуры[14].

Представляется, однако, что современные конституционно-правовая и политологическая наука и практика выработали ряд механизмов, способных смягчить риски как непропорционального министериализма, так нестабильности и конфликтного потенциала парламентарных форм правления. Причем механизмы эти выработаны в странах, имеющих различные формы правления, что свидетельствует о том, что проблемы устойчивости парламента и правительства имеют остроту не только в парламентарных странах. Речь идет о таких механизмах как ограничение количества мест в парламенте, принадлежащего одной партийной фракции (Кыргызстан), требование образования правительства только на основе коалиции политических партий (Украина); временнЫе ограничения возможностей как отставки правительства, так и роспуска парламента, придание вотуму недоверия конструктивного характера (ФРГ, Польша); смешанная мажоритарно-пропорциональная избирательная система с умеренным заградительным барьером и т. п.

Следует отметить, что модель «сильный парламент — сильный президент» может иметь в демократизирующихся

14. См.: Semi-Presidentialism as Power Sharing: Constitutional reform after the Arab Spring. Center for Constitutional Transitions at NYU Law International Institute for Democracy and Electoral Assistance. P. 54. URL: https://constitutionnet.org/sites/default/files/semi-presidentialism_as_power_sharing-constitutional_reform_after_the_arab_spring.pdf (дата обращения: 24.11.2022).

странах, не обладающих опытом работы по поискам компромиссов, еще больший конфликтный потенциал в случае различной партийной принадлежности главы государства и парламентского большинства. Такой конфликт может принять затяжной характер и перерасти в социальную напряженность или/и завершиться установлением диктатуры лидера. Так что опасность политической или управленческой нестабильности, которая нередко приписывается парламентарной республике, дуалистической системой организации государственной власти не снимается. Но при этом она несет и другие (упомянутые ранее) риски возрождения диктатуры в стране, не имеющей достаточного опыта демократического управления. О том, что парламентарная республика имеет меньшие по сравнению с иными формами правления риски установления или возрождения диктатуры, свидетельствует то обстоятельство, что после падения появившегося в рамках парламентарной республики, предусмотренной Веймарской конституции, фашизма в Германии, в данной стране Основным законом 1949 года была вновь установлена парламентарная республика — на этот раз с элементами «рационализированного парламентаризма» (прежде всего — конструктивного вотума недоверия), а также с использованием смешанной избирательной системы и заградительного пункта (5%) при проведении выборов в Бундестаг.

С учетом приведенных соображений парламентарная республика представляется если не идеальной, то наиболее подходящей для демократизации России формой правления. Перефразируя афоризм У. Черчилля, можно сказать, что парламентарная республика для молодой демократии — это наихудшая форма правления, если не считать остальных.

Reflections on the form of government in a crisis situation

Irina Alebastrova, PhD in law, professor at Free University (Brīvā Universitāte, Latvia)

Abstract: The upcoming democratic transformations of Russia will inevitably raise the question of choosing a form of government that meets the needs of democratization and specific Russian realities. The article explores the essence, advantages and challenges of various forms of republican

government: parliamentary, presidential, super-presidential and mixed republics, their intraspecies modifications, as well as the conditions for their establishment in different countries and their evolution. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that the most suitable form of government that meets the needs of Russia's democratization is a parliamentary republic with elements of «rationalized parliamentarism». The main argument of the author is that the main task when choosing a form of government in the conditions of the next demand for the democratization of Russia is the creation of such political institutions that will be the least prone to the restoration of the dictatorship. It is the parliamentary republic, not being a panacea, that is able to make the greatest contribution to the solution of this task compared to other forms of government.

Keywords: form of government, parliamentary republic, presidential republic, mixed republic, super-presidential republic, democratization, democratic political regime.

Война в Европе и права человека. Время переосмысления

Елена Лукьянова
Доктор юридических наук, профессор Свободного университета (Brīvā Universitāte, Латвия)

Аннотация: Россия приняла ряд мер по ограничению академических прав и свобод, свободы слова и информации и наложению ограничений на отдельных лиц и организации, выступающие против войны в Украине. Эти меры включают блокировку сотен тысяч вебсайтов, уголовное и административное преследование граждан, а также включение в перечень нежелательных организаций и присвоение статуса недружественной страны. Европа должны принять меры, собирая и обмениваясь данными о нарушениях прав человека, поддерживая и сотрудничая с российскими правозащитными организациями и СМИ, а также защищая российские таланты, покинувшие страну. Эти усилия необходимы для обеспечения безопасности тех, кто покинул Россию, а также для того, чтобы проложить путь к более современному и открытому режиму в будущем.

Ключевые слова: война России, репрессии, свобода информации, интернет, нарушения прав человека, нежелательные организации, недружественные страны, дискриминационные практики, политическая цензура, иностранные агенты, социальные сети, журналисты, протестующие, СМИ, гуманитарная виза, политический активизм, правозащитная деятельность, гражданское образование, конституционный порядок, Европейский Союз.

DOI: 10.55167/fc2081e934e4

Некоторое время назад эта статья задумывалась совсем иначе. И если бы в этом году не случилось 24 февраля, мы бы сегодня обсуждали отдельные кейсы нарушений прав человека в Восточной Европе и в других странах, следили бы за тенденциями общественных дискуссий в этой области и анализировали законодательные новеллы. Мы, наверное, говорили бы о мировых ретро процессах в отношении соматических прав и грустили бы о столь созвучном польскому регулированию решении Верховного Суда США в отношении абортов. Мы бы анализировали нарастающее неправосудие в России и искали бы способы ее принуждения к исполнению своих международ-

ных обязательств. Однако 24 февраля 2022 года случилось то, что случилось. И это случившееся кардинально изменило весь human rights дискурс, потому что за прошедшие полгода после начала войны человечеству (особенно жителям Европы) пришлось пересмотреть и переосмыслить устоявшийся за последние полвека взгляд на проблемы прав человека. В чем состоит это переосмысление?

Первое и главное — сменились приоритеты. Два важнейших права из третьего поколения прав человека, становление которых происходило в 70–80-х гг. XX века вдруг стали первыми и главными. Это право на мир и право на гуманитарную помощь. Немыслимая в течение нескольких поколений европейцев варварская империалистическая экзистенциальная война, развязанная Россией против Украины, сместила все акценты в системе прав и свобод. Понимание того, что мир и безопасность человеческой жизни являются главным условием соблюдения всех остальных прав, легло на новый уровень общественного сознания — большинство в Европе к моменту начала войны глубоко осознало значение принципа верховенства прав и свобод в достижении наилучшего общественно-значимого результата развития.

Понимание сущности и значения прав и свобод человечество развивало постепенно. Так же постепенно юридическая наука эти знания анализировала и систематизировала. Она выделила несколько поколений прав в соответствии с этапами их становления и взаимосвязанностью между собой (впервые этот термин был предложен чешским юристом, генеральным секретарем Международного института прав человека в Страсбурге Карлом Васаком).

К первому поколению относятся личные и политические права, которые формировались в конституциях европейских стран в ходе буржуазных революций XVII–XVIII вв. В их основе лежат идеи естественного права и либеральные ценности, провозглашенные в трудах Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка. Первое поколение прав возложило на государства обязанность воздерживаться от посягательств на индивидуальность и создавать условия полноценного участия граждан в политической жизни. И этот комплекс прав со временем получил

международную защиту. Личные (гражданские) и политические права первого поколения трактуются международными и национальными документами как неотчуждаемые и не подлежащие ограничению каким-либо образом и по каким-либо основаниям. Эти права закреплены в Международном пакте о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г.

Права второго поколения возникли тогда, когда люди осознали, что человеческое достоинство требует большего, чем просто невмешательство государства, предусмотренное гражданскими и политическими правами. Эти права закреплены в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и в Европейской социальной хартии Совета Европы. Они основаны на идеях равенства и гарантированного доступа к основным социальным и экономическим благам, услугам и возможностям. Права второго поколения имеют более относительный характер, нежели права первого поколения, поскольку международное право не устанавливает каких-либо жестких требований к обеспечению этих прав, а обязанность по их реализации возлагается уже не только на государство, но и на общество в целом в зависимости уровня его социально-экономического развития.

Третье поколение прав человека — это, так называемые, коллективные права солидарности — право на развитие, на мир, на ядерную безопасность, на здоровую окружающую среду (включая климат), на общее наследие человечества, а также право на коммуникацию, связанное с концепцией нового международного информационного порядка. Это те права, при реализации которых, с одной стороны, важны позиция и усилия каждого отдельного государства, но при этом только совместно выработанные меры могут привести к адекватному результату. Отличие третьего поколения прав человека от первых двух состоит в том, что они по определению международные и предполагают защиту интересов отдельного человека, включенного не просто в социальную общность отдельного государства, а в человеческую общность в целом. Для формирования условий защиты этих прав требуется преодоление национального (государственного) эгоизма в пользу объединения сил многих государств и выработки общих решений. Именно это мы

и наблюдаем в последние полгода, когда страны, спорившие о своих специфических ценностях и об отдельной идентичности вдруг осознали реальную угрозу ценности гораздо более значимой — ценности мира. Отсюда и массовая поддержка Украины, и санкции в отношении России, и забота о беженцах. Примерно так же было и с решениями по климату. Страны вели себя довольно пассивно пока не наступили видимые его изменения. Экстремальная жара, пожары и наводнения сдвинули процесс принятия консолидированных международных решений с мертвой точки.

Да, конечно, параллельно с переосмыслением приоритетов продолжается дискуссия относительно содержания и пределов правового регулирования прав четвертого поколения — соматических. Новые научные открытия, в частности, в области генной инженерии и пересадки органов и тканей, выявили множество вопросов, связанных с этикой и правами человека (смена пола, донорство, репродуктивные права, клонирование, эвтаназия). В результате научно-технического прогресса в этих областях пришлось задаться вопросами о самой природе жизни. Совет Европы ответил на этот вызов времени принятием нового международного соглашения — Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Конвенции Овьедо 1997 года).

Но приоритеты явно изменились. Равно как многократно возросло значение международного сообщества и международного права в процессе утверждения и защиты прав человека. Противостояние войне приобрело характер общечеловеческой этической нормы.

Второе. Переоценка места и значения прав третьего поколения в общей системе человеческих ценностей выявила целый ряд новых и старых, но не до конца осмысленных проблем, в той или иной степени затрагивающих права человека. А именно:

- на повестку дня встал вопрос о правах человека в условиях современной войны, о новом взгляде на военные преступления и об эффективности реализации международных соглашений, защищающих права человека в военное время;

- стала очевидной проблема оценки добросовестности государств при исполнении своих международных обязательств, связанных с нарушение прав и свобод человека, и проблема ответственности за их неисполнение;
- возникла необходимость выработки специальных критериев для идентификации имитационных демократий, сочетающих в себе демократическое правовое регулирования с авторитарным правлением. Ведь именно эти имитационные демократии являются потенциальными разжигателями войн;
- стало очевидно, что старая проблема соотношения права на самоопределение народов с принципами территориальной целостности государств и нерушимости границ приобрела крайне опасный характер при решении вопросов войны и мира;
- изменился подход к понятию «суверенитет» в его вестфальском смысле. Суверенитет трансформировался из внутригосударственной в международно-правовую категорию. Возникла проблема недобросовестного манипулирование этим термином;
- возникла совершенно новая проблема коллективной вины и коллективной ответственности общества за агрессивную деятельность и военные преступления своих государств;
- также возник вопрос о коллективной ответственности в зависимости от гражданской принадлежности человека в условиях войны и международных санкций в отношении страны-агрессора.

Третье. Возможность развязывания войны в Европе в XXI веке выявила неполную дееспособность системы коллективной безопасности, сложившейся после второй мировой войны. Стало также очевидным несовершенство распределения обязанностей и отсутствие ответственности международного сообщества в обеспечении права на мир как главного условия соблюдения прав человека.

Все перечисленное — это современные вызовы в области соблюдения прав человека, которые жизнь внесла повестку дня

современного мирового сообщества. Откладывать решение этих вопросов не представляется возможным.

В России же после 24 февраля 2022 года права человека закончились. 31 декабря 1999 года, приступая к исполнению обязанностей президента России, Владимир Путин сказал: «Сегодня на меня возложены обязанности главы государства. Свобода слова, свобода совести, свобода средств массовой информации, права собственности — эти основополагающие элементы цивилизованного общества будут надежно защищены государством». Через 21 год его правления 25 февраля 2022 года Совет Европы приостановил членство России в организации из-за вторжения России на Украину. 15 марта Россия объявила о начале процесса выхода из организации. 16 марта 2022 года Комитет министров Совета Европы принял решение о немедленном исключении России. Соответственно, она автоматически вышла из-под юрисдикции ЕСПЧ. В этих условиях российский парламент, российская судебная и правоохранительная системы, ничем не ограничиваемые больше в своих действиях, активизировались в принятии неправовых законов и в проведении репрессивной политики, многократно нарушая при этом Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод.

Избирательные права и электоральная ситуация. Граждане фактически полностью утратили возможности какого бы то ни участия в управлении государством. За время правления Владимира Путина институт референдума был практически уничтожен. Процедура его назначения была трансформирована таким образом, что провести референдум, которого не хочет власть, стало невозможно.

Выборы тоже практически полностью перестали соответствовать критериям свободы и справедливости. Резко сократилась политическая конкуренция. Во-первых, после изменений Конституции 2020 года были существенно ограничено пассивное избирательное право — от избирательного процесса были принудительно отстранены многие тысячи сторонников Алексея Навального, поскольку его организация — Фонд борьбы с коррупцией был незаконно объявлен экстремистской организацией. Во-вторых, огромное количество гражданских

активистов после начала войны были вынуждены покинуть страну из-за угрозы уголовного преследования. В-третьих, применяемые раньше превентивные меры по недопуску оппозиции к выборам любого уровня приобрели массовый характер. Недопуск и снятие кандидатов с выборов на выборах в парламент 2021 года и на муниципальных выборах 2022 года применялись без каких-либо серьезных оснований по фиктивным или надуманным поводам. Например, в отношении кандидата в депутаты Константина Янкаускаса возбудили административное производство по статье о дискредитации армии за размещение в социальных сетях текста молитвы папы Римского о мире. В результате Янкаускаса вычеркнули из избирательных списков.

Сами правила голосования были изменены таким образом, что заранее допускали легальную возможность фальсификации (трехдневное голосование без гарантированной охраны избирательных бюллетеней, голосование за переделами избирательных участков, существенное ограничение возможностей общественного контроля, бездействие правоохранительных органов и суда при фиксации и обжаловании нарушений). Кроме того, была введена система неподконтрольного обществу дистанционного электронного голосования, результаты которого кардинально отличались от результатов голосования на участках. То есть, государством была умышленно создана система невозможности создания полноценных органов народного представительства и участия в их работе оппозиции.

Свобода СМИ. 24 февраля в день начала российской агрессии в Украине Роскомнадзор (Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций) потребовал от СМИ публиковать о войне с Украиной исключительно «данные из официальных российских источников» и пригрозил им за невыполнение этого требования штрафами до 5 млн рублей и блокировкой. 26 февраля ведомство потребовало удалить публикации о войне в Украине от ряда СМИ («Эхо Москвы», «ИноСМИ», «Медиазона», The New Times, телеканал «Дождь», «Свободная Пресса», Крым.Реалии, «Новая газета», «Журналист», «Лениздат»). Журналистам запретили называть «российскую спецоперацию» нападением, втор-

жением либо объявлением войны. Позже были заблокированы сайты более 30 независимых изданий, некоторые из них были ликвидированы или лишены лицензии (радиостанция «Эхо Москвы», «Новая газета»). Некоторые издания, не желавшие мириться с требованиями и не считавшие для себя возможным называть войну специальной военной операции сами приостановили свою работу (телеканал «Дождь», томское агентство ТВ2, Znak.com, The Village). Большинство независимых журналистов и многие редакции вынуждены были релоцироваться за пределы Российской Федерации.

Свобода информации. Интернет. Как неоднократно подчеркивалось различными экспертами и институтами, интернет является одной из ключевых технологий для быстрого и децентрализованного обмена информацией в сфере, где ответственность за содержание публикаций также распределена между разными элементами. Этим интернет принципиально отличается от традиционных медиа. Это, а также доступность технологий для обычных пользователей сделали сеть главным средством выражения мнения в настоящее время. Тем не менее, власти разных стран, в том числе России, пытаются присвоить контроль над интернетом в пределах государственных границ — ограничивают использование зарубежных серверов, заставляют крупные IT-компании открывать офисы на территории страны, ставят на точках трансграничного обмена оборудование, которое перекрывает определенные источники информации и т. п.

Россия активно применяет такую санкцию как блокировка интернет-ресурсов. За последние десять лет блокировки стали одним из самых масштабных инструментов ограничения доступа к информации и свободы выражения мнения. Хотя первые законодательные изменения, расширяющие возможности блокировок и упрощающие эту процедуру, появились ещё в 2012 году, исследований и сообщений о ситуации до сих пор крайне мало, она долго не получала широкой общественной огласки вне узких правозащитных и экспертных кругов. Отсутствие надлежащей документации нарушений международных норм и стандартов прав человека лишь способствует

текущему положению — де-факто полной интернет-цензуре по отношению к альтернативной информации.

С начала войны в России заблокировано 138 000 интернет-ресурсов (Генеральный прокурор РФ Игорь Краснов заявил, что за время войны в Украине в России «удовлетворили более 340 требований прокуроров о блокировании недостоверной общественно значимой информации о специальной военной операции»). Блокировка интернет-ресурсов приобрела характер открытой политической цензуры. В том числе государством была ограничена работа в России социальных сетей Facebook, Twitter, TikTok, Instagram. Антивоенные публикации в социальных сетях массово стали основанием для привлечения граждан к административной и уголовной ответственности.

Ограничение академических прав и свобод и свободы творчества. В России незаконно увольняют преподавателей ВУЗов и отчисляют студентов, если их позиция в отношении войны или российского политического режима не совпадает с официальной. Запрещают выступления музыкантов, отменяют прокат кино и исключают из репертуара театров работы режиссеров, выступивших против российской агрессии в Украине. С 1 сентября 2022 года во всех школах вводятся еженедельные уроки патриотического воспитания с разъяснением целей и задач «специальной военной операции» России в Украине, переписываются учебники истории.

Статус «иностранных агентов». Начиная с 2012 года в российском законодательстве появился термин «иностранный агент». Сначала это «звание» присваивалось НКО, занимавшимся «политической деятельностью» и получающим иностранное финансирование. Словосочетание «политическая деятельность» здесь поставлено в кавычки, потому что его определение весьма сомнительно с точки зрения требования правовой определенности — фактически под определение политической деятельности может подпасть любая журналистская, правозащитная и экспертная деятельность, равно как и любая публичная дискуссия на общественно-политическую тему. Судите сами: «Организация, признаваемая участвующей в политической деятельности, должна осуществлять деятельность в сфере государственного строительства, защиты основ

конституционного строя, федеративного устройства, защиты суверенитета и обеспечения территориальной целостности, обеспечения законности, правопорядка, государственной и общественной безопасности, обороны страны внешней политики, социально-экономического и национального развития РФ, развития политической системы, деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, законодательного регулирования прав и свобод человека и гражданина в целях оказания влияния на выработку и реализацию государственной политики, формирования государственных органов, органов местного самоуправления, на их решения и действия» (из федеральных законов «Об общественных объединениях» и «О некоммерческих организациях»).

С 2013 года по февраль 202-го «иностранными агентами» в России признаны 200 НКО. 45 из них уже не выполняют функции «иностранного агента», 56 совершили добровольный самороспуск, 16 ликвидированы судом, 8 исключены из Единого реестра юридических лиц и 75 сохраняются в реестре. Из находящихся в реестре 15 занимаются правозащитой, 14 — гражданским просвещением, 8 — борьбой с ВИЧ, 7 — поддержкой СМИ, 7 — помощью нуждающимся.

В 2017 году в законе появился термин СМИ-иноагенты. Из общего списка таковых (всего 51) за 2021–2022 гг. в реестр было внесено 38 организаций. Но этого оказалось мало. В 2020 году в законе появилась новая категория — физические лица-«иностранные агенты». Причем физическое лицо — «иностранный агент» могло быть дополнительно признано СМИ, что влекло для него обязанность регистрации соответствующего юридического лица. Общее число появившихся в 2020 году физических лиц-СМИ-иноагентов — 132 человека. Из них 20 человек — координаторы и члены совета организации по наблюдению за выборами «Голос» и 5 человек сотрудников (в том числе адвокатов) правозащитной организации «Команда 29». 22 человека объявлены иностранными агентами без привязки к СМИ. В том числе гражданин Украины журналист Дмитрий Гордон. Каждую пятницу Министерство юстиции России объявляет новых членов теперь уже почетного общества «российских иноагентов».

Надо при этом подчеркнуть, что статус иностранного агента в России является откровенно дискриминационным. Он обязывает своих носителей жить и работать совершенно по иным правилам, нежели живут и работают остальные физические и юридические лица. Им, например, приходится вести огромную дополнительную отчетность. Им запрещены доступ к государственной службе и преподавание несовершеннолетним. Они обязаны маркировать специальной плашкой все свои публикации (в том числе в соцсетях) и сведения об их иноагенстве обязательно печатаются во всех избирательных материалах.

Нежелательные организации и недружественные страны. В 2015 году в законодательстве России появился новый термин «нежелательные организации». Нежелательная организация (более точный термин «организация, деятельность которой признана нежелательной» — это иностранная или международная неправительственная организация деятельность которой может представлять угрозу основам конституционного строя России, обороноспособности страны или безопасности государства. Таким организациям запрещено вести деятельность на территории РФ, за нарушение этого запрета предусмотрены административные и уголовные меры наказания. С 2017 года нежелательным организациям запрещено создавать на территории РФ дочерние юридические лица. В этом же году была законодательно разрешена блокировка их сайтов.

Статус нежелательной организации устанавливается во внесудебном порядке произвольным решением Генеральной Прокуратуры по согласованию с МИД России. Список нежелательных организаций ведется Министерством юстиции. До сих пор ни одна из нежелательных организаций не сумела оспорить своё присутствие в этом список. Среди 55 организаций, признанных в России нежелательными, крупнейшие международные фонды поддержки демократии, учебные и исследовательские центры. Анализ списка показывает, что нежелательными в Росси признаются в основном крупные доноры.

24 июля 2022 года распоряжением Правительством России был утвержден перечень недружественных России госу-

дарств и территорий, в который входят 49 государств (включая все 28 стран-членов Европейского Союза). Российским гражданам запрещается работать по трудовым и гражданско-правовым договорам в дипломатических и консульских представительствах этих стран.

Также как и статус иностранных агентов, статус нежелательных организаций и недружественных стран откровенно дискриминационный, устанавливаемый в недолжной юридической процедуре, а критерии отнесения организаций или стран к этим категориям страдают правовой неопределенностью и политическим ориентированы. Сотрудничество с нежелательными организациями влечет за собой привлечение к уголовной ответственности.

Репрессии. В последние годы и особенно с начала войны усилились репрессии в отношении политических активистов (Алексей Навальный, Владимир Кара-Мурза), общественных деятелей (Вячеслав Егоров, Евгений Ройзман, Леонид Гозман) и наиболее активных муниципальных депутатов (Алексей Горинов, Илья Яшин, Кетеван Хараидзе, Елена Котеночкина, Илья Азар, Люся Штейн).

Алексей Навальный переведен из колонии общего режима в колонию строгого режима. Значительную часть времени своего заключения (на момент подготовки настоящей статьи — более двух лет) он провел в штрафных изоляторах в условиях, фактически, являющихся пыточными. Для его адвокатов введен запрет на адвокатскую тайну.

Муниципальный депутат Алексей Горинов получил 7 лет тюрьмы за то, что на заседании Совета публично задал вопрос, этично ли проводить конкурсы детских рисунков, когда на войне каждый день гибнут дети. Илья Яшин и Владимир Кара-Мурза находились в СИЗО, потом в тюрьмах и исправительных колониях. Евгений Ройзман и Кетеван Хараидзе — под домашним арестом. Леонид Гозман — в изоляторе временного содержания. Вот что передал через своего адвоката Гозман корреспонденту «Новая газета Европа»: «Чего хотят именно от меня, не понимаю. Их ненависть ко мне (а они давно меня ненавидят) носит иррациональный характер. Я ведь ни прямо, ни косвенно не участвую в выборах, ничего не организовываю,

никого ни к чему не призываю — никак не могу им помешать. Я просто говорю, что думаю. Но уже не только слова, но, похоже, и мысли стали преступлением. В обосновании моего ареста — сейчас совсем смешной момент — говорится, что вина моя в том, что я, видите ли, иронически отношусь к закону, запрещающему отождествлять Сталина и Гитлера. Так я не только к этому закону иронически отношусь!»

За последние полгода на 3807 россиян завели административные дела о «дискредитации» армии РФ, на 224 — уголовные дела о «фейках» о войне.

Одновременно оказывается давление и осуществляется преследование адвокатов. Например, Ивана Павлова, Валерии Ветошкиной, Анастасии Бураковой, Михаила Беньяша и других. 9 сентября 2018 года в Краснодаре оперативники схватили и силой затолкали в машину без опознавательных знаков адвоката Михаила Беньяша. Полицейские отобрали у него телефон, душили и избивали. Следы травм остались у адвоката на лице. Однако в суде те, кто избивал его, заявили, что при задержании он якобы «бился о внутреннюю обшивку салона автомашины». На абсурдность данных показаний суд не обратил внимание. В итоге против адвоката возбудили уголовное дело «за причинение легкого вреда сотрудникам полиции» (!). В день задержания Беньяш собирался оказывать юридическую помощь задержанным на массовой акции протеста в Краснодаре. История Михаила Беньяша — всего лишь один из 50 случаев нарушений прав адвокатов, описанных в исследовании «Адвокатура под ударом: насилие, преследование и внутренние конфликты». «Защитников допрашивают, обыскивают, толкают, пинают, заковывают в наручники, душат и бьют, а порой еще обвиняют в нападении на правоохранителей». — пишут авторы доклада. Даже во время заседаний суда адвокатам не всегда дают высказать свою позицию или вовсе выдворяют из зала. Наиболее тревожной тенденцией называют «все более бесцеремонное отношение» сотрудников правоохранительных органов к адвокатам». За двадцать лет правления Владимира Путина в России погибло более 300 адвокатов. И это не были бытовые преступления.

Что может сделать Европа в ситуации, когда граждане России, выступающие против войны, остались без международной защиты наедине с репрессивным диктаторским режимом или оказались в эмиграции? Поскольку защита прав человека перестала быть внутренним делом государств, а стала всеобщей обязанностью, первое и главное, что надо делать — это максимально собирать и фиксировать информацию о нарушениях прав человека и доводить ее до сведения международных организаций. Нарушители должны нести ответственность за нарушения независимо от того, когда такая возможность появится.

Необходимо поддерживать российские правозащитные организации и СМИ, релоцированные с начала войны из России и взаимодействовать с ними. Также очень важно сберечь российский научный и преподавательский потенциал, оказавшийся за пределами страны. Понимая всю эмоциональную составляющую отношения европейцев к россиянам в целом, нужно понимать, что вооруженное противостояние рано или поздно закончится, политический режим измениться, а огромная страна-сосед останется. Каким будет этот сосед — зависит от всех нас. Поэтому сейчас нужно сберечь всех тех, кто понимает, как исправить ситуацию, как модернизировать режим. По разным данным после начала войны Россию покинули от 1 до 3 млн граждан. Риски уехавших достаточно высоки. Многие страны, особенно граничащие с Россией, предоставляют россиянам гуманитарные визы без права на работу. Банки не открывают счета. В результате люди остаются без средств к существованию, их дети не могут получать образование. Все это требует осторожного и внимательного отношения, большой организационной работы в очень сложных условиях. Но все эти усилия непременно окупятся в будущем.

The war in Europe and human rights. Time to rethink

Elena Lukyanova, PhD. in law, professor at Free University (Brīvā Universitāte, Latvia)

Abstract: Russia has taken a number of measures to restrict academic rights and freedoms, freedom of speech and information, and impose restrictions on

individuals and organizations that oppose the war in Ukraine. These measures include blocking hundreds of thousands of websites, criminal and administrative harassment of citizens, and listing as undesirable organizations and assigning unfriendly country status. Europe must take action by collecting and sharing data on human rights violations, supporting and cooperating with Russian human rights organizations and media, and protecting Russian talents who have left the country. These efforts are necessary to ensure the safety of those who have left Russia, and to pave the way for a more modern and open regime in the future.

Keywords: Russia's war, repression, freedom of information, Internet, human rights violations, undesirable organizations, unfriendly countries, discriminatory practices, political censorship, foreign agents, social networks, journalists, protesters, media, humanitarian visa, political activism, human rights activities, civic education, constitutional order, European Union.

Избирательное законодательство и конкуренция на выборах

Аркадий Любарев
Кандидат юридических наук, lyubarev@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются положения избирательного законодательства, связанные с электоральной конкуренцией, и их фактическое влияние на реальную конкуренцию политических партий и кандидатов в ходе агитационных кампаний и выборов. Выделяются три соответствующих раздела избирательного законодательства: ограничения пассивного избирательного права; правила допуска к выборам кандидатов и списков кандидатов; нормы, регулирующие использование различных избирательных систем. Показаны изменения в каждом из этих разделов на протяжении трех десятилетий. В статье анализируется изменение числа политических партий (и шире — числа организаций, имеющих право участвовать в выборах) и его корреляция с числом избирательных объединений, фактически участвовавших в выборах в Государственную Думу. Рассматриваются показатели формальной и реальной конкуренции и их изменения на федеральных и региональных выборах. Делается вывод, что уровень электоральной конкуренции в настоящее время в целом значительно ниже, чем в первой половине 2000-х годов.

Ключевые слова: выборы, избирательное законодательство, политические партии, пассивное избирательное право, регистрация кандидатов, конкуренция на выборах, эффективное число партий.

DOI: 10.55167/2242b87ee7d5

События 2022 года усилили интерес к вопросу об эволюции российского режима. Важную роль в этой эволюции играют выборы[1]. «Партии власти» в течение длительного времени удается одерживать победу на выборах не федерального уровня, но также (за редкими исключениями) на выборах регионального и местного уровней. Достигается этот результат с помощью различных приемов, в том числе и путем ограничения электо-

1. *Лукьянова Е. А., Порошин Е. Н., Арутюнов А. А., Шпилькин С. А., Зворыкина Е. В.* Выборы строгого режима: Как российские выборы стали невыборами, и что с этим делать? Политико-правовое исследование с элементами математики. М.: Мысль, Свободный университет, 2022.

ральной конкуренции. Тем не менее, определенный уровень конкуренции на выборах сохраняется, и даже есть некоторые признаки его роста.

Российское избирательное законодательство за тридцатилетнюю историю претерпело огромное количество изменений[2]. В данной статье мы будем касаться только той части законодательства о выборах (и частично законодательства о политических партиях), которая непосредственно влияет на электоральную конкуренцию. Эти нормы можно разделить на три части:

1. ограничения пассивного избирательного права;
2. правила допуска к выборам кандидатов и списков кандидатов;
3. нормы, регулирующие использование различных избирательных систем.

Посмотрим сначала, как менялись эти нормы в течение длительного периода.

1. Ограничения пассивного избирательного права

Конституция Российской Федерации 1993 года в статье 32 предусмотрела лишь два ограничения активного и пассивного избирательного права: не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

Правда, статьи 81 и 97 Конституции предусматривали также наличие возрастных цензов для избрания Президентом

2. См.: *Кынев А. В., Любарев А. Е.* Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011; *Любарев А.Е., Коргунюк Ю. Г., Михалева Г. М.* Законодательство о выборах и партиях: четверть века метаний // Политическая концептология. 2018. № 3. С. 218–225. DOI: 10.23683/2218-5518.2018.3.218225; *Лукьянова Е. А., Порошин Е. Н., Арутюнов А. А., Шпилькин С. А., Зворыкина Е. В.* Выборы строгого режима: Как российские выборы стали невыборами, и что с этим делать? Политико-правовое исследование с элементами математики. М.: Мысль, Свободный университет, 2022.

РФ и депутатом Государственной Думы, а также ценз оседлости для избрания Президентом РФ. Однако, как отметила В. В. Лапаева, эти цензы по своей правовой природе не относятся к ограничениям прав, а определяют конституционно-правовой статус избираемых лиц[3].

Возрастные цензы, в том числе и не предусмотренные Конституцией, были установлены избирательным законодательством для всех видов избираемых лиц, и это не встретило серьезных возражений. А попытки использования ценза оседлости на губернаторских выборах в 1990-е годы успешно оспаривались, и в конечном счете такие цензы были запрещены федеральным законом[4].

До 2006 года вводились еще некоторые запреты, которые носили ограниченный характер и в основном соответствовали демократическим принципам. Это ограничения на пребывание в должности главы региона двумя сроками (что приводило к запрету для глав участвовать в выборах на третий срок) и запрет для глав, досрочно ушедших в отставку, участвовать в выборах, назначенных по случаю их отставки.

С 2006 года началось введение все новых ограничений пассивного избирательного права. Сначала (в июле 2006 года) они коснулись российских граждан, имеющих гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства. В декабре того же года были введены сразу четыре новых ограничения, они коснулись граждан: а) осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и имеющих на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления; б) осужденных за совершение преступлений экстремистской

3. См.: *Лапаева В. В.* Пассивное избирательное право гражданина в Конституции РФ: основания и пределы ограничения // Электоральная политика. 2019. № 2. С. 2. URL: http://electoralpolitics.org/ru/articles/passivnoe-izbiratelnoe-pravo-grazhdanina-v-konstitutsii-rf-osnovaniia-i-predely-ogranicheniia/.

4. См.: *Кынев А. В., Любарев А. Е.* Указ. соч.С. 370–371.

направленности и имеющих на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления; в) подвергнутых административному наказанию за совершение административного правонарушения «пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики», если голосование на выборах состоится до окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию; г) в отношении которых вступившим в силу решением суда установлен факт нарушения ограничений, связанных с экстремистской деятельностью, если указанные нарушения совершены до дня голосования на выборах в течение установленного законом срока полномочий органа государственной власти или органа местного самоуправления, в которые назначены выборы, либо должностного лица, для избрания которого назначены выборы.

Следующим шагом стала введенная в мае 2012 года норма, согласно которой пассивного избирательного права были бессрочно лишены граждане РФ, осужденные когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 10.10.2013 № 20-П признал это положение не соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой им установлено бессрочное и недифференцированное ограничение пассивного избирательного права в отношении граждан РФ, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений.

Федеральным законом от 21.02.2014 № 19-ФЗ данное положение было изменено. По новому закону лица, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, лишаются пассивного избирательного права до истечения 10 лет со дня снятия или погашения судимости, а лица, осужденные к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений — до истечения 15 лет со дня снятия или погашения судимости.

Таким образом, бессрочное лишение граждан пассивного избирательного права было отменено. Формально законодатели вроде бы учли и требование дифференцированного подхода к ограничениям. Однако, по мнению ряда юристов,

новое положение нельзя было считать реализацией решения Конституционного Суда в части недифференцированного ограничения пассивного избирательного права. В частности, обращалось внимание на то, что лица, осужденные условно, все равно подпадают под категорию «осужденные к лишению свободы», хотя условный приговор означает явно невысокую степень общественной опасности. Кроме того, отмечалось, что квалификация преступления на основе статьи 15 УК РФ не может лежать в основе дифференциации ограничения пассивного избирательного права как не отражающая реальную степень общественной опасности кандидата[5].

Ограничения, действовавшие в период 2006–2012 годов, приводили к снятию с выборов ряда кандидатов, в частности, исключению кандидатов из партийных списков на выборах депутатов Государственной Думы 2007 года[6]. Однако это касалось малоизвестных кандидатов, занимавших в списках не самые высокие места. В тот момент эти нормы еще не использовались целенаправленно для снижения конкуренции на выборах.

Иная ситуация сложилась с законами, принятыми в 2012 и 2014 годах. Уже в момент их принятия было очевидно, что они направлены в первую очередь против М. Б. Ходорковского и А. А. Навального, достаточно популярных в оппозиционной среде. На президентских выборах 2018 года отказы из-за отсутствия пассивного избирательного права получили три кандидата: А. А. Навальный и О. А. Лурье из-за судимости за преступления, формально относимые к тяжким, а также А. Ю. Чухлебов из-за наличия вида на жительство в Финляндии.

5. См.: *Черепанов В. А.* К вопросу об ограничении пассивного избирательного права // Государтсво и право. 2015. № 12. С. 47–54; *Любарев А. Е.* О ключевых изменениях законодательства о выборах президента России 2018 года в сравнении с выборами 2012 года. Аналитический доклад. URL: https://www.golosinfo.org/articles/142384.

6. См.: *Любарев А. Е., Бузин А. Ю., Кынев А. В., Скосаренко Е. Е.* Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания пятого созыва // Бюллетень Национального центра демократических процедур. Вып. 5. Март 2008. С. 119–122.

В 2020 году ряд ограничений, ранее внесенных в избирательное законодательство, были добавлены в Конституцию РФ: требования, чтобы депутаты Государственной Думы, главы регионов и другие высшие должностные лица не имели гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание на территории иностранного государства, а также не имели счета (вклады), в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ. Для Президента РФ установлены более жесткие требования: постоянное проживание в РФ не менее 25 лет, отсутствие у него не только в период исполнения полномочий, но и ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание на территории иностранного государства.

В мае 2020 года «криминальный фильтр» был существенно расширен: пассивного избирательного права лишились граждане, осужденные к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных 50 статьями УК РФ (преступления средней тяжести), до истечения пяти лет со дня снятия или погашения судимости. Среди этих статей были и откровенно политические, по которым осуждаются представители оппозиции за протестные действия. Это, в частности, «неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» (ст. 212.1), «публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» (ч. 2 ст. 280), «публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия» (ч. 2 ст. 207.2).

Следующий удар по пассивному избирательному праву был нанесен Федеральным законом от 4 июня 2021 года № 157-ФЗ. Он был принят в спешном порядке и вступил в законную силу непосредственно перед тем, как несколько организаций сторонников А. А. Навального были по сомнительным основаниям признаны экстремистскими. Этот закон лишил пассивного избирательного права граждан России, причастных к деятельности общественного или религиозного объединения, иной организации, в отношении которых вступило в законную

силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности в связи с признанием ее экстремистской или террористической организацией. При этом выделяются две категории причастности. К первой относятся учредители, члены коллегиального руководящего органа, руководитель, заместители руководителя, руководители региональных или других структурных подразделений и их заместители, занимавшие одну из этих позиций в срок, начинающийся за три года до дня вступления в законную силу решения суда о ликвидации или запрете деятельности организации. Эти граждане лишены права быть избранными до истечения пяти лет со дня вступления в законную силу решения суда о ликвидации или запрете деятельности организации. Ко второй категории относятся участники, члены, работники данной организации и иные лица, причастные к ее деятельности, занимавшие одну из этих позиций в срок, начинающийся за год до дня вступления в законную силу решения суда о ликвидации или запрете деятельности организации. Эти граждане лишены права быть избранными до истечения трех лет со дня вступления в законную силу решения суда о ликвидации или запрете деятельности организации. При этом для данной категории лиц требуется, чтобы причастность была установлена вступившим в законную силу решением суда. Закон устанавливает, что причастностью может считаться выражение поддержки высказываниями, включая высказывания в сети Интернет, либо иными действиями (предоставление денежных средств, имущественной, организационно-методической, консультативной или иной помощи).

Закон этот юридически неприемлем в первую очередь из-за того, что предусматривает обратную силу: он карает за действия, которые в момент их совершения не считались противозаконными. Кроме того, формулировки для ряда действий, подпадающих под столь серьезную санкцию, как лишение пассивного избирательного права (высказывания поддержки в Интернете, оказание различной помощи), довольно размытые, что создало большие возможности для произвола в отношении оппозиционно настроенных граждан, особенно учитывая значительную поддержку, которой пользовались среди данной категории граждан структуры сторонников А. А. Навального.

В 2022 году добавились еще две новеллы. Срок лишения пассивного избирательного права граждан, осужденных за преступления экстремистской направленности, продлен до истечения пяти лет со дня снятия или погашения судимости (ранее он заканчивался со снятием или погашением судимости). Кроме того, в качестве оснований для лишения пассивного избирательного права добавлены еще две статьи УК РФ — часть 2 статьи 133 (понуждения к действиям сексуального характера, совершенное в отношении несовершеннолетнего) и часть 1 статьи 134 (половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста).

На выборах в Государственную Думу 2021 года по основаниям отсутствия пассивного избирательного права из этих списков были исключены 12 кандидатов, в том числе из-за «причастности» к экстремистской организации — четыре кандидата, среди них — один из лидеров партии «Яблоко» Л. М. Шлосберг (он также был снят с выборов в Государственную Думу по одномандатному округу и с выборов в Псковскую областную Думу). Однако эти цифры касаются только кандидатов, которые были в списках, представленных на регистрацию. При этом значительная часть политиков, лишенных пассивного избирательного права, не стала выдвигаться, либо они были исключены из списков самими партиями.

Всего на данный момент в законодательстве перечислены 11 категорий граждан, лишенных пассивного избирательного права[7]. В этот перечень не входят граждане, не подпадающие под действия статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав…», но фактически ограниченные в пассивном избирательном праве требованиями пункта 3.3 статьи 33 данного закона: кандидат обязан к моменту представления документов, необходимых для регистрации кандидата, списка кандидатов, закрыть счета (вклады), прекратить хранение наличных денежных средств и ценностей в иностранных

7. *Андрейчук С., Любарев А., Мельконьянц Г., Шадрин Д.* Ответ на попытки ЦИК занизить численность «лишенцев» — граждан России, лишенных пассивного избирательного права. URL: https://www.golosinfo.org/articles/145784.

банках, расположенных за пределами территории РФ, и (или) осуществить отчуждение иностранных финансовых инструментов (требование не касается только выборов муниципальных депутатов и выборов глав поселений). Цензовый характер данного ограничения признается даже его защитниками[8].

Движение «Голос» попыталось оценить число таких «лишенцев». Впрочем, дать точную оценку количества российских граждан, лишенных (пусть и временно) пассивного избирательного права, невозможно из-за отсутствия надлежащей статистики. Тем не менее, приблизительная оценка дала число около 9 млн человек[9].

Доклад этот вызвал негативную реакцию в ЦИК России и у связанных с ЦИК экспертов. В частности, на встрече с Президентом России 3 декабря 2021 года Председатель ЦИК России Э. А. Памфилова заявила: «у нас менее полутора процентов тех, кто не обладает пассивным избирательным правом»[10].

14 декабря 2021 года появился доклад РОИИП (организацию возглавляет член ЦИК России И. Б. Борисов) «Международный опыт допустимого ограничения пассивного избирательного права на парламентских выборах» (авторы доклада не указаны). В нем, в частности, дана собственная оценка числа «лишенцев», но только по части категорий — около 2 млн человек[11]. В ответ движение «Голос» выпустило новый материал, где методика РОИИП была подвергнута критике. С учетом «ценза иностранного имущества» число «лишенцев» было оценено в 10–11 миллионов[12].

8. URL: http://www.cikrf.ru/nablyudatelyam-i-ekspertam/publichnoe-obsuzhdenie/index.php.

9. *Андрейчук С., Мельконьянц Г., Шадрин Д.* «Новые лишенцы»: за что граждан России массово поражают в праве быть избранными на выборах в 2021 году. URL: https://www.golosinfo.org/articles/145272.

10. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/67266.

11. URL: http://www.cikrf.ru/nablyudatelyam-i-ekspertam/publichnoe-obsuzhdenie/index.php.

12. *Андрейчук С., Любарев А., Мельконьянц Г., Шадрин Д.* Ответ на попытки ЦИК занизить численность «лишенцев» — граждан России,

2. Правила допуска кандидатов и партийных списков на выборы

Правила допуска кандидатов и партийных списков на выборы — это огромное количество норм. Собственно говоря, это значительная часть закона о партиях и вся глава Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав…» по выдвижению и регистрации кандидатов. Эти нормы определяют:

- кто имеет право выдвигать кандидатов и списки кандидатов;
- какие требования кандидат или список должны выполнить для регистрации;
- каковы основания для отказа в регистрации.

Первоначально (с 1994 года) право выдвигать кандидатов и списки кандидатов имел широкий круг общественных объединений — для этого в уставе объединения должна была быть запись об его участии в выборах. Право выдвижения кандидатов имели также группы избирателей, плюс было предусмотрено право на самовыдвижение.

В 2002 году произошло формальное сужение круга субъектов выдвижения. Группы избирателей были исключены, но при сохранении права на самовыдвижение такое сужение не играло существенной роли. Право выдвигать кандидатов и списки кандидатов на федеральных и региональных выборах было предоставлено только политическим партиям, но их количество (46 на 2004 год) было вполне достаточным для обеспечения конкуренции. На муниципальных выборах право выдвижения было сохранено и за иными общественными объединениями.

Правда, ситуация тут быстро изменилась. К 2009 году осталось всего семь зарегистрированных политических партий (чему способствовал ряд изменений избирательного и партийного законодательства). И в том же 2009 году непартийные общественные объединения были лишены права выдвигать списки кандидатов на муниципальных выборах (право вы-

лишенных пассивного избирательного права. URL: https://www.golosinfo.org/articles/145784.

двигать кандидатов у них осталось). Впрочем, уже в 2012 году произошла партийная реформа, и число партий резко выросло, но с 2016 года оно стало вновь снижаться.

Что касается требований для регистрации, то в период 1994–1999 годов оно было единым для всех кандидатов и списков — сбор подписей избирателей. Число подписей определялось законом о конкретных выборах, но оно не могло быть больше 2% от числа избирателей соответствующего округа. Во многих регионах требовали 1%, а на выборах в Государственную Думу для федеральных списков необходимо было около 0,2% (200 тыс. подписей).

В 1999 году на некоторых выборах (в том числе выборах в Государственную Думу) появилась возможность регистрироваться на основании избирательного залога. В 2002 году право регистрироваться по залогу было распространено на все выборы, кроме президентских. Это был важный шаг в поддержку электоральной конкуренции, поскольку уже в то время проявились негативные черты института сбора подписей: с одной стороны, фальсификации подписей и иные манипулятивные технологии, с другой стороны, произвол избирательных комиссий при выбраковке подписей, приводящий к снятию с выборов сильных кандидатов.

С 2004 года была введена регистрационная льгота для парламентских партий — для регистрации их кандидатов и списков уже не требовались ни подписи, ни залог. Хотя это привело к неравенству партий, такое неравенство можно было считать оправданным[13]. И данная мера должна была привести к повышению конкуренции на выборах, если бы не одно «но». Это «но» заключается в том, что парламентские партии, освобожденные от подписей и залога, стали осложнять правила регистрации для остальных партий и самовыдвиженцев — своих конкурентов (об этом речь пойдет дальше).

Избирательный залог просуществовал недолго — он был отменен уже в 2009 году. Правила предоставления льгот дважды менялись. В 2012 году от сбора подписей избирателей были

13. См.: *Любарев А.* На пути к реформе законодательства о выборах: позиция экспертов. М.: Издательские решения, 2019. С. 136–140.

освобождены все партии (исключением остались президентские выборы) при том, что число партий резко выросло. Но уже в 2014 году были введены дифференцированные правила. На президентских выборах льготниками остались лишь парламентские партии. На выборах в Государственную Думу льгота была предоставлена всем партиям, допущенным к распределению мандатов на региональных выборах (и в 2016, и в 2021 году таких партий было 14) — эту норму мы считаем близкой к оптимуму. На региональных и муниципальных выборах льготы предоставлялись по результатам предыдущих региональных и муниципальных выборов, и потому в каждом регионе и каждом муниципальном образовании получается свой перечень льготников, но он практически везде уже, чем перечень льготников на думских выборах, что выглядит нелогичным[14].

В 2012 и 2014 годах в разную сторону изменялись и требования к числу подписей. В 2012 году число подписей на региональных и муниципальных выборах (для самовыдвиженцев) было сокращено до 0,5% от числа избирателей округа. На президентских выборах оно было сокращено с 2 млн до 300 тыс. для самовыдвиженцев и 100 тыс. для кандидатов от непарламентских партий. Но в 2014 году для кандидатов, не имеющих льготы, число подписей на региональных выборах в одномандатных округах было поднято сразу до 3%, и такое же требование было введено в одномандатных округах на выборах в Государственную Думу.

Отдельные беспрецедентные требования были установлены в 2012 году для восстановленных губернаторских выборов. Кандидатам от всех партий требуется преодолеть т. н. муниципальный фильтр, собрав подписи муниципальных депутатов и избранных напрямую глав муниципальных образований в количестве от 5 до 10% (конкретные цифры устанавливаются региональным законом). При этом еще отдельно нужно собрать в такой же пропорции подписи депутатов и глав

14. См.: *Любарев А. Е.* Есть ли логика в законодательном регулировании регистрации кандидатов на основании подписей избирателей // Юридические исследования. 2016. № 8. С. 1–8. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.8.18949.

муниципальных образований верхнего уровня (муниципальных районов, муниципальных округов и городских округов), и эти подписи должны охватывать не менее ¾ таких муниципальных образований. Кроме того, депутат может поддержать только одного кандидата, а если он поставил подписи более чем за одного, действительной считается более ранняя подпись.

Право на самовыдвижение на губернаторских выборах устанавливается по желанию региональных законодателей, и в большинстве регионов его нет. Там же, где оно есть, самовыдвиженцам необходимо преодолеть сразу два фильтра — помимо подписей муниципальных депутатов собрать еще и подписи избирателей в количестве от 0,5 до 2% (конкретные цифры устанавливаются региональным законом).

Все эти правила привели к тому, что конкуренция на губернаторских выборах носит чаще всего формальный характер. Главы регионов (или врио глав), неизменно участвующие в таких выборах в качестве кандидатов, имеют возможность подбирать себе соперников по своему усмотрению. И хотя у них, как правило, есть 3–4 соперника, но они обычно довольно слабые.

Большую роль с точки зрения обеспечения конкуренции играют правила, определяющие процедуры выдвижения кандидатов, сбора подписей, их проверки и принятия решений о регистрации. Правда, кроме писанных правил, есть еще сложившаяся практика. Так, до 1997 года в федеральном законодательстве не было четких норм об отказе в регистрации кандидата и списка, но на практике такие отказы случались. Постепенно во второй половине 1990-х годов отказы в регистрации и отмены регистрации сильных кандидатов стали приобретать черты административной избирательной технологии. Этому способствовал появившийся в 1997 году и расширенный в 1999 году широкий и открытый перечень оснований для отказа в регистрации. В 2002 году этот перечень был сужен и стал закрытым, но остановить практику снятия сильных кандидатов уже не удалось[15].

15. См.: *Прибыловский В.* Управляемые выборы: Деградация выборов при Путине // Россия Путина. История болезни. М.: РОО «Центр

Особая роль у правил выбраковки подписей избирателей, поскольку от них зависят возможности регистрации кандидатов по подписям. В первую очередь имеют значения количественные нормы. В 1997–2002 годах допустимая доля брака в подписных листах составляла 15%, в 2002–2005 годах — 25%. В 2005 году эта доля была снижена до 5% на федеральных выборах и до 10% на региональных и муниципальных — это как раз был первый шаг, который парламентские партии, получившие льготу, предприняли для усложнения регистрации своих конкурентов. В 2020 году данная доля была снижена до 5% также на региональных и муниципальных выборах.

Но большую роль играют и основания для выбраковки подписей. Таких оснований в настоящее время, по разным оценкам, более двух или около трех десятков[16]. Многие из них необоснованны. Еще дальше идет практика, превратившая некоторые из оснований в способ осуществления произвола (например, те, по которым заключения дают эксперты-почерковеды)[17]. Это очень ярко проявилось, например, на выборах в Московскую городскую Думу 2019 года, где из-за выбраковки подписей было отказано в регистрации большей части кандидатов от либеральной оппозиции[18]. Однако в 2020 году был введен еще ряд ужесточений, в частности, теперь от избира-

„Панорама“», 2004. С. 6–85; *Любарев А. Е.* Обеспечивает ли российское законодательство свободную конкуренцию на выборах? // Журнал о выборах. 2006. № 2. С. 53–57; *Любарев А. Е.* Препятствия для свободной конкуренции на выборах: законодательство и правоприменительная практика // Российское электоральное обозрение. 2007. № 1. С. 20–28.

16. См.: *Девицкий Э. И.* Дефекты как основание для совершенствования избирательного законодательства // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 1 (11). С. 66–78; *Любарев А. Е.* Регистрация кандидатов и партийных списков: необходима смена парадигмы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 46–52.

17. См.: *Любарев А. Е.* Регистрация кандидатов и партийных списков: необходима смена парадигмы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 46–52.

18. См.: *Любарев А.* Анализ ситуации с подписями отдельных кандидатов // Выборы-2019, которые потрясли Москву. Раздел 5.4. URL: http://votas.ru/book-Moscow/5-4.html.

теля требуют собственноручно вписывать свои фамилию, имя и отчество, что тоже должен проверить почерковед[19].

Все эти изменения привели к тому, что отказать в регистрации по подписям можно любому неугодному кандидату. И в результате на выборах в Государственную Думу и региональных выборах число кандидатов, регистрирующихся по подписям, оказывается ничтожным уже на стадии выдвижения, а после регистрации их остается совсем мало. Например, на выборах в Государственную Думу 2021 года были зарегистрированы всего 11 самовыдвиженцев и ни одного выдвиженца партий, не имевших льготы. На выборах депутатов региональных парламентов 2022 года были зарегистрированы 24 самовыдвиженца и 13 кандидатов от партий, не имевших льготы — на 151 одномандатный округ. На муниципальных выборах, где требуется существенно меньшее число подписей, картина немного лучше.

Помимо выбраковки подписей, действуют и иные основания для отказа в регистрации, связанные с придирками к документам, представляемым кандидатами при выдвижении и для регистрации. Закон требует огромный массив таких документов, и, с учетом низкой правовой культуры российских граждан, в них довольно легко при желании найти те или иные дефекты. При этом почти любые дефекты влекут «высшую меру» в лице отказа в регистрации или отмены регистрации. Однако применяются эти меры избирательно — к представителям оппозиции[20].

3. Избирательные системы

В Российской Федерации используются три типа избирательных систем — мажоритарная (в одномандатных или многомандатных округах), пропорциональная и смешанная несвя-

19. См.: *Любарев А.* К вбросам готовы! Под шумок эпидемии ЦИК и Дума окончательно «зачищают» избирательную систему // Инсайдер. 22.05.2020. URL: https://theins.ru/opinions/220935.

20. См.: *Любарев А. Е.* Регистрация кандидатов и партийных списков: необходима смена парадигмы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 46–52.

занная (параллельная). По нашему мнению, с точки зрения обеспечения конкуренции наилучшей является смешанная система, которая, с одной стороны, позволяет гражданам участвовать в выборах в индивидуальном качестве, а с другой стороны, обеспечивает представительство меньшинств и политическую структуризацию представительного органа. Этот вывод относится как к федеральному и региональному уровню, так и к муниципальным выборам в крупных городах.

Правда, применяемая в России и ряде других стран параллельная система, как и мажоритарная, часто существенно искажает политическое представительство, создавая ситуацию «сфабрикованного большинства». С этой точки зрения лучшей является связанная смешанная система, аналогичная используемой в Германии и Новой Зеландии[21]. Тем не менее, мы отдаем предпочтение параллельной системе как перед чисто мажоритарной, так и перед чисто пропорциональной.

Параллельная система использовалась на выборах в Государственную Думу первых четырех созывов (1993, 1995, 1999 и 2003 годы). Затем дважды (в 2007 и 2011 годах) Дума избиралась полностью по пропорциональной системе, после чего была возвращена параллельная система.

В период 1994–2002 годов федеральное законодательство не ограничивало региональных законодателей в выборе избирательных систем. Однако в регионах отдавали явное предпочтение мажоритарным системам и среди них — системе относительного большинства в одномандатных округах. Это приводило к слабому представительству в региональных парламентах политических партий и доминированию в них «хозяйственников», зависимых от региональных администраций[22].

21. См.: *Любарев А. Е.* Избирательные системы: российский и мировой опыт. М.: РОО «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2016.

22. См.: *Иванченко А. В., Кынев А. В., Любарев А. Е.* Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М.: Аспект Пресс, 2005; *Голосов Г. В.* Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. СПб: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2006.

С осени 2003 года федеральный закон обязал избирать не менее половины регионального парламента по пропорциональной системе. В подавляющем большинстве регионов стала использоваться параллельная система с равным или примерно равным соотношением мажоритарной и пропорциональной частей. Лишь 11 регионов (республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Чечня, Амурская, Калужская, Московская, Тульская области, Санкт-Петербург и Ненецкий АО) в период 2007–2010 годов, подражая федеральному уровню, использовали полностью пропорциональную систему. Уже в 2011 году начался процесс перехода от пропорциональной системы к параллельной, и в течение пяти лет от полностью пропорциональной системы отказались все четыре области, Санкт-Петербург и Ненецкий АО. Правда, в 2014 году на полностью пропорциональную систему перешла Карачаево-Черкесская Республика, а в 2017 году — Республика Серверная Осетия — Алания. Таким образом, полностью пропорциональная система теперь действует только в семи республиках Кавказа и Предкавказья[23].

На муниципальных выборах параллельная и полностью пропорциональная системы начали широко внедряться с 2005 года. При этом они часто использовались в небольших городах и даже сельских поселениях, где не было развитых партийных структур, но не применялись во многих крупных региональных центрах[24]. Лишь в марте 2011 года был принят закон, обязывающий избирать по пропорциональной системе не менее половины депутатов в представительном органе му-

23. См.: *Кынев А.* Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М.: Центр «Панорама», 2009; *Кынев А.* Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. М.: Центр «Панорама», 2014; *Кынев А.* Выборы региональных парламентов в России 2014–2020: Новая департизация и Управляемая партийность 2.0. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2021

24. См.: *Кынев А. В.* «Партийные списки» в беспартийном пространстве: избирательные права граждан и принудительная партизация местных выборов // Российское электоральное обозрение. 2010. № 1. С. 4–19.

ниципального района, городского округа с численностью 20 и более депутатов. Однако это положение просуществовало менее одного избирательного цикла.

В ноябре 2013 года был принят федеральный закон, полностью отменивший требование об использовании пропорциональной системы на муниципальных выборах. Это требование также было отменено для субъектов РФ — городов федерального значения. Для остальных регионов обязательная доля пропорциональной составляющей была снижена с половины до четверти.

Первоначально этой возможностью регионы пользовались не очень широко. В 2014 году на полностью мажоритарную систему перешли Москва и несколько региональных центров. В 2014–2018 годах ни один регион не снизил существенно долю пропорциональной составляющей, и в 2015–2018 годах ни один региональный центр не отказался от параллельной системы. Однако многие городские округа, не являющиеся региональными центрами, и муниципальные районы вернулись к мажоритарной системе.

После не очень удачных для власти выборов 2018 года в течение четырех лет, начиная с 2019 года, 15 регионов снизили пропорциональную составляющую до 25–38%, и 17 региональных центров вернулись к мажоритарной системе (помимо 11, перешедших на нее в 2014 году). Кроме того, в ряде региональных центров пропорциональная составляющая существенно снижена. Это приводит к усилению монополии одной партии. Правда, не всегда в выигрыше оказывается «Единая Россия». Так, в 2019 году в Хабаровском крае, а также в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре доминирующей оказалась ЛДПР, в Тамбове в 2020 году — «Родина». Самыми яркими примерами монополизации стали выборы в Совет народных депутатов г. Владимира 2020 года и в Тверскую городскую Думу 2022 года, в результате которых все мандаты получили кандидаты «Единой России».

4. Политические партии как главные субъекты электоральной конкуренции

Количество политических партий в стране (точнее, организаций, имеющих право участвовать в выборах) безусловно влияет на уровень электоральной конкуренции. Однако такое влияние нельзя считать пропорциональным. Об этом, в частности, свидетельствуют данные о выборах в Государственную Думу, отраженные в таблице 1.

Таблица 1. Связь числа организаций, имеющих право участвовать в выборах в Государственную Думу, с реальной конкуренцией на этих выборах

Год выборов	Число организаций, имевших право участвовать	Число участвовавших организаций*	Число участвовавших списков
1993	91	25	13
1995	273	75	43
1999	139	53	26
2003	64 (44)**	40 (39)**	23
2007	15	11	11
2011	7	7	7
2016	74	14	14
2021	32	14	14

* В том числе в составе избирательного блока и по одномандатным округам.

** В скобках — число политических партий, имевших право участвовать в выборах самостоятельно (остальные только в составе избирательных блоков).

Как видно из таблицы, при большом числе допускаемых на выборы организаций в выборах принимают участие также много организаций, но их доля от общего числа потенциальных участников оказывается небольшой. Когда же число потенциальных участников сократилось до семи, все они приняли

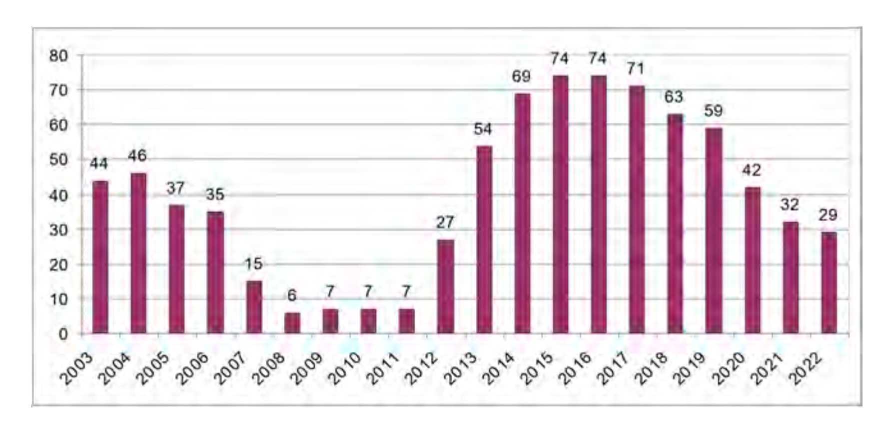

Рис. 1. Динамика числа политических партий, имевших право участвовать в выборах. В 2013–2022 годах данные на июнь, когда стартовали выборы единого сентябрьского дня голосования

участие в выборах. С другой стороны, выборы 2016 и 2021 годов показали, что более чем двукратное сокращение числа партий не привело к снижению числа участников: в данной ситуации оно полностью определялось числом партий, имевших регистрационную льготу.

Число политических партий, имевших право участвовать в выборах, после принятия в 2001 году закона о партиях испытало два подъема, за которыми шел спад (см. рис. 1). Первый подъем завершился в 2004 году, когда требование к числу членов партии было повышено в пять раз (с 10 до 50 тыс.). Второй начался в 2012 году в результате 80-кратного сокращения этого требования (с 40 тыс. до 500 человек) и завершился в 2016 году (в течение короткого периода держался максимум в 75 партий). Далее число партий начало сокращаться, поскольку большая их часть оказалась невостребованной. Резкое сокращение числа партий началось в 2019 году, когда истек семилетний период с их создания, и началась их ликвидация за недостаточное участие в выборах[25].

25. См.: *Любарев А. Е.* Российская партийная система после реформы 2012 года // Электоральная политика. 2020. № 2 (4). С. 1. URL: http://electoralpolitics.org/ru/articles/rossiiskaia-partiinaia-sistema-posle-reformy-2012-goda/.

Таким образом, в период 2013–2019 годов число политических партий, имевших право участвовать в выборах, превышало полсотни. При этом в 2013 году для участия в региональных и муниципальных выборах партиям не надо было собирать подписи избирателей. Тем не менее даже в 2013 году число участников выборов не было столь большим: на выборах региональных парламентов максимум составил 23 списка, а в среднем в этих выборах участвовали 17 списков на регион. На выборах представительных органов региональных центров максимум составил 24 списка, а в среднем также 17 списков на город. Правда, такие высокие показатели были достигнуты благодаря большому числу «пакетных» списков: несколько политтехнологических партий выдвигали сразу в нескольких регионах и городах списки из одних и тех же людей, в основном не имевших отношения к этим регионам[26].

После того как в 2014 году закон стал требовать от большинства партий подписи избирателей, число партий, участвовавших в региональных и муниципальных выборах стало снижаться. Уже в 2014 году среднее число списков на региональных выборах упало до 9, а на выборах в региональных центрах — до 10, и больше уже эти показатели не поднимались выше 10[27].

5. Электоральная конкуренция формальная и реальная

Оценивать уровень электоральной конкуренции можно разными способами. Наиболее простой способ — определить число участвующих в выборах партий (для пропорциональной системы) или среднее число кандидатов на один мандат (для мажоритарной системы). В основном такие данные показательны: они говорят о том, какой выбор есть или был у избирателя.

26. См.: *Кынев А., Любарев А., Максимов А.* Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2014. С. 76–92, 110–111.

27. См.: *Кынев А., Любарев А., Максимов А.* Российские выборы-2017: преемственность и изменение практик между двумя федеральными кампаниями. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2018. С. 497–499.

В то же время такие данные ничего не говорят о качестве выбора. Все же в большинстве случаев можно предполагать, что чем больше кандидатов, тем больше шансов, что среди них есть сильные и популярные. Но такое предположение не работает в системах, которые выстроены так, что сильные кандидаты фильтр не проходят, а слабые его успешно преодолевают. Такой, в частности, является система муниципального фильтра, действующая в неизменном виде с 2012 года на губернаторских выборах. В этой системе искусственным путем создается конкуренция на уровне четыре — пять кандидатов, но большинство кандидатов откровенно слабые, что подтверждается итогами голосования[28]. Другим примером являются выборы в Государственную Думу по одномандатным округам, где без подписей регистрируются слабые кандидаты от десятка партий-льготников, не ведущие кампанию, но отсекаются сильные самовыдвиженцы, от которых требуется собрать подписи 3% избирателей округа[29].

Реальная конкуренция оценивается уже после голосования на основе итогов голосования. Одним из универсальных инструментов является эффективное число партий, ЭЧП (или эффективное число кандидатов, ЭЧК), для оценки которого чаще всего используется индекс Лаақсо-Таагеперы, вычисляемый как единица, деленная на сумму квадратов долей, полученных партиями или кандидатами (от суммарного числа голосов, поданных за все партии или за всех кандидатов).

По нашему мнению, данный индекс хорошо оценивает конкуренцию между партиями при пропорциональной системе. В случае же мажоритарной системы он показывает уровень конкуренции между кандидатами за голоса избирателей, но мало что говорит об их конкуренции за мандат. Уровень конкуренции за мандат при мажоритарной системе в одномандатных округах лучше оценивать с помощью такого простого

28. См.: Там же. С. 483–497.

29. См.: *Кынев А., Любарев А., Максимов А.* Как выбирала Россия — 2016. Результаты мониторинга избирательного процесса. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2017. С. 773–780, 883–884.

показателя, как разность между результатами победителя и его главного соперника[30].

Впрочем, показатели реальной конкуренции зависят не только от количества и качества кандидатов или партий, участвующих в выборах, но в российских условиях доминирования «партии власти» они во многом зависят и от уровня популярности этой партии. Не случайно, например, эти показатели выросли в 2018 году после непопулярной пенсионной реформы. Кроме того, средние данные за год сильно зависят от набора регионов, где проходили выборы, так как в разные годы доля «электорально управляемых» регионов различна.

В таблице 2 приводятся показатели конкуренции для выборов Президента России 1991–2018 годов (для 1996 года — в первом туре). Видно, что наименьшее число кандидатов было в 2008 году, но самые низкие показатели реальной конкуренции оказались в 2018 году.

Таблица 2. Показатели конкуренции для выборов Президента России

Год	Число кандидатов	ЭЧК	Разрыв между первым и вторым
1991	6	2,49	40,4%
1996	10	3,67	3,2%
2000	11	2,55	23,7%
2004	6	1,73	57,6%
2008	4	1,82	52,6%
2012	5	2,19	46,4%
2018	8	1,62	64,9%

На губернаторских выборах интересно сравнить средние данные за несколько периодов — 2001–2005 годы (последний цикл перед их отменой), 2012–2017 годы, 2019–2022 годы и от-

30. См.: *Любарев А.* Занимательная электоральная статистика. М.: Голос консалтинг, 2021. С. 37–40.

дельно за 2018 год, который был в этом плане особенным. Эти данные представлены в таблице 3.

Таблица 3. Сравнение показателей, характеризующих конкурентность, на выборах глав регионов в разные периоды

Показатель	2001–2005	2012–2017	2018	2019–2022
Число избирательных кампаний	75	87	23	57
Число кампаний, где был второй тур	29	1	4	0
Среднее число кандидатов на одну кампанию	6,8	4,5	4,6	4,7
Максимальное число кандидатов в одной кампании	15	7	6	8
Средний разрыв между кандидатами, занявшими 1-е и 2-е места	37,6%	61,2%	46,5%	62,9%
Число кампаний, где разрыв не превышал 15%	18	2	3	0
Среднее эффективное число кандидатов (ЭЧК)	2,5	1,7	2,1	1,7
Максимальное значение ЭЧК	6,4	2,8	3,3	2,8
Доля кампаний, где ЭЧК менее 2	40%	74%	43%	77%

Видно, что абсолютно по всем показателям губернаторские выборы 2012–2022 годов (где использовался муниципальный фильтр) были менее конкурентными, чем аналогичные вы-

боры в последнем цикле перед их отменой. При этом несколько выделяется 2018 год, в котором число реально конкурентных кампаний было больше, чем в предшествовавшие шесть лет и в последующие четыре года. Если же сравнивать периоды 2012–2017 и 2019–2022 годов, то с точки зрения показателя конкуренции за голоса (ЭЧК) они практически одинаковы, но показатели конкуренции за победу (разрыв) в последние четыре года еще хуже, чем в начальный период действия муниципального фильтра. При этом стоит отметить, что показатель формальной конкуренции (среднее число кандидатов) все эти годы практически не менялся, поскольку он достигался искусственными методами.

Самыми конкурентными из выборов в Государственную Думу по пропорциональной системе были выборы 1995 года, где и число списков, и ЭЧП были максимальные (см. таблицу 4). Наименьшее число списков было в 2011 году, но самое низкое значение ЭЧП получилось в 2007 году.

Таблица 4. Показатели конкуренции для выборов в Государственную Думу по пропорциональной системе

Год	Число списков	ЭЧП
1993	13	7,6
1995	43	10,1
1999	26	6,1
2003	23	4,8
2007	11	2,2
2011	7	3,1
2016	14	2,9
2021	14	3,2

Показатели конкуренции на выборах в Государственную Думу по одномандатным округам имеет смысл сравнивать для кампаний 2003, 2016 и 2021 годов. Эти данные представлены в таблице 5. Видно, что среднее число кандидатов на округ во всех трех кампаниях было примерно одинаковым,

но в 2016 году оно было немного большим, чем в двух других. Однако по всем показателям реальной конкуренции выборы 2016 года уступают и 2003 году, и 2021-му. Показатель конкуренции за голоса (ЭЧК) в 2021 году оказался выше, чем в 2003-м, но показатели конкуренции за мандаты (средний разрыв между победителем и основным соперником, число округов с сильной конкуренцией) в 2003 году были лучше.

Таблица 5. Сравнение показателей, характеризующих конкурентность, на выборах в Государственную Думу по одномандатным округам

Показатель	2003	2016	2021
Среднее число кандидатов на округ	8,4	9,0	8,9
Минимальное число кандидатов в округе	2	5	5
Максимальное число кандидатов в округе	23	13	14
Средний результат победителей	41,7%	48,5%	46,8%
Средний разрыв между 1-м и 2-м местом	23,8%	32,7%	27,8%
Число округов, где победители получили более 50% голосов	65	84	79
Число округов, где разрыв между 1-м и 2-м местом был менее 10%	72	16	36
Среднее значение ЭЧК	3,52	3,44	3,73

Для выборов региональных парламентов мы сравним показатели за несколько периодов, которые в основном охватывают электоральный циклы — с декабря 2003 года по апрель 2007 года, с декабря 2007 года по март 2011 года, 2013–2017 и 2018–2022 годы. Отдельно мы выделили декабрь 2011 года и октябрь 2012 года — период, носящий промежуточный ха-

рактер. Эти показатели представлены в таблице 6. Более подробные данные по годам представлены нашей работе[31].

Таблица 6. Сравнение показателей, характеризующих конкурентность, на выборах региональных парламентов в разные периоды

Период	декабрь 2003 — апрель 2007	декабрь 2007 — март 2011	декабрь 2011 — октябрь 2012	2013–2017	2018–2022
Число кампаний	77	63	33	85	84
Минимальное число списков	2	4	3	4	3
Среднее число списков	7,2	4,8	6,5	9,3	7,0
Максимальное число списков	13	9	17	23	11
Минимальное ЭЧП	1,44	1,20	1,18	1,29	1,25
Среднее ЭЧП	3,82	2,48	3,22	2,87	3,44
Максимальное ЭЧП	6,92	3,73	4,36	4,54	5,97

Мы видим, что формальные показатели конкуренции (связанные с числом участвовавших в выборах списков) были наибольшими в период 2013–2017 годов, когда число политических партий было максимальным. Однако показатели реальной конкуренции (связанные с ЭЧП) были самыми высокими в период 2003–2007 годов. Тем не менее, в последний период (2018–2022) показатели реальной конкуренции (среднее и максимальное значения ЭЧП) несколько выросли по сравнению с предыдущим периодом. Это связано не с институциональными факторами, а с изменениями в политической сфере — снижением популярности «Единой России», появлением партии «Новые люди» и рядом аналогичных процессов.

31. См.: *Любарев А.Е.* Российская партийная система после реформы 2012 года.

В целом же уровень электоральной конкуренции в настоящее время ниже, чем в первой половине 2000-х годов.

Electoral legislation and competition in Russian elections. Do the institutions work?

Arkady Lyubarev, PhD in Law, lyubarev@yandex.ru

Abstract: The article considers the provisions of electoral legislation related to electoral competition and their actual impact on the actual competition of political parties and candidates during campaigning and elections. Three relevant sections of the electoral legislation are distinguished: restrictions on passive suffrage; rules for the admission of candidates and candidate lists to elections; and rules governing the use of different electoral systems. Changes in each of these sections over three decades are shown. The article analyses the change in the number of political parties (and, more broadly, the number of organisations eligible to participate in elections) and its correlation with the number of electoral associations actually participating in the State Duma elections. The indicators of formal and real competition and their changes in the federal and regional elections are considered. The conclusion is made that the level of electoral competition at the present time is generally much lower than in the first half of the 2000s.

Keywords: elections, electoral legislation, political parties, passive suffrage, candidate registration, electoral competition, effective number of parties.

Штрихи к портрету врага в российском нормотворчестве 2010–2020 гг. Советские истоки

Екатерина Мишина
Кандидат юридических наук, профессор Свободного Университета (Brīvā Universitāte, Латвия)

Аннотация: В данной статье рассматриваются юридические конструкции, использовавшиеся коммунистическими властями на протяжении 70 лет, а также российским властями в последнее десятилетие, против инакомыслящих и любых – реальных или предполагаемых оппонентов власти. Специально анализируются меры, принятые Россией в 2022 году для защиты так называемых "традиционных ценностей". В частности, речь идет о законах о контроле за деятельностью так называемых «иностранных агентов». Статья предупреждает, что создание государственной идеологии является нарушением конституционной нормы.

Ключевые слова: иностранное влияние, политическая деятельность, иностранные агенты, нежелательные организации, государственная политика, деструктивная идеология, защита традиционных ценностей, военная цензура, уголовные репрессии.

DOI: 10.55167/d3d7aa09677e

Советские истоки

Законодательно закрепленный образ врага — это печально известный и хорошо узнаваемый бренд советского законодательства. Концепция врага была неотъемлемой частью большевистской идеологии первых десятилетий советской власти, когда сначала советская Россия, а затем Советский Союз представлялись как «молодая советская республика в кольце врагов». Концепция эта была весьма удобна для властей: наличие внешних и внутренних врагов оправдывало жесткие меры, эскалацию уголовной репрессии и преследование по политическим мотивам. Термин «враг народа» активно использовался и руководителями страны. Летом 1917 г. за несколько месяцев до большевистской революции Ленин писал, что «Враги народа

Краткий курс истории. Враг народа

для этого класса (*рабочих и полупролетариях — Е.М.*) в XX веке — не монархи, а помещики и капиталисты, как класс»[1].

Уже в первой Конституции РСФСР 1918 года были определены и подробно перечислены враги Республики Советов (как внешние, так и внутренние), а также пути борьбы с ними. Первостепенный и главный враг — это эксплуататоры и буржуазия; данные враги находились и в РСФСР, и за ее пределами. Этих врагов следовало выявлять, беспощадно подавлять[2] и уничтожать, для чего устанавливалась диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства[3]. В условиях диктатуры пролетариата для подавления эксплуататоров отменялась частная собственность и вводилась национализация.

Внешние враги — это в первую очередь империализм; дабы вырвать человечество из его когтей, надлежало растор-

1. *Ленин В. И.* О врагах народа // Правда. № 75, 20 (7) июня 1917. Текст доступен здесь по URL: https://bit.ly/3HNJwWv.

2. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, ст. 3. Текст доступен по URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm.

3. Общие положения Конституции РСФСР, ст. 9.

гнуть тайные договоры, обеспечить массовое братание с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий, добиться «демократического мира трудящихся без аннексий и контрибуций» на основе свободного самоопределения наций и полностью порвать с «варварской политикой буржуазной цивилизации».[4] Еще один внешний враг — это «международный, банковый финансовый капитал», для нанесения удара по которому был принят «советский закон об аннулировании (уничтожении) займов, заключенных правительством царя»[5].

Враги внутренние — это «паразитические слои общества», кои надлежало уничтожать посредством введения всеобщей трудовой повинности[6]. Но одной трудовой повинности для борьбы с внутренним врагом было явно недостаточно. III Всероссийский съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов счел, «что эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти»[7]. Во исполнение решения съезда ст. 65 Конституции подробно регламентировала перечень лишенных права избирать и быть избранных представителей эксплуататорских и не только эксплуататорских классов: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома.

Конституция СССР 1924 г. также неоднократно упоминает врагов. Декларация об образовании СССР (одна из двух составных частей первой общесоюзной Конституции) начинается с характеристики расколотого на два лагеря мира. И если в лагере социализма царят взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожительство и братское сотруд-

4. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, ст. 4 и 5.
5. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, с. 3 (г).
6. Указ. соч. С. 3 (е).
7. Указ.соч. С. 7.

ничество народов, в лагере капитализма национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны[8]. Перечисляя внешнеполитические, экономические и идеологические причины образования СССР, конституционный законодатель отмечает необходимость сплотиться перед лицом врага: «неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание

8. Декларация об образовании СССР 1924 г. Текст доступен по URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm.

единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения»[9].

Уголовный Кодекс РСФСР 1926 г. добавил красок в образ врага, установив, что лицо может быть признано представляющим опасность «по своей прошлой деятельности», в связи с чем к нему могут быть применены «меры социальной защиты судебно — исправительного, медицинского, либо медико — педагогического характера»[10]. Первым в перечне мер социальной защиты судебно-исправительного характера указывалось «объявление врагом трудящихся с лишением гражданства Союза С. С. Р. и обязательным изгнанием из его пределов»[11]. «Совершение преступления лицом, в той или иной мере связанным с принадлежностью в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплуатирующих чужой труд» советский УК 1926 г. квалифицировал как отягчающее обстоятельство[12]. Наиболее тяжкими являлись государственные преступления, именовавшиеся в УК 1926 г. контрреволюционными, в том числе действия в «направлении помощи международной буржуазии» (фрагмент диспозиции ст. 58.1), совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации (ст. 58.8). Положения статьи 58.11 «Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо-секретных должностях при царском строе или у контр-революционных правительств в период гражданской войны» не только расширяли перечень врагов советской власти, но и подтверждали принцип обратной силы уголовного закона. Высшая мера социальной защиты (расстрел) была предусмотрена только за совершение преступлений, направленных против государства.

9. Там же.
10. Ст. 7 УК РСФСР 1926 г.
11. Ст. 20 (а) УК РСФСР 1926 г.
12. Ст. 47 (б) УК РСФСР 1926 г.

В 1930-е годы перечень врагов был расширен; туда были добавлены «люди, покушающиеся на общественную собственность». Совместное постановление ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»[13], более известное как «закон о трех колосках» или «указ 7-8», провозгласило все виды общественной собственности (не только государственную, но также колхозную и кооперативную) священной и неприкосновенной основой советского общественного строя, лица, покушающиеся на общественную собственность были объявлены врагами народа, а борьба с ними была определена в качестве приоритета органов советской власти[14]. Грузы на железнодорожном и водном транспорте, имущество колхозов и кооперативов были приравнены к государственному имуществу, за хищение которого надлежало применять высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества без возможности амнистии. Часть III Постановления приравнивала к государственным преступления, совершаемые «противообщественными кулацко-капиталистическими элементами», т. е. теми, кто не желал обрекать себя на колхозное рабство.

Постановление ЦИК СССР от 8 июня 1934 года «О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене Родине»[15] добавила к перечню врагов изменников Родины. Не обошла вниманием врагов и Конституция СССР 1936 г. — Конституция победившего социализма, провозгласившая, в том числе, капиталистической системы . Статья 131 устанавливала, что

13. Текст доступен по URL: https://bit.ly/3HIsOYN.

14. Совместное постановление ЦИК СССР и Совнаркома СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Преамбула.

15. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=31237#Big2tOTSGzqQ5p2V2.

«лица, покушающиеся на общественную хозяйства и уничтожение эксплуатации человека человеком[16], — также не, социалистическую собственность, являются врагами народа»[17]. В 1930-е годы термин «враг народа» прочно входит в обиход и присутствует повсеместно — от риторики показательных процессов и Краткого курса ВКП(б)[18] до публикаций Вестника Академии Наук СССР.[19]

После начала холодной войны вновь вернулась риторика «мира, расколотого на два лагеря», сохранявшаяся до конца 1980-х. Внутренние враги периода позднего социализма именовались по-разному, и перечень таких врагов подробно регламентировался первой главой Особенной части УК РСФСР 1960 г. «Особо опасные государственные преступления». По-прежнему являлись врагами шпионы (ст. 65), изменники Родины (диспозиция ст. 64 УК РСФСР, перечислявшая признаки данного преступления, в первую очередь указывала «переход на сторону врага»), лица, совершающие террористические акты (ст. 66–67). При этом в сравнении с действующим уголовно-правовым регулированием УК 1960 г. определял теракт весьма узко. Террористическим актом являлось убийство государственного или общественного деятеля или представителя власти, совершенное в связи с его государственной или общественной деятельностью, с целью подрыва либо ослабления советской власти, а также убийство представителя иностранного государства с целью провокации войны либо международных осложнений. Норма общесоюзной Конституции 1936 г., установившая, что врагами народа являются лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, действовала вплоть до вступления в силу новой Конституции СССР 1977 г. Неудиви-

16. Ст. 4 Конституции СССР 1936 г. Текст доступен по URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/bc135384d63245a4e9bbcc133d372822/.

17. Ст. 131 Конституции СССР 1936 г.

18. Текст доступен по URL: http://www.lib.ru/DIALEKTIKA/kr_vkpb.txt.

19. Текст доступен по URL: http://www.ihst.ru/projects/sohist/material/press/vestnik37.htm.

тельно, что на следующий же год после принятия нового УК 1960 г. Указом Президиума ВС СССР от 05.05.1961 «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями»[20] ответственность за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах была ужесточена — вплоть до смертной казни. В том же году Указом Президиума ВС СССР от 01.07.61 «Об усилении уголовной ответственности за нарушения правил о валютных операциях» была установлена смертная казнь за спекуляцию валютными ценностями, совершенную в виде промысла или в особо крупном размере, а также неоднократно[21]. Печально известная расстрельная ст. 88 «Нарушение правил о валютных операциях» изначально расстрельной не была и предусматривала наказание от трех до восьми лет лишения свободы с конфискацией валютных ценностей и ценных бумаг. К новым категориям врагов относились инакомыслящие, чьи идеологические разногласия с советской властью выражались в форме антисоветской агитации и пропаганды (ст. 70), в форме уклонения от исполнения важнейшей конституционной обязанности — честно трудиться (тунеядцы[22]) и т. д.

После распада СССР концепция врага, как внутреннего, так и внешнего, исчезла не только из законодательства, но и из общественно-политического дискурса. Постсоветская Россия 1990-х гг. исповедовала совершенно иные ценности и стремилась к полномасштабной интеграции в мировое сообщество. Ксенофобия и охота на ведьм, казалось, остались в советском прошлом. К сожалению, ко второй декаде XXI века стало оче-

20. Текст Указа доступен по URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1715#0OBkrQTOeHOMbLLK2.

21. См.: *Столетова А. С.* Особенности хищений государственной собственности в РСФСР в 1960–1980 гг. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-hischeniy-gosudarstvennoy-sobstvennosti-v-rsfsr-1960-1980-h-godov/viewer.

22. См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 04 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18642#zTRlrQTGMMJWTaEt.

видно, что не навсегда. Именно в это время в России начался процесс постепенного отхода от демократических ценностей, сопровождавшийся возрождением ксенофобии и ряда наихудших практик советского образца. Вернулась и концепция врага, причем в обновленном варианте.

Постсоветские враги

Изменники Родины

В ноябре 2012 г. с принятием новой редакции статьи 275 УК РФ «Государственная измена» в постсоветском российском законодательстве впервые появляется по-советски обтекаемая и гуттаперчевая концепция врага. Для того, чтобы осознать масштаб катастрофы, достаточно сравнить текст изначальной редакции данной статьи и редакции 2012 г. Санкция осталась неизменной: лишение свободы на срок от двенадцати до двадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет. Но диспозиция статьи изменилась кардинально.

Итак, вот редакция статьи 275 УК РФ до ноября 2012 г.:

> Государственная измена, то есть шпионаж, выдача [государственной тайны] либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, совершенная гражданином Российской Федерации.

Редакция ст. 275 УК РФ 2012 г. выглядит следующим образом:

> Государственная измена, то есть совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям [сведений], составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо

оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

Вот наиболее опасные ловушки этой нормы:

- формулировка «*враждебная деятельность в ущерб внешней безопасности РФ*» заменена на обтекаемую дефиницию «*деятельность, направленная против безопасности Российской Федерации*». Исключение определения «*враждебная*» делает понятие «*деятельность, направленная против безопасности Российской Федерации*» фактически безразмерным;
- очевидно, что по замыслу законодателя новая формулировка включает в себя не только внешнюю, но и внутреннюю безопасность. Четкое и детальное определение обоих понятий в УК отсутствует;
- понятие «*оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации*» ввиду обтекаемости данной формулировки можно применить почти к любому виду деятельности;
- в качестве потенциальных реципиентов сведений, составляющих государственную тайну, а также вышеперечисленных видов помощи, указаны международные организации, Список таких реципиентов становится открытым, и туда может быть по умолчанию включена любая международная организация;
- столь расплывчатая диспозиция ст. 275 УК РФ лишает граждан возможности надлежащим образом выполнять данное законодательное предписание, ибо норма неясна и непонятна (что является нарушением одного из существенных условий правового государства);
- обтекаемость данной нормы создает неограниченные возможности ее произвольного толкования и избирательного применения. На основании положений ст. 275

уголовное дело по обвинению в совершении государственной измены можно возбудить за предоставление практически любых сведений и совершение практически любых действий любым гражданином РФ. Правоприменительная практика последних лет неоднократно доказывала правильность данного вывода; наиболее яркими недавними подтверждениями являются приговор журналисту Ивану Сафронову и возбуждение уголовного дела по данной статье в отношении оппозиционного политика Владимира Кара-Мурзы.

«Иностранные агенты»

Первая группа внутренних врагов обрела законодательное закрепление в 2012 г., когда были приняты поправки в федеральные законы о некоммерческих организациях и общественных объединениях, вернувшие в широкое употребление подзабытый с советских времен термин «иностранный агент». С этого момента согласно новому пункту 6 статьи 2 ФЗ «О НКО» в качестве иностранных агентов стали рассматриваться российские НКО, получающие «денежные средства и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства либо уполномоченных ими лиц и (или) от российских юридических лиц, получающих денежные средства и иное имущество из иностранных источников» и участвующие «в том числе в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории РФ»[23]. Российская официальная пропаганда незамедлительно начала активно продвигать тезис о том, что поправки об иностранных агентов — всего лишь российская версия американского закона об иностранных агентах 1938 г. (US Foreign Agents Registration Act, FARA), несмотря на очевидную разницу между этими актами. Действие FARA в изначальной редакции распространялось именно на агентов, т. е. представителей интересов иностранного государства. Поправки 1966 г. ограничи-

23. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159363/.

ли сферу регулирования FARA лоббистами, действовавшими в интересах зарубежных принципалов, при этом между внутренними и внешними лоббистами был проведен четкий водораздел. Внутренние лоббисты, представлявшие национальные структуры, на тот момент уже 20 лет как пребывали в сфере ведения закона о федеральном регулировании лоббизма (1946).

Согласно законодательной конструкции FARA, «агент иностранного принципала» — это лицо, действующее в качестве агента, представителя, наемного работника, либо иным способом действующее по приказу, поручению, под управлением либо контролем «иностранного принципала». Агент в понимании FARA — это именно агент иностранного принципала, который лично либо опосредованно:

1. участвует от имени иностранного принципала в политической деятельности в целях оказать влияние на должностное лицо правительства США либо на американский народ в сфере, касающейся внутренней либо международной политики США, либо политических или публичных интересов иностранного государства или иностранной политической партии,
2. действует как советник по связям с общественностью, рекламный агент, сотрудник информационной службы либо политический консультант иностранного принципала,
3. просит, собирает, выплачивает или распределяет денежные средства либо иные материальные ценности для, либо в интересах иностранного принципала, либо
4. представляет интересы иностранного принципала в любом ведомстве либо перед любым должностным лицом правительства США[24].

В FARA принципал — ключевое понятие; в понимании FARA нет агента без иностранного принципала — без него вся картинка рушится, и регистрировать в качестве агента некого. А в России очень даже есть кого, и никакого иностранного принципала не надо, и даже действовать в интересах

24. См. URL: https://www.justice.gov/nsd-fara/frequently-asked-questions#1.

иностранного источника необязательно. Главные квалифицирующие признаки — это участие в политической деятельности и получение денежных средств и (или) иного имущества из широкого круга иностранных источников, перечисленных в ст. 2 ФЗ об НКО. В российском законодательстве акцент делается на получении НКО напрямую либо через посредника денежных средств и/или имущества из иностранных источников и участии в политической деятельности, в том числе в интересах иностранных источников[25]. Вот это «в том числе» — ключевое словосочетание. Ибо если такое НКО получает иностранные деньги и участвует в политической деятельности не в интересах иностранных источников, с точки зрения российского закона об НКО оно, тем не менее, рассматривается как организация, выполняющая функции иностранного агента. Именно агента — представителя иностранного государства, «засланного казачка», а не агента в понимании и терминологии ст. 1005 Гражданского Кодекса РФ. Данная статья определяет взаимоотношения между агентом и принципалом, по поручению и за счет которого агент совершает определенные действия. К сожалению, авторы российского законодательства об НКО эту статью Гражданского кодекса, судя по всему, не читали, поэтому в якобы смоделированном по образу и подобию FARA законодательстве об иностранных агентах принципал отсутствует.

Уже самые первые результаты применения новых норм законодательства об иностранных агентах оказались таковы, что в Конституционный суд РФ стали активно поступать жалобы от физических и юридических лиц, в том числе от Уполномоченного по правам человека в РФ. Объединенные в одном производстве, эти жалобы были рассмотрены Конституционным судом, и 8 апреля 2014 года было оглашено Постановление № 10-П[26]. В этом Постановлении КС сформулировал ряд пра-

25. П. 6 ст. 2 ФЗ «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ 1996 г.

26. Постановление КС РФ № 10-П от 08 апреля 2014 г. «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона „О некоммерческих организациях“, части шестой статьи 29 Федерального закона „Об общественных объединениях“ и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

вовых позиций, в которых постарался доказать, что законодательная конструкция «иностранный агент»:

> …не предполагает негативной оценки такой организации со стороны государства, не рассчитана на формирование отрицательного отношения к осуществляемой ею политической деятельности и тем самым не может восприниматься как проявление недоверия или желания дискредитировать такую некоммерческую организацию и (или) цели ее деятельности,
> любые попытки обнаружить в словосочетании «иностранный агент», опираясь на сложившиеся в советский период и, по существу, утратившие свое значение в современных реалиях стереотипы, отрицательные контексты лишены каких-либо конституционно-правовых оснований.
> В условиях, когда Российская Федерация, как это прямо следует из преамбулы Конституции РФ, не мыслит себя вне мирового сообщества, получение российскими НКО, принимающими участие в политической деятельности, иностранного финансирования… само по себе не может ставить под сомнение лояльность таких организаций по отношению к своему государству.
> …Некоммерческие организации (включая общественные объединения), получающие денежные средства и иное имущество от иностранных источников, *вправе участвовать в политической деятельности* на одних и тех же юридических условиях вне зависимости от их отношения к принимаемым органами государственной власти решениям и проводимой ими политике[27].
> Само по себе получение некоммерческой организацией финансирования от иностранных источников и наличие у нее потенциальной возможности заниматься политической деятельностью на территории РФ не являются основанием для признания ее выполняющей функции иностранного агента.

в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда „Костромской центр поддержки общественных инициатив“, граждан Л. Г. Кузьминой, С. М. Смиренского и В. П. Юкечева». Текст Постановления доступен по URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161690/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/.

27. П. 3.1. Постановления КС РФ № 10-П от 08 апреля 2014 г.

Неоднократно подчеркнув полнейшую безобидность понятия «иностранный агент», КС, тем не менее, расширил возможности признания НКО организацией, выполняющей функции иностранного агента. Здесь КС пошел дальше законодателя и осчастливил правоприменителя правовой позицией, вводившей понятие «*намерение участвовать в политической деятельности на территории Российской Федерации с целью оказания влияния на принимаемые государственными органами решения и проводимую ими государственную политику*»[28]. Подтверждением намерений участвовать в политической деятельности на территории РФ могут быть учредительные, программные и иные официальные документы некоммерческой организации (даже если политическая деятельность прямо не указана в качестве одной из уставных целей и задач конкретной НКО), «*публичные выступления ее руководителей (должностных лиц), содержащие призывы к принятию, изменению или отмене тех или иных государственных решений, уведомления о проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования, направленные данной некоммерческой организацией в орган исполнительной власти субъекта РФ или орган местного самоуправления, подготовка и выдвижение законодательных инициатив, а также другие проявления социальной активности, объективно свидетельствующие о ее желании заниматься организацией и проведением политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений и проводимую ими государственную политику*»[29].

Введение понятия «намерение участвовать в политической деятельности» стало не единственным подарком правоприменителю. В п. 3.3 Постановления КС установил, что для того, чтобы быть признанной выполняющей функции иностранного агента, НКО (1) должна быть российской некоммерческой организацией, (2) получать денежные средства и иное имущество от иностранных источников, и (3) «*участвовать в политической деятельности, осуществляемой на территории РФ, т. е. независимо от целей и задач, указанных в ее учредительных документах, участвовать (в том числе путем финансирования) в ор-*

28. П. 3.2. Постановления КС РФ № 10-П от 08 апреля 2014 г.

29. П. 3.2. Постановления КС РФ № 10-П от 08 апреля 2014 г.

ганизации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях. Их формы могут быть самыми разнообразными: помимо собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования политические акции могут выражаться в предвыборной агитации и агитации по вопросам референдума, в публичных обращениях к органам государственной власти, в распространении, в том числе с использованием современных информационных технологий, своих оценок принимаемых государственными органами решений и проводимой ими политики, ***а также в других действиях, исчерпывающее законодательное установление перечня которых невозможно***». Вот эта последняя фраза для правоприменителя поистине бесценна: Конституционный суд же прямым текстом написал, что закрепить в законе исчерпывающий перечень политических акций нельзя, так что правоприменители получили неограниченные возможности решать, что является политической акцией, а что нет.

В том же п. 3.3 Постановления КС определил, что именно к политической деятельности не относится: работа в таких областях, как «*наука, культура, искусство, здравоохранение, профилактика и охрана здоровья граждан, социальная поддержка и защита граждан, защита материнства и детства, социальная поддержка инвалидов, пропаганда здорового образа жизни, физическая культура и спорт, защита растительного и животного мира, благотворительность, а также содействие благотворительности и добровольчество, … даже если она имеет целью воздействие на принимаемые государственными органами решения и проводимую ими государственную политику, но при условии, что эти цели не выходят за пределы (рамки) соответствующей области деятельности*»[30].

Практика применения законодательства об иностранных агентах показала, что даже в случае, когда КС четко установил, что политической деятельностью не является, правоприменитель может данную общеобязательную правовую позицию проигнорировать. Как именно указанная позиция КС учиты-

30. П. 3.3. Постановления КС РФ № 10-П от 08 апреля 2014 г.

валась правоприменителями, мы смогли убедиться уже в следующем году. 25 мая 2015 г. Министерство Юстиции РФ включило фонд Д. Б. Зимина «Династия» в реестр иностранных агентов. Фонд «Династия» стал первым в постсоветской России частным некоммерческим фондом, спонсирующим и активно поддерживающим российскую науку и образование и выполнявшим важнейшую просветительскую миссию. Основной задачей «Династии» являлись поиск и поддержка талантов, идей и проектов в области естественных и общественных наук. Приоритетными направлениями деятельности «Династии» были развитие фундаментальной науки и образования в России, создание условий для работы ученых на родине, популяризация науки и просвещение. Фонд активно поддерживал одаренных школьников, молодых физиков и математиков, учителей, организовывал и финансировал лекции мировых светил науки, вел издательский проект «Библиотека фонда „Династия“». В ответ на решение министерства совет фонда «Династия» принял решение о ликвидации организации, и 31 октября 2015 г. «Династия» прекратила свою деятельность.

Именно в этот момент была пройдена точка невозврата, иллюзии рассеялись, и дальше становилось все хуже. И если сегодня мы заглянем в список НКО, признанных иностранными агентами, мы изумимся тому, сколько в нем организаций, занимающихся наукой, культурой, охраной здоровья граждан, защитой материнства и детства.

В 2017 г. были созданы новые возможности пополнения рядов иностранных агентов[31], и сам термин «иностранный агент» перестал быть предназначенным исключительно для внутреннего употребления. Поправки к законам «Об информации…» и «О СМИ» установили, что иностранные средства массовой информации могут быть признаны СМИ, выполняющими функции иностранного агента. В порядке, установлен-

31. Текст ФЗ от 25.11.2017 № 327-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10-4 и 15-3 Федерального закона „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“ и статью 6 Закона Российской Федерации „О средствах массовой информации“» доступен по URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201711250002?index=4&rangeSize=1.

ном уполномоченным органом исполнительной власти, к таким СМИ применяются нормы ФЗ «О НКО», регулирующие правовой статус НКО, выполняющей функции иностранного агента. В 2019 г. ряды иностранных агентов вновь расширили[32], включив в них физические либо российские юридические лица, распространяющие сообщения и материалы, созданные и (или) распространенные иностранным СМИ-иноагентом и (или) российским юридическим лицом, учрежденным таким СМИ, и (или) участвующие в создании указанных сообщений и материалов при условии получения такими лицами денежных средств и (или) имущества из иностранных источников, иностранных СМИ-иноагентов, российских юридических лиц, получающих деньги и(или) имущество от указанных источников и из иных источников, указанных в ФЗ № 426.

С 30 декабря 2020 г. возможность стать иностранным агентом имеет любое физическое лицо вне зависимости от гражданства: поправки к ФЗ от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» позволили при определенных обстоятельствах признавать иностранными агентами физических лиц, если они а) занимаются политической деятельностью в интересах «иностранных источников», к числу которых относятся иностранные государства, иностранные организации и иностранные граждане, б) осуществляют целенаправленный сбор сведений в области военной и военно-технической деятельности Российской Федерации, в) находятся под «воздействием» иностранного источника.

32. Текст ФЗ от 02.12.2019 № 426-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации „О средствах массовой информации“ и Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“» доступен по URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339109/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/.

Протестующие

Четко обозначившийся в 2010 гг. тренд, включающий борьбу с инакомыслием, «несогласными» и «охоту на ведьм», незамедлительно привел к появлению новых составов преступления в российской Уголовном Кодексе. Первым громким делом стало дело Н. Толоконниковой, М. Алехиной и Е Самуцевич[33], участниц группы Pussy Riot, приговоренных в 2012 г. к двум годам лишения свободы по ст. 213 ч. 2 «Хулиганство» УК РФ за проведение панк-молебна в Храме Христа Спасителя. Если бы поступок был квалифицирован должным образом, Толоконниковой, Алехиной и Самуцевич пришлось заплатить максимум по тысяче рублей штрафа. Именно такая санкция была предусмотрена действовавшей на момент события правонарушения редакцией ч. 2 статьи 5.26 КоАП[34] РФ («Оскорбление религиозных чувств граждан…»).И именно это деяние было совершено Pussy Riot в храме Христа Спасителя, иными словами, имело место административное правонарушение, т. е. противоправное, виновное действие, характеризующееся существенно меньшей степенью общественной опасности, нежели преступление. Но политическая составляющая панк-молебна мотивировала правоприменителей проигнорировать имевшийся в КоАП состав административного правонарушения и применить статью «Хулиганство» УК РФ. Некорректная квалификация, одностороннее и предубежденное исследование доказательств вкупе с заявлением судьи Марины Сыровой о том, что поведение обвиняемых в зале суда должно толковаться как еще одно доказательство их виновности, обеспечили требуемый результат: участницы Pussy Riot были признаны виновными не за то, что они, собственно, сделали, а в лучших традициях ранней советской уголовной юстиции — как социально опасные лица. А уже в следующем 2013 году поправки к ст. 148 УК РФ установ-

33. В результате рассмотрения кассационной жалобы Мосгорсуд приговорил Е. Самуцевич к двум годам лишения свободы условно.

34. Статья 5.26 «Оскорбление религиозных чувств граждан либо осквернение почитаемых ими предметов, знаков и эмблем мировоззренческой символики» КоАП РФ.

вили уголовную ответственность за оскорбление религиозных чувств верующих.

Летом 2014 г. в УК РФ появилась снискавшая печальную известность *статья 212.1 УК РФ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования»*, которую все чаще называют «дадинской статьей»: первым по ст. 212.1 был осужден активист Ильдар Дадин. «Дадинская статья» подверглась резкой критике; многие ее сочли противоречащей Основному закону страны и Европейской конвенции по правам человека. Великий Генри Резник прямо указал на то, статья очевидно неконституционна и что никакая множественность и повторяемость административных правонарушений не дает оснований считать их преступлением, то есть деянием с существенно более высокой степенью общественной опасности. Резник также отметил[35] еще одно вопиющее нарушение: в момент возбуждения уголовного дела в отношении Ильдара Дадина некоторые из решений по административным делам Дадина еще не вступили в законную силу, и, соответственно, обвинение по статье 212.1 УК РФ было предъявлено незаконно.

Те, кто предложил ввести уголовную ответственность за неоднократное нарушение правил организации и проведения митингов, демонстраций и т. п., руководствовались вовсе не соображениями общественной опасности данного деяния, ибо ее попросту нет. Авторы этого законодательного нововведения сочли подобные нарушения угрожающими основам существующего строя — в лучших традициях раннего советского уголовного права[36]. Максимальный срок наказания, предусмотренный санкцией ст. 212.1, — до пяти лет лишения свободы, то есть это преступление средней степени тяжести. Весьма показательно, что такое же максимальное наказание УК РФ предусматривает за убийство двух и более лиц, совершенное в состоянии аффекта (ч. 2 ст. 107 УК РФ). Еще более показатель-

35. Генри Резник о приговоре Ильдару Дадину: «Это оскорбление права». URL: https://novayagazeta.ru/articles/2016/04/01/68036-genri-reznik-8212-o-prigovore-ildaru-dadinu-171-eto-oskorblenie-prava-187.

36. Ст. 5 УК РСФСР 1922 года.

но, что максимальное наказание за истязание без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 117) — до трех лет лишения свободы; таким образом, это преступление небольшой тяжести. Иными словами, с точки зрения российского законодателя XXI века, истязание человека менее опасно для общества, нежели неоднократное нарушение правил организации либо проведения митингов, шествий и демонстраций. И в этом еще одно сходство «дадинской статьи» с нормами раннего советского уголовного права, согласно которым преступления против государства обладали большей общественной опасностью, нежели преступления против личности.

Как и в деле Pussy Riot, для правоохранительных органов главным было не то, что совершил правонарушитель, а сам Дадин как «общественно опасный элемент». Прокурор просил два года лишения свободы для подсудимого, но судья сочла это недостаточным: Дадин был приговорен к трем годам. Наказание, предусмотренное ст. 212.1, открыто нарушает *принцип соразмерности*, который лежит в основе юридической ответственности и обеспечивает справедливость назначаемого наказания. Согласно УК РФ[37], наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Действия, криминализованные «дадинской статьей», не нарушают социальную справедливость: с точки зрения уголовного права, они, будучи совокупностью административных правонарушений, не являются общественно-опасным деянием, так что и задача исправления осужденного на повестке дня не стоит. Включение данной статьи в УК было продиктовано исключительно мотивами политической целесообразности и борьбы с инакомыслием. «Дадинская статья» и практика ее применения — это официальное признание того, что российские законодатели и правоприменители закрепленную в Конституции свободу выражения своих убеждений[38] рассматривают как подрыв основ существующего строя. Что же касается наказания, то как и в феодальные времена, в дан-

37. Ст. 43 Уголовного Кодекса РФ.

38. Ст. 26 и 29 Конституции РФ.

ном случае наказание носит характер устрашения, чтоб другим было неповадно.

«Недружественные страны»

В декабре 2014 г. была предпринята попытка наделить статусом врага целые государства: в Государственную Думу был внесен проект федерального закона РФ *«О введении мер защиты национальной экономики и ограничении деятельности юридических лиц и граждан стран агрессоров на территории РФ»*[39]. Согласно ст. 1 законопроекта, «*для целей настоящего Федерального закона под страной агрессором понимается иностранное государство (объединение иностранных государств), принимающее ограничительные меры (санкции) в отношении РФ, граждан РФ и российских юридических лиц*». Тот факт, что российские парламентарии считают агрессорами страны, которым не нравятся действия России в отношении Украины, вряд ли кого-то удивит. Негоже лилиям прясть, а депутатам Государственной думы читать международные акты, являющиеся частью российской национальной правовой системы в силу части 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации (которую они, кстати, тоже не читают). Это только портит качество законотворческой деятельности, и духовные скрепы от этого ржавеют. Однако подобное отношение ни в коей мере не отменяет общепринятое определение агрессии, содержащееся в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 года[40]: «*агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении*».

Ст. 3 Резолюции определяет, какие именно действия независимо от объявления войны будут квалифицироваться в ка-

39. Текст законопроекта доступен по URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=125940#1PTAVTTirYfEJcWn.

40. Текст Резолюции доступен по URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml.

честве акта агрессии. К их числу относятся, в частности: «*вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы территории другого государства или части ее*» (пункт а),а также: «*засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них*» (пункт g).

Казалось бы, очевидно, что страны, применившие санкции в отношении России, не соответствуют высокому званию агрессора в понимании ООН. Но этот факт никак не помешал автором законопроекта видеть происходящее в кривом зеркале. Согласно ст. 2 , правительству РФ во имя ряда благороднейших целей (от защиты основ конституционного строя до защиты внутреннего рынка и национальной экономики) поручалось утвердить «перечень стран агрессоров в течение 30 дней с даты принятия ограничительных мер (санкций)» (отметим, что с математикой у авторов законопроекта дело обстоит ненамного лучше, чем с международным публичным правом — 30 дней с момента введения первых санкций уже несколько раз истекли). В ст. 3 предлагалось запретить иностранным юридическим лицам, зарегистрированным на территории стран-агрессоров, гражданам таких стран, а также российским юридическим лицам, аффилированным или зависимым от таких иностранных лиц, «*осуществление на территории Российской Федерации деятельность проведению аудита, предоставления юридических и иных консультационных услуг*».

Дальше — больше. В ст. 4, содержавшей дополнение к п. 3 (ст. 5 ФЗ «Об аудиторской деятельности») от 30 декабря 2008 г., предлагалось разрешить проведение обязательного аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности лишь тем организациям, «*которые не имеют среди аффилированных (взаимозависимых) организаций иностранные юридические лица, граждан других государств, лиц с двойным гражданством и лиц без гражданства*». Судя по данной формулировке, авторы законопроекта

не видели разницы между странами, применившими санкции в отношении России, и всеми остальными иностранными государствами. Поэтому для перестраховки предлагалось в сфере обязательного аудита табуировать контакты со всем окружающим миром, а радость проведения обязательного аудита сделать доступной лишь национально чистым структурам, свободным не только от присутствия иностранного элемента, но и от каких-либо связей с ним.

К чести Государственной Думы следует сказать, что в июне 2015 г. законопроект был отклонен[41]. Но слово авторов законопроекта отозвалось спустя несколько лет: в мае 2021 г. Правительство РФ утвердило перечень недружественных государств.[42] Данный перечень стал ответом на «недружественные меры», предпринятые в отношении российских дипломатических и консульских работников и поначалу включал лишь два государства — США и Чехию. Включение страны в данный перечень означало ответные ограничения в дипломатической сфере. 20 июля 2022 г. Правительство РФ «актуализировало перечень иностранных государств, совершающих недружественные действия, направленные против российских дипломатических и консульских представительств за рубежом»[43], издав распоряжение № 1998-р, согласно которому в перечень были включены Греция, Дания, Словения, Хорватия и Словакия.

5 марта 2022 г. распоряжением Правительства РФ № 430-р[44] был утвержден второй перечень, именуемый «Перечень иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении РФ, российских юридических и физических лиц». Второй перечень оказался гораздо подробнее первого и уже к середине июля насчитывал почти 50

41. Постановление ГД ФС РФ № 6820-6 ГД от 09 июня 2015 г. URL: https://duma.consultant.ru/documents/3702683?items=10.

42. Текст Распоряжения Правительства от 13 мая 2021 г. № 1230-р доступен по URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105140026?index=1&rangeSize=1.

43. URL: http://government.ru/news/46080/.

44. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/#dst100008.

государств, в том числе государства — членов Евросоюза, США, Великобританию (включая коронные владения Британской короны и Британские заморские территории), Украину, Японию, Австралию и др.

«Нежелательные организации»

Важной вехой в уточнении образа внешнего врага стало установление в 2015 г. на законодательном уровне возможности признания деятельности иностранной либо международной неправительственной организации нежелательной на территории РФ. Новая ст. 3.1. Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушению основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан РФ»[45] провозглашала : *«Деятельность иностранной или международной неправительственной организации, представляющая угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства, в том числе способствующая либо препятствующая выдвижению кандидатов, списков кандидатов, избранию зарегистрированных кандидатов, выдвижению инициативы проведения референдума и проведению референдума, достижению определенного результата на выборах, референдуме (включая участие в иных формах в избирательных кампаниях, кампаниях референдума, за исключением участия в избирательных кампаниях, кампаниях референдума в качестве иностранных (международных) наблюдателей), может быть признана нежелательной на территории Российской Федерации»*. Таким образом, норма, направленная на воспрепятствование деятельности **неправительственных организаций**, якобы угрожающих **основам конституционного строя, обороноспособности и безопасности России** (а на самом деле попросту неугодных властям), преподносится как элемент борьбы с **нарушениями основополагающих прав и свобод человека и гражданина** — что, впрочем, вполне укладывается в концепцию современной российской про-

45. Федеральный Закон № 272-ФЗ от 28.12.2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/a2a2c3de18de17987c273111214cd45393805c36/.

паганды. Согласно ч. 4 ст. 3.1., решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации деятельности иностранной или международной неправительственной организации принимается Генеральным прокурором РФ или его заместителями по согласованию с МИД РФ. Четкие критерии определения нежелательности деятельности таких организаций на территории России в российском законодательстве отсутствуют, неугодные организации выбираются по политическим мотивам. Соответственно, говорить о виновности, противоправности и общественной опасности осуществления деятельности таких организаций попросту не приходится. Список «нежелательных организаций», который ведет Министерство юстиции РФ, подтверждает тезис о политической мотивированности наделения иностранных и международных неправительственных НПО статусом «нежелательная организация». Первым в этот список был включен The National Endowment for Democracy, затем Open Society Foundation, Atlantic Council, Oxford Russia Fund, Bard College, Journalism Development Network INC, Chatham House, Woodrow Wilson International Center for Scholars и другие организации (уже более 50). 23 января 2023 г. нежелательной в России организацией был признан фонд Андрея Сахарова.

Статус «нежелательной организации» влечет за собой ряд последствий, включая запрет на создание структурных подразделений и прекращение деятельности уже созданных, запрет на распространение информационных материалов, в том числе через СМИ и с использованием Интернета, запрет на осуществление программ и проектов «нежелательной организации» на территории России. Российским гражданам, постоянно проживающим в России апатридам и российским юридическим лицам запрещается участвовать в деятельности «нежелательной организации» за пределами территории РФ. Участие в деятельности нежелательной организации преследуется в административном порядке[46]. Лицо, участвующее в деятельности «нежелательной организации» и ранее подвергнутое админи-

46. Ст. 20.33 КоАП РФ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/4b08575893a0a390203138248547c5e59e7f52b3/.

стративному наказанию за данное правонарушение, подлежит уголовной ответственности на основании ст. 284.1. «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности», включенной в УК РФ в том же 2015 году. Кроме того, ст. 284.1 предусматривает уголовную ответственность за предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для обеспечения деятельности «нежелательной организации», а также за организацию деятельности «нежелательной организации» (данное деяние наказывается лишением свободы сроком до 6 лет и таким образом является тяжким преступлением согласно ст. 15 УК РФ).

Статья 284.1 содержит примечание, устанавливающее, что лицо, совершившее данное преступление, освобождается от уголовной ответственности по этой статье, если оно добровольно прекратило участие в деятельности «нежелательной организации» , либо способствовало пресечению деятельности такой организации, для обеспечения которой оно предоставляло или собирало средства либо оказывало финансовые услуги, и если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления. Примечание это, как показывает дело Андрея Пивоварова, зачастую открыто игнорируется правоприменителями. 31 мая 2021 г. бывший исполнительный директор «Открытой России» Андрей Пивоваров (признанной «нежелательной организацией» в 2017 г.) был снят с борта самолета, уже начавшего движение к взлетной полосе в аэропорту «Пулково». Пивоваров был задержан и обвинен в организации деятельности «нежелательной организации» несмотря на то, что «Открытая Россия» за 4 дня до этого прекратила деятельность на территории России, и Пивоваров более не являлся ее исполнительным директором. 15 июля 2022 г. судья Ленинского районного суда г. Краснодара Наталья Исакова признала Пивоварова виновным и приговорила его к 4 годам колонии и лишению права заниматься общественно-политической деятельностью сроком на 8 лет. 22 ноября 2022 г. апелляционный

суд оставил приговор, вынесенный в отношении Андрея Пивоварова, без изменений.

«Клеветники России»

В 2015 г. в российском законодательстве появился новый вид внутреннего врага — фальсификаторы истории. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 2009 г. Инициатива введения уголовной ответственности за отрицание победы Советского Союза в Великой Отечественной войне принадлежала Министру Обороны РФ, на тот момент являвшимся главой МЧС Сергею Шойгу. На встрече с ветеранами ВОВ в феврале 2009 г. Шойгу заявил о необходимости принятия такого закона, отметив, что это поможет защитить историю, подвиг отцов и дедов[47]. Идею главы МЧС поддержал Генеральный Прокурор РФ Юрий Чайка, и уже в мае 2009-го соответствующий законопроект был внесен в Государственную Думу представителями фракции «Единая Россия» во главе со спикером нижней палаты Б. Грызловым, В. Плигиным и П. Крашенинниковым. Менее чем через неделю после внесения был рассмотрен Советом Государственной думы, после чего все замерло почти на год. Верховный суд РФ дал положительное заключение на законопроект, а вот Правительству законопроект не понравился и вызвал ряд возражений.[48]

Весной 2010 г. в законопроект и сопутствующие документы были внесены изменения и уже во второй половине апреля 2010 года размещены на сайте Государственной Думы. Вот как выглядела первая редакция предлагаемой к включению в УК РФ статьи 354.1: «*Искажение приговора Нюрнбергского трибунала, либо приговоров национальных судов или трибуналов, основанных на приговоре Нюрнбергского трибунала, допущенное с целью полной или частичной реабилитации нацизма и нацистских преступников, либо объявление преступными действий стран-участников антигитлеровской коалиции, а также одобрение, отрицание преступлений нацизма против мира и безопасности человечества, совершен-*

47. См. URL: https://pravo.ru/news/view/8282/.

48. См. URL: https://pravo.ru/news/view/22887/.

ные публично». А это новая редакция: «*Одобрение или отрицание установленных приговором Нюрнбергского трибунала преступлений нацизма против мира и безопасности человечества, совершенные публично*». Диспозиция новой редакции статьи существенно более узкая и представляет собой последнюю часть формулировки, предложенной в первом варианте. Наиболее опасная часть изначальной редакции, а именно «объявление преступными действий стран-участников антигитлеровской коалиции», из новой редакции была исключена.

После этого в течение нескольких лет законопроект тихо дремал в стенах Государственной Думы, ибо российскому законодательному процессу чужд принцип дисконтинуитета. Никаких судьбоносных изменений в статусе законопроекта не происходило, зато приключились интригующие кадровые пертурбации в составе инициаторов законопроекта. В мае-июне 2011 г. свои фамилии с законопроекта сняли такие известные депутаты, как В. Пехтин, О. Морозов, Н. Д. Ковалев, П. Крашенинников и В. Плигин. А в период с 1 по 3 июля 2013 года вообще случилось непонятное: в ряды инициаторов хлынул поток свежих депутатских сил, и состав их пополнился более чем 30 фамилиями. В их числе и спортивные знаменитости — Николай Валуев, Марат Сафин, Ирина Роднина, и даже первая в истории женщина-космонавт Валентина Терешкова.

31 января 2014 года в Москве состоялось заседание Патриотической платформы партии «Единая Россия» на тему «Реабилитация нацизма — это преступление». Подводя итоги заседания, председатель комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Ирина Яровая сообщила, что «законопроект о запрете реабилитации нацизма» доработан до процедуры первого чтения, полностью соответствует нормам международного права, «имеет четкие и однозначные формулировки и не имеет двойственных толкований»[49]. Паспортные данные законопроекта, размещенные на сайте Государственной думы, содержали комментарий, в котором данный документ именовался несколько иначе: «по вопросу

49. Подробнее см.: URL: https://er.ru/activity/news/yarovaya-proekt-zakona-o-zaprete-reabilitacii-nacizma-gotov-k-rassmotreniyu_111506.

установления уголовной ответственности за посягательство на историческую память в отношении событий, имевших место в период Второй мировой войны». Тот факт, что свои подписи с законопроекта сняли юристы, а вместо них поставили спортсмены, вызвал определенное беспокойство. Еще одним предметом беспокойства стало резкое несовпадение диспозиции ст. 354.1, которой предлагали дополнить УК РФ авторы законопроекта, и комментария к законопроекту в его паспортных данных. Одобрение либо отрицание установленных приговором Нюрнбергского трибунала преступлений нацизма — это существенно более узкое понятие, нежели «посягательство на историческую память в отношении событий, имевших место в период Второй мировой войны». Историческая память охватывает действия не только фашистской Германии, но и много кого еще. При этом четкие и исключающие двойное толкование определения понятий «историческая память» и «посягательство на историческую память» отсутствовали.

Опасения, что анонсированный Яровой подготовленный к первому чтению законопроект может и, скорее всего, будет сильно отличаться от размещенной на сайте Думы редакции, датированной апрелем 2010 года, оправдались. В результате в мае 2014 г. в УК РФ появилась статья 354.1 «Реабилитация нацизма»[50], диспозиция которой выглядела следующим образом: «*Отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично*»[51]. Данная итоговая формулировка недвусмысленно свидетельствует о том, что порой замысел законодателя обнаруживается не в тексте законопроекта, а в комментарии к нему.

50. Ст. 354.1 УК РФ 1996.

51. Текст изначальной редакции статьи 354.1 доступен по URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162575/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009.

Практика применения данной статьи показала, что ключевым элементом диспозиции является формулировка : «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенное публично». В большинстве уголовных дел, возбужденных на основании статьи о реабилитации нацизма, обвиняемым инкриминировалось распространение именно таких сведений. Такие дела стали именоваться делами о «фальсификации истории», и количество их неуклонно росло.

2020 год принес дополнительные риски для тех, кто отваживался критически высказываться о ряде событий отечественной истории, ибо защита исторической правды обрела конституционное закрепление. Одна из поправок к Конституции РФ установила, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»[52]. Весьма примечательно, что вскоре после того, как конституционные поправки вступили в силу, в Следственном Комитете РФ решили создать специальное подразделение по расследованию преступлений, связанных с фальсификацией истории. А в апреле 2021 г. в статью «Реабилитация нацизма» были внесены изменения, включавшие (а) совершение деяния группой лиц, группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой, (б) с использованием информационно-коммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», (в) унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично.

Апологетика великого советского прошлого, сакрализация победы Советского Союза в Великой Отечественной войне и «историческая правда» постепенно начали обретать черты государственной идеологии, несмотря на прямой конституционный запрет[53]. Это не первый и далеко не последний пример того, как органы государственной власти РФ нарушают основы

52. Ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ (с поправками 2020 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e04606ob0e8/.

53. Ч. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации.

конституционного строя страны, о защите которых они якобы так пекутся.

Нормотворчество периода «специальной военной операции»

Вторжение в Украину, которое до последнего времени нельзя было называть войной и для обозначения которого в лучших советских традициях использовался эвфемизм «СВО», с неизбежностью породило новые категории врагов и новые нарушения конституционных прав и свобод граждан. 4 марта 2022 г. в УК РФ появилось сразу несколько новых статей, устанавливавших уголовную ответственность за

- призывы к введению мер ограничительного характера в отношении РФ, граждан РФ и российских юридических лиц (ст. 284.2 — до трех лет лишения свободы),
- публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ, исполнении государственными органами РФ своих полномочий (ст. 207.3 — до 15 лет лишения свободы),
- публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности и исполнения государственными органами РФ своих полномочий в указанных целях (ст. 280.3 — до 5 лет лишения свободы)[54].

14 июля 2022 г. была установлена уголовная ответственность за ряд новых преступлений, направленных против интересов Российской Федерации и безопасности страны[55], в том числе

- сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо ино-

54. Положение о государственных органах РФ было включено в ст. 207.3 25 марта 2022 г. и вступило в силу 05 апреля 2022 г.

55. Федеральный Закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421797/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100032.

странной организацией (ст. 275.1 — до 8 лет лишения свободы);

- участие гражданина РФ или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 275 настоящего Кодекса) (ч. 3 ст. 208 — 20 лет лишения свободы со штрафом в размере до 500 000 рублей);
- публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства (ст. 280.4 — до 7 лет лишения свободы со штрафом в размере до 2 500 000 рублей);
- неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (ст. 282.4 — до 4 лет лишения свободы);
- нарушение требований по защите государственной тайны (включая выезд из РФ российского гражданина, допущенного или ранее допускавшегося к государственной тайне, право которого на выезд из РФ заведомо для него ограничено в соответствии с законодательством РФ о государственной тайне) (ст. 283.2 до 7 лет лишения свободы);
- участие в деятельности «нежелательной организации» не только на территории РФ, но и за ее пределами (новая редакция ст. 284.1 — до 6 лет лишения свободы).

Дефиниция шпионажа (ст. 276) была изменена: теперь в данный состав преступления включается «передача, собирание, похищение или хранение в целях передачи противнику сведений, которые могут быть использованы против Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских

формирований и органов Российской Федерации, совершенные в условиях вооруженного конфликта, военных действий или иных действий с применением вооружения и военной техники с участием Российской Федерации». В новой редакции ст. 276 появилось примечание, содержащее определение противника: «Под противником в настоящей статье понимаются иностранное государство, международная либо иностранная организация, противостоящие Российской Федерации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники». Государственная измена (ст. 275) отныне включает и переход на сторону противника. Согласно новому примечанию, под переходом на сторону противника в настоящей статье понимается участие лица в составе непосредственно противостоящих РФ сил (войск) иностранного государства, международной либо иностранной организации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники[56].

Ряд новых изменений в действующее уголовное законодательство был внесен Федеральным законом от 24 сентября 2022 г.[57] Перечень отягчающих обстоятельств был расширен и отныне включает совершение преступления в период мобилизации[58] или военного положения[59], в военное время либо в условиях вооруженного конфликта[60] или ведения боевых действий[61]. Введен ряд новых составов преступлений, связанных с государственными контрактами либо договорами по государственно-

56. Новая редакция ст. 275 доступна по URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/2ca391674eeaa02069722fa3f13cbb41ccee0a95d/.

57. ФЗ от 24.09.2022 № 365-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427325/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100111.

58. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430702/3db4b61b43716fa53e04839fd89bb96efd297432/#dst100012.

59. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219110/1acb7433b0a47853f5ceba9dd7527c75829c28df/#dst100010.

60. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989/7327668c04c0470317b26d354e36cb828a4af319/#dst100016.

61. Ст. 63 УК РФ.

му оборонному заказу: нарушение условий таких контрактов/договоров (статья 201.2, до 10 лет лишения свободы), отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения такого контракта/договора (статья 201.3, до 8 лет лишения свободы), нарушение должностным лицом условий такого контракта/договора (статья 285.5., до 10 лет лишения свободы), отказ или уклонение должностного лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения такого контракта/договора (статья 285.6, до 8 лет лишения свободы со штрафом в размере до 1 млн рублей). Были также ужесточены санкции за ряд преступлений совершенных в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Безусловным порождением «специальной военной операции» стала криминализация таких деяний, как добровольная сдача в плен (статья 352.1., до 10 лет лишения свободы) и мародерство (статья 356.1, до 15 лет лишения свободы).

Проанализированные выше изменения, внесенные в российский УК в 2022 году, демонстрируют усиливающийся тренд поиска врагов как внутри страны, как и ее пределами на фоне агрессивного продвижения новой российской идеологии — «защиты исторической правды». Военная цензура и дальнейшая эскалация уголовной репрессии в отношении, тех, кто не поддерживает официальную версию российского вторжения в Украину, с очевидностью свидетельствуют о том, что Россия становится государством-контрамотом. Когда руководству страны все сложнее предложить свои гражданам прекрасное будущее, оно предлагает им взамен неприкосновенное и агрессивно защищаемое героическое историческое прошлое.

14 июля 2022 г. российский президент подписал[62] Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»[63]. Новый закон расширил понятие «иностранный агент» и определил, какие именно органы,

62. Данный ФЗ вступил в силу 01 декабря 2022 г.

63. Текст закона доступен по URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/10920037006ce70db877e13009b34a2a360b1f19/.

организации и лица не могут быть признаны иностранными агентами. Может быть признано иностранным агентом российское либо иностранное юридическое лицо, общественное либо иное объединение лиц, иностранная структура без образования юридического лица, а также физическое лицо с любым гражданством либо без оного. Закон ввел понятие иностранного влияния — предоставления иностранным источником лицу поддержки и (или) оказания воздействия на лицо, в том числе путем принуждения, убеждения и (или) иными способами[64]. Под иностранным агентом в законе понимается лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее следующие виды деятельности: политическая деятельность, целенаправленный сбор сведений в области военной, военно-технической деятельности РФ, распространение предназначенных для неограниченного круга лиц сообщений и материалов и (или) участие в создании таких сообщений и материалов и др. В отличие от предыдущего регулирования, ФЗ 2022 г. дает детальное и четкое определение политической деятельности (ч. 2 ст. 4), что, к сожалению, нивелируется традиционно расплывчатой формулировкой понятия «иностранный агент», которая позволяет включать в перечень осуществляемых иностранным агентом видов деятельности новые виды. Новый закон в значительной воспроизводит правовую позицию КС РФ[65] о видах деятельности , не относящихся к политической деятельности, добавив к перечисленным КС видам деятельности защиту традиционных ценностей. Что еще более важно, новый закон содержит оговорку, согласно которой указанные в ст. 4.ч. 4. виды деятельности не относятся к политической деятельности, «*если соответствующая деятельность не противоречит национальным интересам Российской Федерации, основам публичного правопорядка Российской Федерации, иным ценностям, защищаемым Консти-*

64. Ст. 2 ч. 1 ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022.

65. Постановление КС РФ № 10-П от 08 апреля 2014 г.

туцией[66] *Российской Федерации*»[67]. Тем самым, устанавливается условная реализация данной нормы, а государство сохраняет за собой право признать политической деятельностью практически любые виды деятельности.

ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» 2022 г. предусматривает ведение Реестра иностранных агентов (ст. 5), а также Единого реестра физических лиц, аффилированных с иностранными агентами (ст. 6). Физическими лицами, аффилированными с иностранными агентами, являются лица, (1) входящие (входившие) в состав органов юридического лица — иностранного агента и (или) являющиеся (являвшееся) его учредителем, членом, участником, руководителем либо работником; (2) входящие (входившие) в состав органов незарегистрированного общественного объединения, иного объединения лиц, иностранной структуры без образования юридического лица — иностранных агентов и (или) являющиеся (являвшиеся) их учредителем, членом, участником, руководителем; (3) осуществляющие (осуществлявшие) политическую деятельность и получающие (получавшие) денежные средства и (или) иное имущество от иностранных агентов, в том числе через посредников, для осуществления политической деятельности[68]. Помимо очевидного вывода о том, что данная категория физических лиц — это кандидаты во внутренние враги, нельзя не оговорить весьма активное использование прошедшего времени в данной статье, что наводит на мысль о придании этой норме обратной силы.

30 ноября 2022 г. Совет Федерации одобрил поправки в действующее законодательство в части совершенствования регулирования статуса иностранного агента. Сделано это было с целью «в превентивном порядке обеспечивать защиту суверенитета Российской Федерации от попыток вмешаться во вну-

66. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2875/.

67. Подробнее см.: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/7088397aede2cef0d1587f1b614fef2b5ebf30c5/#dst100034.

68. Ст. 6 ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022.

тренние дела России извне»[69]. Поправки эти, по словам зампреда Комитета СФ по международным делам А. Климова, внесли «корреспондирующие изменения в отраслевые законы, в том числе в части закрепления ограничений для лиц, признанных иностранными агентами, а также установления особенностей осуществления контроля за их деятельностью»[70]. В переводе с языка российских законодателей это означает ограничение ряда конституционных прав. Так, в частности, запрещается распространение информации, которая содержится «в информационной продукции, произведенной иностранным агентом», среди несовершеннолетних. Такие печатные материалы необходимо «18+», в книжных магазинах, киосках и торговых точках их можно будет распространять только в непрозрачной обертке, а в организациях для детей они будут запрещены. Иностранные агенты не смогут выступать организаторами публичных мероприятий, членами избирательных комиссий с правом решающего голоса, вести преподавательскую деятельность, а также просветительскую деятельность в отношении несовершеннолетних[71]. Граждане, признанные иностранными агентами, не смогут работать на государственной и муниципальной службе, в органах внутренних дел. Статус иноагента будет основанием для увольнения из ФСБ, СК, СВР, ФСИН, а также органов таможни, внутренних дел, противопожарной службы. Традиционно воздерживающиеся от чтения Основного закона страны парламентарии конечно же забыли о существовании конституционной нормы, устанавливающей, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов

69. Подробнее см.: URL: http://www.council.gov.ru/events/news/140337/.

70. Там же.

71. Подробнее см.: URL: http://duma.gov.ru/news/55841/.

других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»[72].

На фоне события последних месяцев 2022 года практически незамеченным осталось утверждение Указом президента РФ от 09.11.2022 № 809[73] «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Проект этого документа был выложен на портале regulation.gov.ru для общественного обсуждения еще в начале года и получил массу критических замечаний и нареканий, которые, судя по содержанию итогового текста, принимать во внимание не стали.

«Основы...» позиционируются как «документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ, определяющий систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета „Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти“ в части, касающейся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Перечень традиционных ценностей широк: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России[74]. Во имя сохранения и укрепления традиционных ценностей формируется государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей — совокупность мер, осуществляемых Президентом РФ и иными органами публичной власти при участии институтов гражданского общества для противодействия социокультурным угрозам националь-

72. Статья 55 ч. 3 Конституции РФ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/1a17ce42ccf66a8cdc73524a84798f90e9f7b63a/.

73. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502.

74. Ст. 5 «Основ...».

ной безопасности РФ в части, касающейся защиты традиционных ценностей[75]. Реализуется эта государственная политика в самых разных сферах — от работы с молодежью, науки и культуры до международного сотрудничества при участии федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, общественной безопасности и другими органами публичной власти.

Часть вторую «Оценка ситуации, основные угрозы и риски для традиционных ценностей, сценарии развития ситуации» лет сто назад назвали бы «Советская Россия в кольце врагов», ибо картина живописуется следующая. Есть Российская Федерация, предпринявшая усилия с целью развития своего духовного потенциала, в результате чего повысилась сплоченность российского народа, а граждане осознали необходимость сохранения и укрепления традиционных ценностей перед лицом глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов (ст. 11). Но обстановка в стране и в мире такова, что для защиты традиционных ценностей требуется принятие неотложных мер. Статья 13 четко инструктирует, что представляет угрозу традиционным ценностям: деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России.

Далее начинает часто упоминаться слово «идеология» и его производные, в частности появляется термин «деструктивная идеология» — система идей и ценностей, чуждых российскому народу и разрушительных для российского общества, которая насаждается посредством оказания идеологического и психологического воздействия на российских граждан. Эта деструктивная идеология включает в себя «культ эгоизма,

75. Ст. 9 «Основ...».

вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» (с. 14). Отмечается, что деятельность публично-правовых образований, организаций и лиц, способствующая распространению деструктивной идеологии, не просто противоречит, представляет объективную угрозу национальным интересам РФ. Подробно перечисляются риски распространения деструктивной идеологии, в том числе и искажение исторической правды, разрушение исторической памяти и подрыв доверия к институтам государства (с. 17). Важная роль в деле сохранения и укрепления традиционных ценностей, пресечения распространения деструктивной идеологии отводится реформам в области образования и воспитания, культуры, науки, средств массовой информации и массовых коммуникаций, которые должны проводиться с учетом исторических традиций и накопленного российским обществом опыта при условии проведения широкого общественного обсуждения. В первом варианте, вынесенном на обсуждение в начале 2022 г., этот пункт выглядел еще лучше: «Реформы в области образования, науки, культуры и информационной деятельности, проводимые без учета национальных традиций и накопленного российским обществом опыта, затрудняют передачу традиционных ценностей от поколения к поколению, облегчают распространение деструктивной идеологии». Но и действующая редакция весьма впечатляющая.

После перечисления основных направлений решения проблем сохранения и укрепления традиционных ценностей указываются позитивный и негативный сценарий развития ситуации. Негативный сценарий возможен в случае отсутствия противодействия распространению деструктивной идеологии, позитивный же сценарий будет реализован при условии системного и последовательного проведения государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (с. 21–22). Перечисленные далее в ч. III цели и задачи

государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (к числу которых отнесены сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории, сбережение исторического опыта формирования традиционных ценностей и их влияния на российскую историю, в том числе на жизнь и творчество выдающихся деятелей России) не оставляют сомнений: данная государственная политика — это новая государственная идеология инкогнито, установленная в обход положений ч. 2 ст. 13 Конституции РФ. Таким образом, утвержденные президентским указом «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» содержат не только уточнения перечня врагов Российской Федерации, но и новую государственную идеологию, устанавливаемую в нарушение одной из основ конституционного строя страны. За совершение подобных действий иностранные или международные неправительственные организации, как известно, попадают в список нежелательных. Но, как нынче модно говорить, «это другое». Есть крылатое латинское выражение *quod licet Jovi, non licet bovi* (что позволено Юпитеру, не позволено быку). В современном контексте оно означает следующее: что позволено органу государственной власти, не дозволено всяким иностранным и международным неправительственным организациям. И в данном случае установление государственной идеологии в обход прямого конституционного запрета будет рассматриваться не как нарушение конституционной нормы, а, напротив, как реализация конституционной обязанности президента по определению основ внутренней и внешней политики (с. 80 ч. 3), обязательная сила которых была подтверждена Конституционным судом РФ.

A hatchet to the portrait of the enemy in Russian rulemaking in 2010-2020

Ekaterina Mishina, PhD in law, professor at Free University (Brīvā Universitāte, Latvia)

Abstract: This article examines the legal concepts used by the Communist authorities for 70 years, and by the Russian authorities in the last decade, against dissenters and any — real or perceived — opponents of the regime. The mea-

sures taken by Russia in 2022 to protect the so-called “traditional values” are addressed in more details. In particular, the author comments on the laws on control over the activities of so-called “foreign agents”. The article warns that establishing of the state ideology is in breach of the constitutional norm.

Keywords: foreign influence, political activities, foreign agents, undesirable organizations, state policy, destructive ideology, protection of traditional values, military censorship, criminal repression.

Это мы — беженцы

Главы из книги

Валерий Панюшкин

ГЛАВА 5
«РУБИКУС» И ДРУГИЕ

> *«Подтверждено уничтожение более 100 националистов и наемников из западных стран в результате высокоточного удара оперативно-тактическим комплексом «Искандер» по штабу обороны в городе Харьков.*
> *Россия продолжает выполнять взятые на себя гуманитарные обязательства по спасению мирных жителей. Несмотря на все трудности и препятствия, создаваемые Киевом, за прошедшие сутки, без участия украинских властей, Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, а также Международного комитета Красного Креста, из опасных районов Украины эвакуированы в Россию 14 168 человек, из них — 891 ребенок».*
> *Официальный телеграм-канал Министерства обороны РФ, 02.04.2022*

Чатик

«У меня заявка на двух стариков в Чернигове. На лодке плыть не хотят. Есть варианты?»

Такой или подобной фразой с 25 февраля 2022 года начинается у Светланы Водолазской каждый день. Проснулась, заглянула в чатик, а там...

«Нет, по Чернигову пока нет ничего, кроме лодки».

Волонтерскую группу «Рубикус» и этот чат Светлана завела случайно. Увидела у друзей в Фейсбуке просьбу помочь беженцам, найти эвакуационный поезд, сообразить, куда ехать, найти кого-то, кто встретит... Стала помогать поначалу советами, втянулась и втянула своих друзей.

«Бесплатный перелет в UK — такое вообще существует? Люди с чемоданами, билеты и так дорогие, а доплата за багаж вдвое дороже билета. И что с такими людьми делать?»

«Сочувствовать. Зачем им вообще в UK? Посмотри, во всех памятках написано, что в UK очень трудно жить без денег».

С разрешения автора «Palladium» продолжает публиковать главы из книги Валерия Панюшкина «Это мы, беженцы», которая выходит в свет в издательстве «Свободного университета».

На самом деле Светлана учительница, или, если хотите, организатор образования. Когда Россия аннексировала Крым, Светлана с мужем уехали. Муж-программист легко нашел работу в Лондоне. Светлана, которая и прежде занималась онлайн-преподаванием, развила свою школу до вселенских масштабов. В том смысле, что у нее учатся дети со всего света. А еще она организует математический детский летний лагерь в Австрии. А еще — фестиваль в немецком городе Гамельне: музыка, занимательные занятия по разным предметам, кружки всяческого рукоделия, общение с соотечественниками на родном языке, чтение русских книжек.

«*Слушайте, а что у нас в Болгарии? Моя заявка там с ребенком в отеле прямо на Солнечном Берегу. Кормят ужасно мало. Говорит, ребенок прямо голодает. Дали на обед два куриных крылышка, а на ужин фасоль и салат. Просит мультиварку, ребенка кормить*».

«*Я нашла в Варне магазин, где продадут мультиварку со скидкой. А еще из Варны пишут вот что. Кормят правда плохо. Государство компенсирует двадцать евро в день, и многие отельеры еще не получили деньги*».

В онлайн-школе, которую организовала Светлана, работает тридцать пять преподавателей. Вот они-то и стали основным костяком «Рубикуса». Довольно быстро присоединились люди, которые возили своих детей на Гамельнский фестиваль или в австрийский математический лагерь. Из Америки, Британии, Германии, Польши, России — человек семьдесят-восемьдесят за несколько дней. И благодаря обширной географии и разнице часовых поясов «Рубикус» работает круглосуточно, без перерывов на сон.

«*Добро пожаловать, Диана. Этот чат создан для тех, кто готов посильно помогать нашей команде с вывозом беженцев из Украины в Европу. Для того, чтобы получить доступ к нашей базе знаний, заполните формуляр…*»

С каждым новым волонтером, вступающим в «Рубикус», Светлана лично проводит собеседование. Спрашивает, где волонтер находится физически, каким временем располагает, насколько стрессоустойчив и так далее. Светлана думала, что волонтерские усилия по эвакуации беженцев понадобятся только в первые дни, максимум недели войны, а потом придут «взрос-

лые» — Красный Крест, Комиссариат ООН по делам беженцев, правительственные организации сопредельных с Украиной стран — придут и всех спасут. Но «взрослые» не пришли, работа волонтеров «Рубикуса» до сих пор крайне востребована, и организация растет.

«*Англичане блин радостно в фейсбук прислали девочку из National Autistic Society и она спрашивает, сколько у нас в штуках аутистов въехало в UK. По-моему, с аутизмом в UK вообще не надо ехать, война раньше кончится, чем им assessment сделают и помощь в школе дадут*».

«*А моя заявка получила визы на взрослых, но не получила на детей. Просто забыла подать на детскую визу. Теперь сидят и ждут*». Заявкой на сленге волонтеров «Рубикуса» называется человек или семья. «*Очень хороший парень в Пшемысле сделал все из Днепра, встретил мою заявку и посадил на автобус*».

Эта фраза в чате, если перевести ее с волонтерского сленга на нормальный язык, значит, что в Пшемысле у «Рубикуса» появился новый волонтер, который толково организовал беженцу или семье беженцев проезд от города Днепр до польской границы, встретил эту семью и отправил дальше. Впрочем, слово «заявка» может значить и буквально — заявление с просьбой о помощи.

«*В Варшаве есть волонтеры, которые помогают с билетами внутри Европы. Раньше они отправляли еще в Канаду и Мексику, но больше не отправляют. Правда, это надо ногами прийти на вокзал, оставить заявку и ждать пару дней. Это финансирует какой-то польский фонд*».

В начале войны основной поток беженцев у «Рубикуса» шел через Польшу и Румынию. К маю больше всего людей стало ехать через Нарву и Таллин — из России. Это беженцы из Мариуполя, Рубежного, Попасной, Харькова — те, кто хотели эвакуироваться на Запад, но вынуждены были эвакуироваться на Восток. Потребовалось время, чтобы у «Рубикуса» и в России появились помощники, готовые собрать деньги и купить билеты в Европу для людей, размещенных в российских центрах приема беженцев. Эти расходы опять не берет на себя никто из «взрослых», ни комиссар ООН по делам беженцев, ни Красный Крест — только волонтеры.

Насколько Светлане известно, никто из «взрослых», ни министерства образования, ни уполномоченные по правам детей, не подумал о том, как будут учиться дети беженцев без знания языков тех стран, в которые приехали. «*У меня две семьи в Финляндии приняли. Правда, там дубак лол и такой язык, что ничего не понятно, но зато встретили как родных и сразу в семьи*».

Светлана полагает, что следующий большой шаг, который надо предпринять «Рубикусу», — это организация школы, одной из многих, где могли бы учиться дети беженцев. Кроме того, Светлана собирается доделать сайт «Рубикуса» и собрать воедино все стипендии и специальные программы, которые предлагают беженцам разные университеты мира. Светлана полагает, что молодым людям тяжелее всего. Маленькие дети выучат язык и освоятся, тинейджеры, не знающие языков, не смогут всерьез продолжить образование ни в этом году, ни в следующем — школа, которую затевает Светлана, в первую очередь для них. За первые пару месяцев работы Светлана поняла — «взрослые» не придут, не спасут и не наладят. Взрослые теперь — мы.

Наладить процессы

«Я готова сделать фантазера для памперсов в Болгарию*».

«*Кого ты готова сделать?*»

«*Лол! Не фантазера, а фандрайзинг, простите*».

Честно говоря, первое время сообщения в чате «Рубикуса», куда меня добавили в самом начале войны, выглядели совершеннейшей смысловой кашей, и даже если кто-то из волонтеров делился с коллегами полезной информацией, то на следующий день ее уже нельзя было найти под грудами новых кейсов, вопросов и просто не очень конструктивной волонтерской болтовни.

«*У меня заявка — специалист по аккумуляторным батареям и системам питания ищет работу, в какую страну лучше ехать?*»

«*Вот есть программа поддержки беженцев города Теруэль, Андорра. Работа в сфере альтернативной энергетики. Заработок от 1100 евро, бесплатный проезд в Испанию, бесплатное проживание до первой зарплаты, питание, медицинское страхование, детям сады, школы, курсы испанского языка*».

Так все сообщения и сыпались в одну кучу, пока к «Рубикусу» не примкнула Рита Винокур, она взяла на себя труд наладить бизнес-процессы.

Рита москвичка, но вышла замуж и жила в Минске. Муж, разумеется, программист (мне кажется, большинство волонтеров «Рубикуса» — программисты, жены программистов или владельцы небольших IT-компаний). После минских протестов 2020 года они решили уехать из Беларуси. Рита говорит — жить в ладу с совестью и в безопасности. Легко нашли работу в Пенсильвании, поселились в маленьком городке, где по карнизам домов бегают белки, а управлять автомобилем надо осторожно, чтобы не задавить переходящего дорогу оленя, обжились — и тут война.

Первую неделю Рита сходила с ума, не могла найти себе места (о, как я ее понимаю, я тоже бегал по стенам, пока не начал собирать материал для этой книги), а на вторую неделю нашла на просторах социальных сетей волонтерскую группу «Рубикус» и предложила Светлане Водолазской свои услуги.

Первым делом Рита принялась строить базу знаний. Теперь, например, информация о том, что город Теруэль, Андорра, предоставляет беженцам работу в сфере альтернативной энергетики, не канет в бесконечном потоке волонтерских разговоров, а будет бережно помещена в соответствующую ячейку гугл-формы, и сведения эти легко будет найти по запросу «работа», или «энергетика», или «Андорра». Кроме сведений о работе, правилах оформления документов и перехода границ, база знаний содержит еще огромные и регулярно обновляемые списки гостеприимцев, водителей и беженцев, которые путешествуют при логистической поддержке «Рубикуса» прямо сейчас и которых удалось вывезти из Украины и устроить в Европе. Всего устроенных на апрель 2022 года — 2000 семей.

Каждый четверг для новых волонтеров Рита проводит инструктаж. Минут сорок учит пользоваться базой знаний, которая стала уже разветвленной и сложной. И еще минут сорок — работать с заявками беженцев. Без этого обязательного инструктажа «Рубикусу» можно сочувствовать и даже участвовать в чате, но дежурным «Рубикуса» стать нельзя, нельзя

получить реальную заявку от реального человека и пытаться помочь ему выехать из Украины.

«*Сегодня (ЧТ 28.04) в 20:00 по украинскому времени состоится ИНСТРУКТАЖ для ВСЕХ желающих*».

«Я была, но послушала бы еще раз. Не совсем разобралась. Можно?*»

«*Для ВСЕХ желающих, велком*».

Главное, чему учит Рита, — не обещать беженцу невозможного. Если не лекция на сорок минут, а в двух словах, то, во-первых, волонтер должен назвать беженцу свое имя, чтобы человек, подавший заявку в «Рубикус», понимал, что с ним говорит кто-то живой, сочувствующий и готовый помогать.

Во-вторых, волонтер должен не разложить перед беженцем все возможности («Рубикус» — не турфирма), а спросить, куда именно и почему человек хочет попасть. Если беженец и сам не знает, куда хочет ехать, то волонтеру следует задать наводящие вопросы — возраст, профессия, состав семьи, наличие или отсутствие животных, — это значительно сузит круг разумных возможностей. Если беженец настаивает на том, чтобы поехать в Варшаву или Берлин, а волонтер знает, что города эти переполнены, то следует честно объяснить это беженцу, сказать: «Я буду искать для вас варианты в Берлине, но надежда крайне невелика, давайте, может быть, попробуем рассмотреть другие города».

Если беженец надеется добраться до места своего будущего размещения на комфортабельной машине с бескорыстным водителем и не является при этом ни стариком, ни инвалидом, ни беременной или многодетной женщиной, то следует объяснить такому беженцу, что существуют автобусы и поезда. Волонтер готов подобрать для беженца подходящие маршруты и прислать расписания, но водителей частных автомобилей хоть и огромный список, однако возят беженцев они в свободное от работы время и их не хватает для тех, кто действительно не способен пользоваться общественным транспортом.

Когда беженец добрался до места, волонтер должен вежливо, сочувственно, но решительно объяснить ему, что заявка закрыта и «Рубикус» снимает с себя ответственность за дальнейшее решение бытовых проблем беженца. «Рубикус» — это

организация, занимающаяся вывозом и размещением беженцев, а не пожизненным их консультированием по любым бытовым вопросам. Разумеется, если что-то пойдет не так, беженец может по старой памяти волонтеру пожаловаться или спросить совета. Разумеется, волонтер может помочь и тут, снабдить беженца памятками о том, как в Германии, например, или в Италии работают магазины (многие люди привыкли к тому, что они круглосуточные) или государственные учреждения (многие люди думают, что в них нужно давать взятки), но злоупотреблять этой помощью не нужно. Лучше передать беженцу сведения о местных волонтерских организациях, пожелать удачи и попрощаться, потому что поток новых беженцев не иссякает.

Сарафанное радио для беженцев работает лучше, чем Гугл. С первых же дней работы в «Рубикусе» Рита заметила, что расписания эвакуационных поездов и автобусов, адреса правозащитных, женских и прочих общественных организаций, помогающих беженцам, — плохо гуглятся. Рита нарочно пробовала вводить запросы «выезд из Украины», «помощь беженцам» и «Рубикус» — результат был почти нулевой. Нашелся Гамельнский фестиваль, австрийская математическая школа, но одну из самых активных организаций, помогающих беженцам, найти сразу не удалось. Рита спрашивала у мужа-программиста, почему это так, но муж только пожимал плечами — непонятно. Надо ли понимать этот так, что Гугл хорош только для общества потребления, а для общества помощи другим людям не подходит?

Праздник неприкаянных

Впрочем, разумному правилу вывозить беженцев, размещать и оставлять следуют не все волонтеры «Рубикуса», многие продолжают заботиться о беженцах и дальше. Для Али Хайтлиной, например, это стало основным занятием. Аля — поэтесса и филолог. С первого дня войны она ведет в Телеграме поэтический дневник, и там в частности про работу «Рубикуса»:

Как будто перед глазами несут картины —
Цветущее дерево. Кадр сменяют танки.
Мы даже во сне продолжаем искать квартиры,

Грузить машины, клянчить гуманитарку.
Работать, встречать, рассказывать, плакать, злиться,
Звонить незнакомым, себя ощущать другими.
Чтоб только не видеть новости, то есть лица,
Точнее остатки — дата, топоним, имя.

Алины стихи в некотором смысле похожи на чат «Рубикуса» — не очень понятны для непосвященных, не прошедших инструктаж Риты Винокур, не имеющих опыта эвакуации беженцев. Зато для своих — крайне узнаваемы, как безошибочно узнаешь в любом уголке земли родной говор. Вот оно — чувство, которое ими всеми движет: невозможность смотреть в глаза беженцам, потребность что-то для них делать, лишь бы не смотреть им в глаза, и днем, и ночью занимать руки и голову организационными делами.

Но Аля еще и филолог, ученая. Ее диссертация — о двуязычных семьях, о детях, которые первыми в совершенстве выучивают языки отца и матери и лучше других помогают родителям на чужбине понимать и быть понятыми. Это главная надежда — дети освоятся и помогут освоиться нам.

Теперь Алина диссертация у Али на глазах воплощается в Мюнхене, на Арнульфштрассе, в центре «Город», где Аля работает. Как описать центр «Город»? Это школа. Или клуб для русскоязычных и двуязычных семей, живущих в Мюнхене. 24 февраля Аля вышла на антивоенную демонстрацию, завела в толпе протестующих множество новых знакомств, и центр «Город» наполнился еще и немецкими студентами и молодежью. Они пришли помогать грузить гуманитарную помощь, палатки, пенки, спальные мешки, еду, воду. Сделали для беженцев сайт-путеводитель по Мюнхену. Переводили документы, искали жилье. Каждый день через центр проходило десять-пятнадцать семей. Всего в первый месяц войны в Баварию приехало пятнадцать тысяч беженцев, из них шесть тысяч в Мюнхен. К апрелю свободных квартир в Мюнхене не осталось, и центр «Город» занялся адаптацией тех беженцев, что уже приехали и поселились.

Арендовали еще один этаж в том здании на Арнульфштрассе, которое «Город» занимает. Устроили инфопоинт, то есть поставили четыре стола и посадили за них четы-

рех волонтеров, которые с утра до ночи отвечают беженцам на всевозможные бытовые вопросы. Настояли на том, чтобы всякое государственное учреждение выделило для волонтеров «Города» *ansprechpartner* — специального чиновника, который готов отвечать на вопросы про свое ведомство и которому всегда в рабочее время можно позвонить на мобильный телефон. Устроили арт-хаб, то есть занятия музыкой, живописью и другими искусствами, которые помогают общаться, осваиваться и превращать свои эмоции в художественные высказывания. Организовали детский сад — вот уж с чем в Баварии плохо, так это с детскими садами! — а без детского сада родители не смогут найти работу да так и будут жить на пособие.

Школа «Города» разрослась до 230 детей, и для них наняли украинских учителей, то есть двойная польза — и дети учатся, и для взрослых работа. А тех учителей, которым работы не нашлось, «Город» стал перенаправлять в школы государственные, где с сентября открываются для украинских беженцев вилькоммен-классы, то есть классы, где можно подучить язык и приспособиться к незнакомой среде.

Наконец, они устроили украинскую ярмарку. Настоящий праздник неприкаянных, с украинской музыкой, украинской едой, сбором пожертвований кто сколько может и — растерянными лицами празднующих.

Пожертвования собирали на лекарства. Лекарства предназначались для особых случаев.

Особый случай

«*У меня две пожилые женщины, у которых девятнадцать кошек и две собаки. Оставлять зверей не хотят, сидят под бомбежками. Тут-то что делать?*»

Подобные случаи Алекс Гуревич из Israel4Ukrain называет особыми, а Света Водолазская из «Рубикуса» — задачами со звездочкой. Кажется, не следовало бы тратить время на сумасшедших кошатниц, которые готовы ради своих кошек рисковать жизнью, но Аня Цимельзон и другие сотрудники «Рубикуса» с опытом воспринимают подобные задачи как вызов. Да-да, пару месяцев работы, и волонтер, занимающийся эвакуацией беженцев, становится настоящим профессионалом

своего дела, отчасти даже красуется перед коллегами, как до войны мальчишки красовались перед девочками и друг перед другом в городских парках, выделывая фокусы на велосипедах или скейтах.

Вывезти двух женщин с девятнадцатью кошками и двумя собаками? Нерешаемая задача? А вот смотрите! Где это? Харьковская область? Находим поблизости приют для бродячих животных, просим у них десять кошачьих переносок (по паре кошек в переноску) и две собачьих. Находим микроавтобус, загружаем в него кошатниц с питомцами, перевозим через границу, находим квартиру, где готовы принять двух женщин с двумя кошками, а остальных животных размещаем неподалеку в приюте, где женщины могут своих питомцев навещать. Бинго! Готовы уже этих беженок везти, но находится вариант лучше — ферма на севере Польши, хозяева готовы принимать беженцев хоть с крупным рогатым скотом — пусть себе живут со всеми своими собаками и кошками.

«*Женщина с детским церебральным параличом, 45 лет, кандидат наук. Ее завалило в подвале. Она перестала ходить и не может себя обслуживать*».

Нерешаемая задача? Сложная, но решаемая. Света Водолазская находит скорую помощь, которая везет женщину до границы Польши. Из Польши другая скорая на пароме везет женщину в Латвию. А в Латвии ее берут в реабилитационный центр для взрослых людей с детским церебральным параличом. Это ж сколько надо было обзвонить реабилитационных центров? Не так уж и много. Света говорит, что нужно иметь идею размещения беженца, с самого начала сформулировать, что ищешь взрослый реабилитационный центр, а не обзванивать всех на свете добрых людей с воплем «помогите». Тогда результативным оказывается примерно каждый четвертый телефонный звонок.

Хотите кейс посложнее?

«*Дарина, вторая ТКМ в Турции, там правительство должно было оплатить, но из-за войны не смогло*».

Эта запись, сделанная в чатике на птичьем языке волонтеров «Рубикуса», нуждается в расшифровке. Жила-была девочка, лет двенадцати, если я не ошибаюсь. Зовут Дари-

на. Заболела лейкозом, раком крови. Чтобы вылечить лейкоз, Дарине требовалась трансплантация костного мозга. Еще до войны правительство Украины оплатило Дарине трансплантацию костного мозга в Турции. Трансплантацию провели, но донорский костный мозг не прижился, так бывает. Трансплантацию собирались делать повторно, в той же турецкой клинике и опять за деньги украинского правительства — а тут война.

Теоретически Дарину можно было вывезти в Германию, оформить на нее беженскую медицинскую страховку, и тогда любая немецкая клиника сделала бы девочке пересадку костного мозга уже за деньги правительства Германии. Но, во-первых, это долго, а во-вторых, у онкологов так не принято. Не принято без особых причин посреди лечения передавать пациента из одной клиники в другую. Но в Турции нет онкологической страховки для иностранцев…

Одним словом, пришлось Светлане Водолазской не только организовывать для Дарины эвакуацию из Украины в Турцию, но еще и собирать среди волонтеров и спонсоров «Рубикуса» деньги, довольно большие, почти 300 тысяч евро, чтобы трансплантацию девочке оплатить. Обычно «Рубикус» деньги не собирает. Но тут — собрал.

Подобный случай был и у Алекса Гуревича из Israel4Ukraine. Пятнадцатилетняя девочка с тяжелой патологией позвоночника, ходить не может, может только сидеть в кресле-каталке. Вот и просидела две недели в подвале в штурмуемых российской армией Сумах.

Чтобы вывезти ее, Алекс звонит — куда бы вы думали? — в министерство здравоохранения Израиля. А там дают скорую помощь, да не простую, а бронированную (Израиль несколько таких поставил для вывоза беженцев из Украины). Эта израильская бронированная скорая помощь везет девочку во Львов.

Дело к ночи. На улице март, холодно. Во Львове почти мирная жизнь, даже некоторые кафе работают. Но тут выясняется, что Алекс серьезно ошибся. Договорился, что девочку пустят провести пару ночей в квартиру, чтобы не спать с больным позвоночником на полу в лагере беженцев. Договорился, но гостеприимцы забыли как-то уточнить, что квартира у них на третьем этаже в доме без лифта — девочку в инвалидном

кресле не втащишь. Зум, Вотсап, Телеграм, Вайбер — в тот вечер Алекс установил рекорд, нашел в переполненном беженцами Львове квартиру для девочки-инвалида на первом этаже за сорок минут. Девочка даже не успела как следует замерзнуть.

Еще один рекорд, уже не временной, а количественный, Алекс установил, когда вывез из Днепра дом престарелых — пятьдесят два старика.

Это был еврейский дом престарелых, но жили в нем и украинцы, и русские. Изначально при знаменитой днепровской синагоге организовали приют для еврейских стариков, но те стали рассказывать о друзьях и соседях, тоже одиноких, с которыми доводилось посидеть во дворе на лавочке и посетовать на тяжелую жизнь. Постепенно приют стал брать и стариков-неевреев тоже, всего подопечных собралось больше полусотни — а тут война.

Заявку в Israel4Ukraine от дома престарелых заполняли и переговоры с Алексом вели две старушки — одна парализованная, другая слепая. Одна могла писать, другая — разговаривать по телефону. Остальные подопечные дома престарелых были еще немощнее, а сестры и нянечки разбежались, кроме двух-трех наиболее самоотверженных. Эти нянечки успевали стариков мыть, но не успевали готовить им еду, да уж и не было еды, и тем более не могли нянечки понять, зачем надо переписываться в смартфоне с каким-то незнакомым евреем из Израиля. Ну, хорошо, евреям, предположим, он поможет, а с неевреями что делать?

На следующий день, тем не менее, еврейская община — добился Алекс, дозвонился, договорился — привезла в дом престарелых еду и воду. Несколько волонтеров принялись стариков кормить. Кормили всех. Не будешь же кормить старика-еврея на глазах у голодного старика-украинца на соседней койке.

Алекс тем временем звонил помощнице миллиардера-еврея, против которого в Украине возбуждено уголовное дело, просил оплатить автобусы, чтобы вывезти стариков из страны. Миллиардер оплатил.

Алекс нашел хоспис в Польше и всех стариков туда перевез.

Рассказывая мне все это, Алекс несколько раз повторяет очевидно неверную мысль. Он говорит, что в мире нет нацио-

нальностей. Я спорю: да как же нет?! Вот же русские ненавидят украинцев, а украинцы русских! Вот же в прошлую войну немцы, евреи, поляки, украинцы, русские — все ненавидели по кругу, все всех.

Но Алекс настаивает — нет в мире никаких национальностей, ни гражданств, ни подданств. Есть человечность, а есть бесчеловечность — больше ничего нет.

Когда он говорит это в третий или четвертый раз, до меня доходит — он говорит о будущем. О мире, который сейчас наступает в огне этой войны. О мире, который надо построить. Мире, который, когда война закончится, — имеет быть.

ГЛАВА 6
НА ВОСТОК

> «*В условиях жесткого противодействия официальных властей Украины с начала проведения специальной военной операции из опасных районов Украины, Донецкой и Луганской народных республик в Россию эвакуировано 419 тыс. 736 чел., из которых 88 тыс. 373 ребенка. Государственную границу Российской Федерации пересекли 49 тыс. 362 ед. личного автомобильного транспорта*».
> *Официальный телеграм-канал Министерства обороны РФ, 25.03.2022*

Цыганская песня

Про Ирину Гриневу с первого взгляда понятно, что она очень хороший человек, добрый, сочувственный. До 24 февраля она была в Воронеже директором Центра комплексной реабилитации инвалидов «Семь ступеней». В этом отдельно стоящем здании на окраине города люди с инвалидностью получали медицинскую помощь, осваивали профессии, которые позволили бы им самостоятельно зарабатывать на хлеб, обучались вождению автомобиля, просто устраивали праздники.

Как только началась война, инвалидов попросили вон, а центр «Семь ступеней» переоборудовали в Пункт временного размещения беженцев — ПВР. И Ирина Гринева это учреждение автоматически возглавила. Потребовались некоторые изменения: в кабинетах и коридорах Центра появились новые

кровати, в столовой — дополнительные столы, а в кабинете Гриневой появился портрет Путина. Похоже, раньше Путина в кабинете не было, зачем в доме инвалидов портрет президента? Но беженцы — дело политическое, и повинуясь то ли негласной разнарядке, то ли управленческому чутью, Гринева портрет приобрела, но на стену над директорским столом вешать не стала, а застенчиво пристроила на тумбочке.

Сюда в Воронеж, как и в Белгородскую область, Ростовскую, Брянскую, да теперь и в остальную Россию едут беженцы из захваченных территорий Украины, те, которые не смогли или не захотели перейти линию фронта и эвакуироваться на запад. Некоторые едут на своих машинах, разбитых и посеченных осколками. Гринева прячет эти машины во дворе: владельцы боятся, что, увидев украинские номера, местные жители примут эти машины за вражеские и добьют окончательно. Или что с территории Украины прокрадутся таинственные диверсанты, посчитают эти машины предательскими и все равно разобьют. Одним словом, Гринева их прячет и пытается договориться с местными владельцами автомастерских, чтобы машины отремонтировали подешевле.

Целыми днями Гринева расхаживает по коридорам своего трехэтажного центра и инспектирует — хорошо ли беженцы устроены, хорошо ли накормлены, получили ли гуманитарную одежду и средства гигиены. Ходить приходится столько, что Гринева даже сменила привычные строгие туфли на каблуке на неформальные кроссовки — иначе ноги к вечеру отваливаются.

А беженцы — лежат. Девяносто семь человек, тридцать восемь мужчин (запрет на их выезд из Украины на захваченных территориях не работает), тридцать четыре женщины, двадцать пять детей, включая семь дошкольников и двух инвалидов, — лежат, то есть нарушают непреложное правило беженца не лежать днем.

Сотрудники центра пытаются увлечь детей какими-то занятиями, рисованием, играми, но дети расползаются и ложатся, глядя в мобильные телефоны. Гринева приглашает в Центр банковских сотрудников и чиновников службы занятости, чтобы оформлять людям счета, пособия и находить работу, но в большинстве случаев эти попытки упираются в недо-

статок каких-нибудь документов, чиновники и клерки уходят, а люди снова ложатся.

Иногда приезжают журналисты, корреспонденты центральных российских телеканалов. Они ведут себя по-хозяйски, как проверяющий офицер вел бы себя на территории проверяемой воинской части. Гринева говорит журналистам, что беженцы устали, шокированы войной, не хотят давать интервью, но репортеры командным голосом сообщают, что имеют приказ от властей интервьюировать — и интервьюируют. Алена Ключка, работавшая в администрации поселка Циркуны под Харьковом, уходит от вопросов. Захарий Б., работавший шофером и научившийся покупать у коллег хлеб без очереди — благодарит, рассказывает, как украинские власти ущемляли его свободу, радуется войне, называет ее освобождением. Но потом оба возвращаются в свои комнаты (по комнате на семью) и ложатся.

Алена хотела бы уехать на запад, но не знает как. У нее даже есть деньги, ощутимые сбережения, но деньги — в гривнах и на карточке Visa. Гривны в России не поменять. Карточки Visa, эмитированные вне России, не принимают. Обещанное российским государством единовременное пособие в десять тысяч рублей (сравните с ежемесячным пособием в пятьсот евро, которое получает беженец в Германии) никому еще не пришло и придет только тогда, когда удастся получить регистрацию и открыть банковский счет. О существовании волонтерских организаций, помогающих с выездом, Алена не знает.

Захарий хочет остаться в России, найти работу, снять квартиру, он полон надежд, но нет ни работы, ни регистрации, ни пособия — все это требует времени.

Одежда есть, еда есть, крыша над головой есть, а перспектив нету. Остается только лежать. Вся система российских пунктов временного размещения беженцев так устроена, чтобы люди безвольно лежали целые дни напролет. Гринева, предыдущая работа которой сводилась к тому, чтобы учить немощных людей самостоятельности и активности, предлагает своим новым подопечным хотя бы сходить погулять в ближайший лес, там хорошо, там весна, свежий воздух, ку-

роротная зона, но люди говорят, что боятся выходить за территорию, и продолжают лежать.

Старики Любовь Александровна и Николай Петрович, у которых начало войны пришлось на день рождения правнучки, лежат в коридоре. Молча. А их внуки и правнучка лежат в комнате рядом. Тоже почти не разговаривают, смотрят в мобильные телефоны.

К цыганке Ире, которая живет с младшим сыном лет шестнадцати, приходят из соседней комнаты старший сын лет двадцати и совсем молоденькая невестка с восьмимесячным внуком. И все располагаются на двух кроватях, кроме которых в комнате помещается только тумбочка.

Иру не надо ни о чем спрашивать, она рассказывает сама, ее рассказ похож на заунывную цыганскую песню или причитания.

«Жили-то мы с младшим в Харцызске, а старший сын в Харькове. Когда в дом прилетел снаряд, мы встали и побежали. На попутках приехали к старшему сыну, он посадил нас в машину, и мы поехали. Доехали только до Волчанска, в Волчанске разбитый мост, бросили машину, перешли пешком по бревнышкам и шли пять часов по полям до Шебекина. А невесточка молодая, не может нести ребенка, несли по очереди. На границе только поняли, что забыли дома документы. Старшего сына с невесточкой и внуком пропустили быстро, ребенка накормили, а нас с младшим сыном без документов пробивали часа три».

Когда Ира говорит, она раскачивается, как будто поет:

«Мне по моему возрасту надо бы вертаться домой. Но как тут повертнешься? Может быть, поедем дальше. Сыновья у меня строители, невесточка тоже рабочая, повар. А я бы орехом торговала, орех — наше цыганское дело. Сыновьям предлагали работу на стройке. Но для такой работы сказали, что надо на год заложить им паспорт. Как же заложить паспорт? Я знаю, как без паспорта, без паспорта не жизнь. Вот мне без паспорта ни пособия не дают, ни счет не открывают».

(Ирина Гринева, к слову сказать, наотрез отрицает, что рекрутеры, приходившие в ее Центр предлагать беженцам работу, могли требовать в залог паспорта. Гринева говорит, что

речь идет всего лишь о том, чтобы отдать паспорт на пару дней, чтобы получить миграционную карту и регистрацию.)

А цыганка Ира продолжает свои причитания:

«Родня у нас в России. Под Краснодаром, под Ставрополем, но мы туда не доедем. Брат у меня там, но не доедем. Мы не в своей, по правде сказать, стране. Вот дали бы нам пособие, купили бы мы билет, приехали бы к брату, или к другому брату, цыгане все братья. Работали бы, торговали бы орехом, купили бы себе дом, хоть сарай, но чтобы был наш. Но нам не дают.

На Сбербанк я пошла. Они со мной говорили. Знали, что не дадут карточку без оригиналов паспорта, но все равно говорили, потому что мы цыгане и с нами можно говорить и ничего не давать. Нормально говорили, хорошо относились, но ничего не давали, а нам нужно свое, а своего ничего нет. И ребенок боится ветра и солнца».

Детский лагерь

По вечерам, когда дети уложены спать, Надежда Ивановна слушает, как воет собака. Ее собака. Но вой своей собаки Надежда Ивановна слушает по телефону. Звонит соседке, соседка, если нет обстрела, берет телефон и собачий корм, отправляется к дому Надежды Ивановны и дает послушать:

— У-у-у-у-у-у-у!

— Ешь, милый, ешь.

— У-у-у-у-у-у-у!

— Ешь, окаянный, что ж ты воешь как по покойнику!

Надежда Ивановна по телефону пытается с собакой поговорить, но собака по телефону не понимает.

Там в городе Стаханов (украинцы называют его Кадиевка) Надежда Ивановна работала директором детского дома. До 2014 года подчинялась министерству образования Украины. С 2014-го, когда при поддержке России Луганская и Донецкая области Украины объявили себя независимыми государствами и началось военное противостояние, детдом стал подчиняться министерству образования так называемой Луганской Народной Республики. Но сирот никто не обижал, ни украинская власть, не сепаратистская. Все восемь лет войны на востоке Украины, с 2014 года до 2022-го, Стаханов никто не бомбил и не

обстреливал. Иногда доносились редкие взрывы и выстрелы, но это, рассказывает Надежда Ивановна, было от Кадиевки довольно далеко, на линии размежевания. Войны практически не было, а если была, то маленькая и неблизко.

За неделю до начала большой войны, 18 февраля 2022 года, в Кадиевку вошли российские войска, а Надежда Ивановна получила от министерства образования два автобуса и приказ эвакуировать детей в Россию. Из персонала детского дома предписывалось взять только женщин. Мужчин — охранника и слесаря — предписывалось оставить.

Это путешествие дети восприняли скорее как развлекательную экскурсию. На российские войска на улицах смотрели с интересом, как с интересом смотрят дети в Москве на репетицию парада. Расселись по автобусам и поехали. Добрались до Ростова, сели в поезд, доехали до Воронежа, из Воронежа опять автобусами — в принадлежащий компании «Российские железные дороги» летний санаторий под городком Лиски.

Ключевое слово «летний», а стоял февраль. Корпуса санатория оказались практически непригодными для жизни. Летние, в один кирпич стены корпусов, щелястые окна, неутепленные двери и канализация, которая замерзла и засорилась, как только ею попытались воспользоваться. Надежда Ивановна — она похожа на шар, на источающий необоснованный оптимизм сгусток энергии — носилась по корпусу, раздавала детям одеяла, следила, чтобы дети были одеты каждый в два свитера. Свитеров не хватало, Надежда Ивановна звонила в воронежские службы социального обеспечения, звонила уполномоченному по правам ребенка, требовала помощи, и помощь наконец пошла.

Первым в Лиски приехал местный пасечник, сгрузил бочку меда и, чтобы дети медом не объелись, вкатил эту бочку в комнату, где живет Надежда Ивановна. Сдвинуть эту бочку с места Надежда Ивановна не может, поэтому каждый вечер, когда наступает время десерта, дети выстраиваются к бочке в очередь и Надежда Ивановна раздает им мед половником.

Потом — аллилуйя! — приехали представители компании, названия которой Надежда Ивановна не запомнила, и привезли тепловые пушки. Пушки установили в коридорах

и возле дверей, здание стало постепенно отогреваться, три дня спустя стало тепло и в спальнях.

Потом приехали строители, починили и утеплили канализацию. Нечистоты в унитазах стали наконец-то нормально уходить в трубы. Надежда Ивановна составила график дежурств, дети и педагоги принялись корпус мыть, так что на пятый день в лагере стало чисто.

А помощь шла теперь уже нескончаемым потоком, не только от государства, но и от частных жертвователей. Везли одежду, почему-то в основном на детей среднего возраста — лет от восьми и до десяти. Получилось так, что первоклашки и второклашки имеют каждый по десятку новых футболок, свитеров, курток, кроссовок и джинсов, а малыши — ничего, и старшеклассники ходят в брюках, спускающихся едва ниже колен, и в куртках, рукава которых едва прикрывают локти.

Надежда Ивановна обмерила всех детей, послала в социальную службу размеры, опять привезли одежду, опять напутали, еще раз привезли, но ничего — через неделю все дети были одеты и стали просить чемоданы, чтобы сложить в них подарки и обновки и вернуться домой.

Домой! Домой!

Привезли столы для пинг-понга. Александр, директор санатория и бывший профессиональный спортсмен, который руководил работами по срочному ремонту и хотел, чтобы дети не мешались под ногами, предложил провести чемпионат по настольному теннису. Научил детей составлять турнирные таблицы и пообещал, что чемпиону будет предоставлено право сразиться в финале с ним, с Александром, с директором, а он, между прочим, мастер спорта.

Детям идея понравилась. Стук пинг-понгового шарика стал в санатории вечным звуковым фоном, дети горячились, спорили, доказывали друг другу с пеной у рта, что шарик не просто улетел в аут, а зацепил краешек стола…

И вот только тут наступило 24 февраля и началась война.

Дети поначалу войны не заметили, а Александр и Надежда Ивановна заметили. Если в первую неделю после эвакуации благотворители и спонсоры просто привозили тепловые пушки, еду, одежду и теннисные столы, то теперь стали пред-

лагать взять детей в семьи. Лагерь, конечно, подлатали, питание наладили, одели детей, устроили в школу, но все равно же ведь это походные условия, все равно ведь дети живут по пять человек в комнате, без домашнего уюта — раздайте. Предлагали усыновить, предлагали взять в семью на время. Александр посчитал, что предложений об усыновлении поступило столько, что раздать в семьи всех детей стахановского детского дома можно было трижды. Но нет, луганская система социального обеспечения не умеет раздавать детей в семьи, тем более в другой стране.

Когда чемпионат по пинг-понгу подошел к концу и пришло время директору играть финальный матч с победителем, когда дети столпились вокруг стола, чтобы наблюдать за историческим поединком, Александр смотрел на них и чуть не плакал — как же так, почему же так устроено, что сирот военного времени нельзя раздать в семьи к добрым и обеспеченным людям? Финальный матч Александр вчистую проиграл — слезы застили глаза и мячика он почти не видел. Выиграв у мастера спорта, мальчик-чемпион сам на себя наложил гандикап — теперь он играет с товарищами в пинг-понг, исключительно сидя на стуле, чтобы ограничить себе свободу движений и уравнять шансы.

Потом в Лиски приехали военные. Предложили чемпиону первому поступить в Суворовское училище. Предлагали и другим. Дети соглашались. В семьи нельзя, а в военное училище можно. И больше никакой надежды в обозримом будущем с чемоданами подарков и обновок вернуться домой.

Надежда Ивановна каждый вечер, разогнав детей по комнатам и убедившись, что дети спят, звонит соседке в Стаханов. Новости такие: в дом Надежды Ивановны попал снаряд, стены почти не пострадали, но стекла выбиты. Сосед затянул окна в доме полиэтиленовой пленкой. На следующий день этого соседа убило шальным осколком. Здание детского дома пока цело. Но охранника и слесаря мобилизовали в армию. Немолодые люди, обоим под шестьдесят, об их судьбе ничего не известно. И еще все время воет собака, которую Надежда Ивановна оставила соседке на попечение.

— У-у-у-у-у-у-у!

— Ешь, милый, ешь.
— У-у-у-у-у-у-у!
— Ешь, окаянный, что ж ты воешь как по покойнику!

Фильтрация

В первые дни войны из Луганска и Харькова беженцы в Россию едут еще свободно. Месяц спустя из Рубежного, Изюма и Мариуполя — уже проходят фильтрацию. Денису Д. из Мариуполя (рассказ о Мариуполе еще впереди) удается вырваться к концу марта. На двух машинах с женой, ребенком, сестрой, ребенком сестры, мужем сестры и собакой они приезжают в Бердянск. Дети больны, но, слава богу, удается найти какой-то санаторий, где организован приют для беженцев, где есть еда, лекарства и врач — за две недели детей подлечивают.

Машины разбиты, ни одного целого колеса, все изрезаны на военных дорогах, но, слава богу, Денис — инженер, работал на вагоностроительном заводе, предусмотрительно взял с собой инструменты. Пока жены лечат детей, мужчинам удается починить машины.

В начале апреля две семьи выезжают в Крым через Чонгар. Хотели бы поехать на Запорожье, на территорию, которую контролирует Украина, но на Запорожье российские войска никого уже не пускают.

Стартуют в шесть утра. Разбили детскую копилку. На последние деньги купили бензин по цене вдесятеро выше, чем была до войны. От Бердянска до приграничного поселка Мостовое — всего 237 километров, но восемнадцать или двадцать (Денис не помнит точно) российских блокпостов. На каждом блокпосту машины останавливают, проверяют документы, тщательно обыскивают и требуют какого-нибудь подарка — хоть что, хоть баночку растворимого кофе, хоть пачку сигарет. Денис не курит, но от волонтеров «Рубикуса» знает, что так будет, поэтому сигаретами и кофе в Бердянске запасся и блокпосты проезжает благополучно.

Перед самой границей — очередь из автомобилей километра на два. Но стоит полевая кухня, военные раздают беженцам еду и миграционные карты. Семья Дениса обедает галетами и гречневой кашей, заполняет миграционные карты и ждет.

В восемь вечера (они уже четырнадцать часов в пути) их очередь наконец подходит. Машины велят полностью разгрузить, вынуть из них все, вплоть до ковриков и запасного колеса. Тщательный обыск, открываются все сумки, перетряхивается вся одежда. Потом тщательная проверка документов. Женщинам и детям документы отдают, а мужчины должны припарковать автомобили и зайти за своими паспортами в здание таможни.

Там в здании — комната, зал примерно шестьдесят квадратных метров. В зале около ста мужчин, все они ждут допроса, некоторые ждут уже сутки. Нет ни еды, ни воды, ни туалета. И отлучиться нельзя, вызвать могут в любую минуту. Вызывают не по очереди, а просто паспорта у русского офицера свалены в коробку, офицер выуживает паспорт наугад, говорит имя, и если никто не отзывается, то паспорт летит в коробку обратно, и бог знает, когда тебя вызовут в следующий раз. Никто не отлучается. Все ждут. Чуть просторнее, чем два человека на квадратный метр. В комнате несколько лавочек. Сидят по очереди.

Говорят, что если выезжаешь автобусами через фильтрационный лагерь, то ждать фильтрации можно две недели. На своей машине лучше, но мало у кого машины уцелели под обстрелами. Говорят, что ночью фильтрация идет быстрее. Денису везет, его вызывают спустя всего лишь три часа, около одиннадцати вечера.

Он входит в комнату, там два следователя. Велят раздеться до трусов. Осматривают на предмет татуировок, характерных для военного синяков (например, нет ли синяка от приклада на правом плече), ищут характерные для солдата мозоли, ожоги, отпечатки ремней. Потом тщательно изучают мобильный телефон. Просматривают все социальные сети, все фотографии, все видео, но волонтеры «Рубикуса» предупреждали Дениса об этом, и Денис подготовился, стер все фотографии, имеющие отношение к войне, а семейные фотографии оставил. Стер из мессенджеров всю сколько-нибудь подозрительную переписку, но оставил интимную переписку с женой. Телефон не выглядит пустым, но выглядит совершенно мирным и не вызывает вопросов. Единственное, что забыл стереть Денис, —

это телефон сервисного центра, в котором обслуживалась его машина. Сервисный центр называется «Ника Азов» и в записной книжке так и значится — Ника Азов.

— Кто эта Ника из «Азова»? — спрашивает следователь, мгновенно вообразив себе снайпершу из батальона «Азов», засевшего в катакомбах завода «Северсталь».

— Это не человек, — отвечает Денис. — Это автосервис.

— Давай позвоним твоей Нике.

— Давайте позвоним.

Номер не отвечает.

— Да посмотрите, — говорит Денис. — У меня на номерах написано «Ника Азов».

Следователь выглядывает в окно, видит машину Дениса и верит. Но все равно принимается забрасывать вопросами.

— Кого ты знаешь из «Азова»?

— Никого.

— Ты видел, как стреляли? Кто стрелял?

— Я не видел.

— Боевиков «Азова» видел?

— Не видел ни разу.

— Знакомые в армии есть?

— Нет никого.

— А в полиции?

— Никого.

— А из «Азова» кого ты знаешь?

— Я же говорил, никого не знаю.

Вопросы повторяются. Каждый вопрос следователь задает раз по пять и все быстрее. Подмешиваются новые вопросы. Служил ли в армии? Почему не служил? Кого знаешь из «Азова»? А из полиции? А из армии? А почему не служил? Заставляли тебя говорить на украинском? А из «Азова» кого знаешь? А из полиции? А из армии? А почему не служил?

Все быстрее и быстрее по кругу, чтобы запутался, сбился — и так сорок минут.

— Да отпустите же меня, да у меня ж дети в машине!

— Ну ладно, иди.

С вожделенным паспортом в руках Денис подходит к машине, и там его ждет последнее испытание. Машина записана

на отца Дениса, Денис ездит по доверенности, написанной от руки. И таможенный офицер знает об этом. Офицер стоит у машины и ждет.

— У тебя машина чужая, ты знаешь?

— Нет, это машина отца, я по доверенности езжу.

— Для пересечения государственной границы нужна нотариально заверенная генеральная доверенность, ты знаешь?

— И что мне теперь делать? У меня дети. Возвращаться? У меня бензина до первой заправки дотянуть, а в Украине бензина нет.

— Твои проблемы.

Разговор длится еще полчаса. Этот таможенный офицер вымогает у Дениса деньги. Сначала намеками, а потом уж и без обиняков — прямо требует. Но денег нет. Денис выворачивает карманы, показывает пустой бумажник, жена Дениса показывает пустой кошелек.

— Ладно, езжайте.

Когда машина Дениса покидает таможенно-пропускной пункт и въезжает в Крым, на часах — три пополуночи. Они в пути двадцать один час. Ребенок спит. У ребенка в кармане курточки в восемь раз сложенная купюра — последние сто долларов, чтобы обменять, заправиться и ехать дальше круговым путем через Славянск-на-Кубани, Ростов, Воронеж, Москву — на Запад.

Маша из Москвы

Денис едет в Керчь, из Керчи — в Славянск-на-Кубани через знаменитый новый мост. На мосту опять останавливают, опять обыскивают, опять задают вопросы, но пропускают, даже не требуя взяток. В Славянске-на-Кубани Денису удается купить российские сим-карты, и с этого момента его уже ведут волонтеры безымянной русской организации, которая сотрудничает с «Рубикусом». Волонтеров координирует Маша Г., переводчица и музыкант. Денис принимает помощь с благодарностью, не подозревая, что жизнь самой Маши тоже летит в тартарары.

В Ростове Дениса встречают рекрутированные Машей волонтеры, снимают квартиру на две ночи, приносят еду и не-

много денег. А самой Маше тем временем звонит переводческое агентство, с которым она сотрудничает. Предлагают переводить эфир телеканала Russia Today. Работа хорошая, высокооплачиваемая, работы много. Но Маша отказывается, она не будет переводить эту бессовестную пропаганду. Ложь о войне, конечно, будет озвучена, но не Машей. В переводческом агентстве недовольны: мало того, что переводчица привередничает, так еще и наличие у нее гражданской позиции как бы подчеркивает тот факт, что само переводческое агентство таковой позиции не имеет. Вероятнее всего, это агентство никогда больше к Маше обращаться не будет, накажет за строптивость. Денис ничего не знает об этом, он спит в ростовской квартире, и жена его спит, и ребенок — наконец-то сытые и мытые.

Сутки спустя Денис заправляет — вот забытое ощущение! — полный бак бензина и везет семью в Воронеж, где их уже ждут новые Машины волонтеры, новая квартира на одну ночь и заботливо приготовленная волонтерами еда. А Маше тем временем звонит ее аккомпаниатор. Маша — джазовая певица, она не может без аккомпаниатора, но аккомпаниатор звонит и говорит, что уезжает, не может больше жить в России, не может видеть букву «Z», намалеванную на общественных зданиях и на муниципальном транспорте. Маша понимает, поддерживает, но отъезд аккомпаниатора означает, что у Маши теперь нет и этой работы, не будет же она петь джаз а капелла. Денис ничего не знает об этом, Денис болтает на кухне в Воронеже с волонтерами и дивится тому, сколько же, оказывается, в России добрых, сочувствующих людей.

На следующий день Денис едет в Москву. Его останавливают на каждом посту ГАИ, проверяют документы, обыскивают, но ничего личного, дорожные полицейские улыбаются даже несколько виновато, дескать, прости, к тебе никаких претензий, просто у нас приказ останавливать машины с украинскими номерами, не обижайся, брат. Денис и не обижается, тем более что в Москве его опять ждут душевные волонтеры, уютная квартира, вкусная еда и деньги на бензин. Волонтеры уговаривают Дениса не ехать напрямую в Латвию, а ехать крюком, через Петербург, в Петербурге пожить, пока не будет готов детальный план его дальнейшего путешествия, но Денис

не понимает, зачем надо давать крюк, когда вот она, Латвия — в восьмистах километрах, в одном дне пути.

— Послушай, не надо ехать в Латвию через Бурачки. В Бурачках плохой пропускной пункт, очень придираются, допрашивают, обыскивают.

— Ну, не больше же придираются, чем в фильтрационном лагере.

— Послушай, лучше ехать через Ивангород. В Питере тысячи квартир для приема беженцев. Поживешь спокойно, все обдумаешь, жилье тебе найдем в Германии, билеты на паром закажем, в Эрмитаж сходишь. И через Ивангород, там не придираются.

Но Дениса страшит перспектива провести в России лишние двое суток и проехать лишнюю тысячу километров на машине с барахлящим стартером. Денис принимает решение ехать через Бурачки, короткой дорогой. И волонтеры больше не спорят. Просто пишут Маше в чатик и рассказывают, что поведут эту заявку (то есть Дениса и его семью) напрямик в Латвию.

На следующий день Маше звонит режиссер кукольного театра, это третье место ее работы. Режиссер говорит, что театр закрывается, большинство артистов уезжают на Запад, в разные страны, так что и там, в эмиграции возобновить спектакли не получится. Маша молчит в телефон — теперь нет и этой работы. Но ничего, думает Маша, ничего, буду петь что-нибудь в клубах, буду петь клезмер, клезмер популярнее джаза, с начала войны публика буквально валом валит на любые концерты, пляшет, кричит, аплодирует, как будто пытаясь забыть, что страна ведет войну. Маша думает, что пусть она лучше в России будет плохо зарабатывать, но делать любимую работу, чем в Европе плохо зарабатывать, но кассиршей в супермаркете или развозчицей пиццы.

Наутро навигатор проводит Дениса буквально под окнами Машиного дома, но Денис не знает об этом. Еще десять часов, и он на пограничном посту Бурачки, а там очередь на двое суток.

— Хотите, — всовывается в окно какой-то человек, — платите десять тысяч, и ваша машина будет десятой в очереди.

Это в Бурачках такой бизнес. Местные жители подрабатывают тем, что занимают очередь, стоят в очереди целыми днями и продают места. Впрочем, десяти тысяч у Дениса все равно нет, на последние деньги он купил зеленую карту, то есть обязательную в Латвии автомобильную страховку, и еще шоколадки детям.

Денис стоит, очередь не двигается. Волонтеры «Рубикуса» выясняют, что неподалеку есть еще один пропускной пункт. Денис едет туда. Там всего восемь машин, можно пройти границу часа за три, учитывая, что опять заставляют все выгрузить, опять обыскивают, допрашивают детей — как зовут маму, как зовут папу, как зовут сестру? Дениса опять заводят в комнату и задают вопросы — знает ли Денис «Азовсталь», знаком ли с кем-то из украинской полиции, из армии, из полка «Азов»… И главный вопрос, разумеется — кто такая Ника Азов? Снайпер?

К ночи Денис с женой, ребенком и семьей сестры добираются, наконец, до латвийского пропускного пункта. Офицер заглядывает в машины:

— Дети спят?

— Спят.

— Не надо, не будите.

Ставят штампы в паспорта, и можно ехать. Волонтеры «Рубикуса» находят семье Дениса дом на одну ночь в Латвии, заказывают билеты на паром из Лиепае в Гамбург, в Гамбурге селят в маленькую, но со всеми удобствами квартиру в многоэтажном доме. Денис получает пособие 1600 евро на семью в месяц, но некоторое время не знает, как потратить эти деньги, потому что каждый день все соседи приносят Денису еду и одежду, по очереди зовут Дениса с семьей на обед и ужин.

О волонтерах, помогавших ему в России, Денис вспоминает с нежностью, рассказывает новым немецким соседям, что русские бывают не только вооруженными жестокими взяточниками, но и самоотверженными помощниками тоже. Про Машу, собравшую этих волонтеров, Денис не рассказывает ничего. Просто не знает о ней.

А Маша остается в России, продолжает помогать беженцам из Украины выезжать через Россию на Запад. Эмигриро-

вать не хочет. Говорит, что пусть лучше в России все эти «патриоты» с буквой «Z» на одежде ненавидят ее за порицание войны, за помощь в эвакуации беженцев на Запад — за то, во что она верит. Пусть лучше так, чем в Европе ее будут ненавидеть за то, что она русская и развязала войну, — за то, в чем она не виновата.

Пособники нацистов

В безымянной российской волонтерской организации, которая сотрудничает с «Рубикусом», работает шестьдесят дежурных, то есть диспетчеров, которые выстраивают беженцам маршрут. Кроме них — сотни волонтеров на всем пути от Таганрога до Петербурга. Предлагаются тысячи бесплатных квартир, в которых можно переночевать, собираются сотни тысяч рублей, чтобы оплачивать беженцам бензин, билеты на поезд и автобус, телефон и еду — и все это анонимно.

Волонтеры не делают ничего незаконного. В России, где запрещено даже произносить слово «война», все же нет закона, который запрещал бы помогать беженцам выезжать на Запад. Тем не менее в волонтерский чат не принимают людей с улицы, принимают только, если кто-то из работающих уже волонтеров приведет знакомого. В чате не называют имен, все выступают под никами, люди не знают друг друга. На всякий случай запрещены любые разговоры на политические или военные темы, говорить можно только про вывоз беженцев — боятся, как бы не попасть под закон о публичной дискредитации армии (до двадцати лет тюрьмы). Одним словом — конспирация.

Несмотря на конспирацию, среди российских волонтеров «Рубикуса» есть уже и те, кто за свою гуманитарную деятельность пострадал. Наиболее показательна судьба волонтеров из Пензы — экономиста Ирины Гурской и юриста Игоря Жулимова.

Под Пензой в поселке Леонидовка есть лагерь беженцев. Украинские власти называют его концентрационным лагерем и утверждают, что беженцев там удерживают насильно. На самом деле нет. На самом деле в Леонидовке казарма, вернее целый поселок, состоящий из казарм с красными крышами. Несколько лет назад тут жили солдаты, которые занимались

ликвидацией химического оружия. Потом оружие уничтожили или получше спрятали — и казармы опустели.

В апреле 2022 года в леонидовские казармы заселили почти полторы тысячи беженцев, в основном из Мариуполя. Насильно никто их не удерживал. Примерно треть беженцев довольны условиями жизни в Леонидовке, говорили, что, судя по переписке с друзьями и родственниками, уехавшими на Запад, пензенские казармы комфортнее польских торговых центров или немецких спортивных залов, где ночью приходится спать на полу, а днем вообще военные убирают лежанки. В Леонидовке можно лежать хоть целый день.

Еще две трети хотели бы уехать, но деньги у них в гривнах, а бесплатного проезда в общественном транспорте для беженцев в России нет. Никто не держит, но уехать нельзя. Люди выражали недовольство, но не бунтовали. Пензенский священник отец Владимир Кэтанэ надеялся, что благодаря гуманитарной помощи и миролюбивым проповедям удастся отучить беженцев разговаривать в терминах «вы на нас напали, а теперь еще и не даете уехать», но проповеди не помогли, недовольство росло.

Тогда Ирина Гурская и Игорь Жулимов принялись собирать в интернете пожертвования, покупать железнодорожные билеты и отправлять людей через Петербург в Нарву, где беженцев подхватывали и вели дальше по Европе волонтеры «Рубикуса». Ничего противозаконного. Тем не менее провластные телеграм-каналы в Пензе называли Гурскую и Жулимова «британскими грантососами», которые «следуют бандеровским методичкам» и «поддерживают фейки о российских концлагерях».

На дверях квартиры Игоря Жулимова неизвестные написали синей и желтой краской «Здесь живет укр нацист». Та же надпись появилась и на дверях квартиры Ирины Гурской. На следующий день неизвестные прокололи колеса автомобиля Игоря Жулимова, а Ирину Гурскую задержала полиция, якобы по анонимному доносу. Почти сутки Гурскую допрашивали, но не в отделении полиции, а на частной квартире и люди в штатском.

Допрос в основном заключался в том, что люди в штатском потрошили телефон Гурской и дознавались, кто все эти люди, с которыми Гурская переписывается о судьбах беженцев.

Хорошо, что многих волонтеров Гурская действительно не знала лично — только ники. Через сутки Гурскую отпустили, но документы, включая паспорт, так и не вернули.

Жулимов написал в социальных сетях, что сворачивает деятельность по эвакуации беженцев на Запад, потому что «дело приняло слишком серьезный оборот».

Гурскую друзья перевезли в Москву и спрятали. Международная правозащитная группа «Агора» помогла Гурской оформить новые документы, заочно получить визы одной из европейских стран и покинуть Россию тайным путем — есть такой способ.

Всего Жулимов и Гурская успели вывезти из Леонидовки тридцать восемь беженцев. Тридцать восемь из полутора тысяч. Эти тридцать восемь человек сформировали, однако, традицию. Проезжая через Петербург, где беженцы обычно задерживаются на пару дней, надо пойти на набережную Невы и сфотографироваться на фоне крейсера «Аврора». А когда пересечешь границу, когда окажешься в Эстонии, надо выложить эту фотографию в социальных сетях и подписать: «Русский военный корабль, иди на хуй!»

Университетская жизнь

Хроники Свободного университета

Часть 5. Война

Елена Лукьянова
Доктор юридических наук, профессор Свободного университета (Brīvā Universitāte, Латвия)

Я начинаю эти Хроники с текста профессора Свободного университета *Кати Марголис*. Текст пронзительный, но лучше, наверное, не скажешь о том самом тяжелом семестре в нашей университетской жизни. Простых семестров у нас не было никогда. Но вот таких тяжелых…

> Мирное римское воскресенье. Улочки. Площади. Пинии.
> Очередная живая встреча вне зума с ещё двумя студентами, чудесными и талантливыми участниками нашего курса «Город как текст». Развиртуализация — как теперь это принято именовать.
> Неторопливый разговор за обедом на пьяцца Маттеи. О чем? О городе и тексте, об искусстве и литературе, о ностальгии и невыразимой и неизживаемой любви, о поиске себя в мире и мира в себе. *Festina lente* — говорят черепахи фонтана, — не торопись…
> А потом утро 24 февраля 2022, с ревом разорвавшее небо и, казалось бы, вдребезги разломавшее весь горизонт будущего. Превратившее любую оптику в груду осколков, которые режут и искажают попытки ее осознать.
> Война и мир. Эта двойственность теперь с нами повсюду.
> Идешь ли, сидишь ли, пишешь, смотришь, читаешь…
> Двоится всё. Даже звуки проходят через призму этого двойного восприятия.
> Вот и снова гудок отдаленного парохода или вапоретто в тумане. В плотной пелене невидимости они подают сигналы: мы тут, мы есть.
> Мы снова в зуме.
> Нынешние студенты и выпускники прошлого потока моего курса «Город как текст» попросили встретиться, чтобы просто увидеть друг друга живьем хотя бы в прямоугольниках на экране и поговорить.

У них отнимают слова.
— Я только что вышел из автозака, — буднично говорит студент.
— Меня задержали, я в ОВД, простите, на занятии не смогу быть — пишет мне другой студент третьего курса медиашколы — как нельзя актуального — «Описание очевидного».
На днях встречалась с новой группой студентов курса «Город как текст». Такими яркими, живыми, любознательными, состоявшимися в своих областях. Новгород, Барнаул, Казань, Санкт-Петербург, Новосибирск, Ереван и Алма-Ата, Бишкек и Париж, английская и грузинская провинция, маленькие и большие города…
Все представлялись, рассказывали о себе. Но вместо зова будущего всё чаще звучит прошедшее время. «раньше мы делали проект», «до февраля я собиралась запустить подкаст о», «до того, как наши города перестали быть побратимами», «когда тут еще проходили оксфордские мастерские».
Одна из ключевых тем нашего курса — «Руины».
В этот раз мы действительно начинаем с руин.
Не с античных образцов и источников вдохновения для классицизма и романтизма, а внутренних и внешних — страшных дымящихся, что ещё вчера были домами, наполненными жизнью.
Мы не сможем вернуть ни одну жизнь.
Но живым помочь ее вернуть нужно.
И вправду, как найти слова для руин в прямом эфире и руин в себе? Нужно ли их искать или честнее немота?
Когда цветущие украинские города становятся дымящимися развалинами, погребая под собой людей, когда жители этих городов становятся телами на улицах, а выжившие — беженцами в чужих городах, когда время, которое лукаво дает нам огромные возможности наблюдать эту войну и несоразмерно малые возможности изменить что-то и защитить тех, кто оказался в её пекле, кажется, что возможность какого-то созидания — это почти непозволительная роскошь.
Перефразируя Пастернака: просвещение непрерывно размышляет о тупике цивилизации и непрерывно творит этим ее продолжение.
Само слово «образование» таит в себе созидание.
Любой текст, любая книга, любой учебный, исследовательский или творческий проект сейчас — это попытка восста-

новить связность порванной ткани жизни и мысли. И тем самым — антивоенное действие. Космос vs. Хаос. Так, по крайней мере, я говорю своим студентам и так ощущаю сама. Восстановить города пока не в наших силах. Вернуть смысл словам, не дать порвать связность пространства мысли и культуры, преемственность и осмысление нового — наша общая работа.

Начиная с весеннего семестра я регулярно получала не только задания, но сводки военных действий: не из новостей, а из киевских бомбоубежищ, где сидели некоторые мои студенты — в городе, где родился, вырос и учился наш прадед философ Густав Шпет, которого убила и скинула в томский овраг вся та же власть нквд-кгбшников, которая сегодня обстреливает ракетами этот город, которому посчастливилось стать столицей свободной страны.

Я получала эссе и задания из автозаков городов РФ. Из аэропортов. С блокпостов.

Так трагически преломился манифест Свободного Университета: не только преподавать, но и учиться отовсюду.

«Я в Тбилиси/Ереване/Стамбуле/Риге/Варшаве — пока совсем не знаю, что дальше».

Город как текст военного времени.

И вот уже происходит совсем иная развиртуализация: студенты одних потоков помогают другим. Наши преподаватели вывозят в Европу студентов и коллег под угрозой мобилизации и арестов. Никогда не видевшие друг друга вне зума однокурсники оказываются вместе в горной армянской деревушке и буквально своими руками строят себе дома и будущее.

Новый свободный город-текст поверх захлопывающихся границ, взрывов и блокпостов.

«Всё в порядке. У нас хороший подвал. Гуманитарку по постам и больницам развезли. У самих запас воды и батарейки есть… Когда еще с налобным фонариком спокойно посидишь и почитаешь путеводитель по музеям Ватикана. Там и встретимся после войны». СМС трехдневной давности из Харькова под ракетным обстрелом парадоксальным образом дает силы и надежду.

Пусть же у нас у всех хватит запаса воды и батарейки, чтобы несмотря ни на что продолжать путь свободы, цивилизации

и просвещения. А путеводитель в темноте ли, в тумане ли найдется.
Например, Свободный Университет.

Елена Лукьянова:

10 января 2022 года мы объявили набор еще на 23 новых курса, не считая тех, которые уже были в нашей университетской копилке. Мы провели конференцию, переизбрали Ученый Совет и председательствующую коллегию. А через месяц с небольшим проснулись в другом измерении и в полностью перевернутом мире. Я с трудом понимаю, как у преподавателей хватало сил работать со студентами в первые недели войны. По крайней мере моя первая лекция после 24 февраля далась мне с огромным трудом. Вот как читать конституционализм и парламентаризм в новых условиях? Наши профессора из Украины — Ирина Ромалийская, Михаил Минаков и Михаил Савва — написали, что читать пока не смогут. Ирина в черном костюме, с красными от слез и от недосыпа глазами практически не выходила из эфира канала «Настоящее время». Михаил Савва ушел в теробороню. У Миши Минакова в теробороню ушла дочь. Сама я, обхватив голову руками, с чувством неизбывного стыда, гнева и ужаса не отрывалась от новостей. Только на пятый день силой приказала себе: «Встань и иди». Университет должен жить. Нужно спасть людей. Нужно продолжать учить.
Началось великое перемещение народов. Каждый день приходили сообщения «уехал», «уехал», «уехал»… «Где вы, где вы, что с вами?» — мой каждодневный вопрос первых месяцев войны. Это касалось и преподавателей, и студентов. Российское законодательство со скоростью болида стало превращаться в законодательство третьего Рейха. Многократно усилились репрессии, появилась военная цензура. Люди находились в реальной опасности. В первую очередь угрозы касались журналистов, ученых и правозащитников, которые отказывались называть войну специальной военной операцией.
Страны, граничащие с Россией, начали экстренно закрываться от россиян, прекратилось привычное транспортное сообщение, перестали работать карты, эмитированные российскими банками. Срочно нужны были гуманитарные визы. Нам помогли в этом польские фонды, организовавшие специ-

альный гуманитарный коридор Свободного университета. Поскольку несколько ближайших к Москве пунктов пешего перехода границы были именно в Латвии, многие релоканты в первый момент оказывались именно здесь. Так, например, в университете появился блестящий молодой профессор Глеб Богуш — специалист по международному уголовному праву. В сложившихся условиях его специальность была особа ценна для нас. Мы сразу стали одним из важных экспертных центров. На фоне страшных открытий Бучи и Ирпеня подзабытое российскими юристами право войны и мира, международное правовое регулирование по вопросам военных преступлений и квалификации военных преступников стало более чем актуальным.

Каких только вопросов не пришлось решать! Как, например, вывезти из сочинской квартиры, оцепленной сотрудниками ФСБ, профессора-физика? Как за одну ночь найти ей работу за пределами страны? Как переправить ее в эту страну, не будучи уверенными, что не задержат на границе? Как получить приехавшим европейские ковид-сертификаты (еще действовали пандемийные ограничения)? Как открыть россиянам хоть какой-то счет, чтобы можно было пользоваться картами? Как получить ID иностранца? Как сделать разрешение на работу? Как, как, как… Люди без жилья, без работы, без денег. Но даже неловко думать об этом, когда рядом сотни тысяч украинских беженцев с детьми и животными, потерявших не только свои дома, но и своих близких.

4 марта в Латвию приехал еще один член управляющей коллегии Свободного университета философ Кирилл Мартынов. Ему нужно было спасать журналистский коллектив «Новой газеты» и открывать новое медиа в Европе. Долгий перелет через Пермь и Стамбул в Ригу сопровождался трехчасовым допросом в рижском аэропорту — такова теперь процедура для всех россиян-мужчин. Накануне ночью через границу на машине прорвался в Латвию и мой сын, которому было опасно оставаться в Москве. Поэтому в ожидании Кирилла я просто заснула в зале прилета. Какое же это было счастье услышать сквозь дрему: «Здравствуйте, Елена. Вот уж не думал, что так встретимся». Мне сразу стало легче. Во-первых, за Кирилла мы очень боялись. Во-вторых, рядом появился умный и быстрый в реакциях человек, с которым можно было оперативно решать сложные вопросы.

Чуть позже в Ригу ненадолго и с немалым трудом приехал лауреат Нобелевской премии мира, главный редактор «Новой» мой друг и шеф Кирилла Дмитрий Муратов. Проведенные им переговоры привели к созданию в Латвии международного журналистского хаба, который очень быстро наполнился сотрудниками закрытых, объявленных нежелательными организациями или иностранными агентами российских и иностранных СМИ, выдавленных из страны. Значительная часть журналистов была преподавателями нашей медиашколы. И мне опять немного полегчало. Люди оказались в безопасности.

Университет выстоял в первые месяцы войны. И не просто выстоял. Он начал еще быстрее развиваться. Вопреки всему, а, быть может, наоборот, закономерно. В тот самый день, когда Кирилл Мартынов прилетел в Ригу, 4 марта 2022 года 260 ректоров ведущих российских вузов (включая МГУ — Alma mater многих из нас) подписали обращение в защиту войны. В том числе там были такие пассажи: «Важно не забывать и об основном нашем долге — вести непрерывный учебный процесс, воспитывать в молодежи патриотизм, стремление помогать Родине. Университеты всегда были опорой государству. Наша приоритетная цель — служение России…» Честно говоря, мы вовсе не считали, что основной долг университетов — служение государству и воспитание патриотизма. Мы выступили с собственным заявлением. В этом заявлении мы скорректировали свою позицию о политическом нейтралитете. Мы заняли однозначную политическую позицию. Вот это Заявление:

В защиту российских студентов и преподавателей

Мы, преподаватели и научные работники, оказавшиеся за пределами Российской Федерации, считаем необходимым заявить следующее.
Вторжение 24 февраля 2022 в Украину, нарушение ее суверенитета и последовавшие за этим тяжкие преступления против человечности стали источником страданий и гибели людей в Украине, рядом с которыми меркнут любые прочие интересы, государственные и частные. Мы пишем и подписываем это письмо с однозначным пониманием этого факта.

Некоторые из нас были уволены из государственных университетов по политическим причинам задолго до начала войны. Среди нас есть и сотрудники (уже бывшие) ведущих академических институтов Российской Федерации, от ординарных профессоров до ассистентов, от членов профсоюза до журналистов изданий, закрытых вчера или закрываемых сегодня уже десятками, от студенческих газет до больших медиа, гражданские активисты других, в том числе — не политических сообществ.
Несмотря на то, что мы оказались в одной группе преследуемых по политическим причинам и критически высказывались по ряду других вопросов, наши политические взгляды и ценности достаточно разнообразны. До недавнего времени в рамках академической работы в коллективах мы часто продолжали придерживаться позиций политической нейтральности.
Но 24 февраля 2022 этой политической нейтральности пришел конец. Письмо в поддержку незаконных действий властей подписали 260 ректоров крупнейших университетов РФ.
В ответ на это западное академическое сообщество объявило о санкциях против официальной, или институциональной, российской науки и образовательной системы.
Против обращений своих ректоров выступили тысячи студентов и выпускников, сотни преподавателей, которых подвергли репрессиям — от увольнений и отчислений до заключения под стражу. Некоторым из них удалось покинуть страну. Всего за последний месяц антивоенные петиции подписали почти два миллиона россиян.
Все, кто выступает против войны, кто рискует своим положением и свободой, остаются союзниками свободного мира. Вот почему санкции против официальной российской академии должны применяться с учетом этой несогласной прослойки, а равно и с учетом ее привлечения к восстановлению Европы после этой преступной войны.
Мы приветствуем, например, британские университеты, которые расторгли договоры с российскими институциями, но продолжают сотрудничество с отдельными учеными.
Пока что эта дифференциация не распространяется на студентов. Студентов и аспирантов наказывают вдвойне: менеджмент собственных, российских госуниверситетов

отчисляет их за антивоенные высказывания, а иностранные программы — за то, что они вчера были студентами своих ВУЗов. Персональное исключение из санкций пока распространяется только на ученых и преподавателей, а не на студентов. Пренебрежение безопасностью, здоровьем и жизнью той части поколения, которая по мере сил сопротивляется преступлениям российского режима, неприемлемо.
Два года назад, когда началась первая волна политически мотивированных увольнений в российских вузах, некоторые из нас стали сооснователями Свободного Университета. Этот университет работает онлайн и пока преимущественно на русском языке, но он открыт для всех коллег на всех языках.
Мы, профессора Brīvā Universitāte (Свободного университета) и другие ученые, оказавшиеся вне России, предлагаем свое сотрудничество при установлении диалога с менеджментом университетов, готовых отказаться от писем своих ректоров, со студенческими организациями, которые уже подписали письма протеста против преступной войны РФ в Украине.
Мы готовы подписывать рекомендательные письма всем вам, чтобы ваши заявки принимали на индивидуальной основе в университетах Европы.
Мы разделяем ценности свободного мира, ценности ненасилия. Мы не признаем права государства-агрессора диктовать свою волю другим. Сегодня российское государство встало на путь жестокого насилия внутри и вне РФ, и мы готовы по мере наших сил поддерживать тех, кто прямо или косвенно страдает от этого насилия.

Похоже, что именно четко высказанная позиция привлекла к нам много новых преподавателей. Они увидели в нас не просто возможность расширения границ сужающейся в России академической свободы, но и своеобразный пузырек свежего воздуха, радикально отличающийся от удушливой военно-репрессивной атмосферы страны. С тех пор заявок на чтение курсов мы стали получать кратно больше. В итоге их стало так много, что нам пришлось вводить дополнительные правила рецензирования присылаемых программ.

Развивалась и наша издательская деятельность. За этот адский семестр мы издали две новые академические работы. Первая — книга нашего профессора-социолога из Санкт-Петербурга Ольги Константиновны Крокинской «Жизненный

мир за закрытой дверью: Университет на карантине и в дистанте». Эта работа — результаты исследования университетского образовательного процесса, протекавшего в ситуации локдауна, вызванного пандемией коронавируса COVID-19. Исследование проводилось весной-летом 2020 года и запечатлело самый первый опыт реагирования системы образования на принципиально новые условия работы и учебы[1].

Вторая книга — совместный труд юристов и математиков уже в рамках междисциплинарных исследований Свободного университета — Елены Лукьяновой, Евгения Порошина при участии Сергея Шпилькина, Андроника Арутюнова и Екатерины Зворыкиной. Называется она «Выборы строгого режима. Как российские выборы стали невыборами, и что с этим делать? Политико-правовое исследование с элементами математики»[2].

Эта книга о роли и значении выборов в демократическом и в антидемократическом процессах. В ней на примере трансформации российского избирательного законодательства двух первых десятилетий XXI века показано, как с помощью манипуляции избирательной системой и электоральными практиками можно нивелировать демократические институты и сменить вектор политического развития на противоположный Авторы приводят классификацию поправок в избирательное законодательство, которая может быть использована другими странами как маркер при оценке трансформации политических режимов. В книге также проводится анализ зависимости эффективности деятельности парламентов от состояния избирательной системы. Книга была дописана за несколько недель до начала войны. Ее выводы оказались настолько точно-прогностическими, что после 24 февраля в несколько абзацев просто осталось дописать: «А дальше была война». Мы так и не успели в условиях военного смерча провести презентацию книги. Но мы обязательно это сделаем!

Кроме книг наши социологи вели исследования в России. Мы понимали, что официальная социология в условиях военной цензуры не дает реального представления о состоянии

1. URL: https://freeuniversity.pubpub.org/krok.
2. URL: https://freeuniversity.pubpub.org/vybory.

общества, поэтому все делали сами. В итоге на свет появился один из лучших номеров нашего журнала «Палладиум» — «Социология войны»[3]. Это пока что единственный номер с кроваво-красной цветной обложкой. Все остальные у нас строго-академически бежевые. В любом случае у журнала появился стиль. Главным редактором был избран профессор Илья Шаблинский, перебравшийся к этому времени в Латвию.

Внезапно по инициативе студентов у нас появился собственный Свободный Медиацентр, на котором начали записываться подкасты с нашими преподавателями[4]. Инициатива блестящая. Качество отличное. Ребята молодцы. Огромное им спасибо.

Еще одна студенческая инициатива — наша студентка Елена Каганова открыла виртуальную Свободную библиотеку университета, уже собравшую больше тысячи подписчиков в телеграме[5].

Так вместе мы, накрытые темным облаком войны, добрались до весны 2022 года.

СПИСОК НОВЫХ КУРСОВ, ОБЪЯВЛЕННЫХ 10 ЯНВАРЯ 2022 ГОДА

ФАКУЛЬТЕТ ПРАВОВЫХ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

1. Конституционные механизмы обеспечения социальной солидарности
   Алебастрова Ирина Анатольевна, доктор юридических наук, заведующая кафедрой конституционного и международного права Всероссийского государственного университета юстиции.
2. Демография простыми словами
   Дмитриева Юлия Викторовна, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории проблем воспроизводства населения, Институт

3. URL: https://freeuniversity.pubpub.org/palladium-3.
4. URL: https://www.youtube.com/c/Свободныймедиацентр/featured.
5. URL: https://t.me/FreeStudentLibrary.

социально-экономических проблем народонаселения ФНИСИ РАН.

3. Миграционные процессы России
Дмитриева Юлия Викторовна, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории проблем воспроизводства населения, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСИ РАН.
4. Качественные методы исследований в социальных и гуманитарных науках
Ильина Наталия, MA Comparative Cultural Analysis, НИУ ВШЭ, Москва, специалист по качественным исследованиям.
5. Базовые понятия социологии для анализа современного общества
Крокинская Ольга Константиновна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
6. Политическая география
Орешкин Дмитрий Борисович, российский политический географ, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН.
7. Социальная психология агрессии
Павлов Игорь Вячеславович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина, Беларусь.
8. Социальная психология травмы
Черепанова Елена, PhD, Professor of the Graduate School of Psychology and Counseling (Cambridge College, Boston, MA USA), тренер и консультант Антикризисной Службы, профессор Кембриджского колледжа и Школы профессиональной психологии (США, Массачусетс).

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИИ И НАУК О КУЛЬТУРЕ

9. Курс перевода с русского на французский
Берелович Алексей, историк, социолог, директор «Франко-Российского центра по общественным наукам».

10. Иудейские и христианские аскетические движения античности и их литература
Бессонов Игорь, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Государственного республиканского центра русского фольклора.
11. Язык и власть. Основы теории политического дискурса и политической лингвистики
Галямина Юлия, политик, общественный деятель и журналист, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики медиакоммуникаций Школы медиакоммуникаций Института общественных наук РАНХиГС.
12. Идея авторства в современную эпоху
Зенкин Сергей Николаевич, доктор филологических наук, литературовед, главный научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского Российского государственного гуманитарного университета, председатель Комиссии по литературе и интеллектуальной культуре Франции при РАН, трижды лауреат французско-российской премии Леруа-Болье (1996, 1997, 2000) за лучшее произведение, посвященное Франции, Кавалер французского ордена Академической пальмовой ветви (2002)
Бевзенко Роман Сергеевич, кандидат юридических наук, профессор Российской школы частного права, партнер, руководитель практики Спецпроектов юридической компании «Пепеляев Групп»
13. Раннее русское кино: история, поэтика, иконография
Ковалова Анна, историк кино, кандидат филологических наук, научный сотрудник Энциклопедического отдела филологического факультета СПбГУ
14. Конструкции добродетели
Маслов Борис, PhD, Калифонийский ун-т, Беркли, доцент университета Осло
Кагарлицкий Юрий, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

15. Мадам Адам: Первые люди и первобытные люди в литературе русского модернизма
Сошкин Евгений, PhD, приглашенный преподаватель в Университете Констанца

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

16. История медицины
Бергер Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

17. Скептицизм: истоки и историческое многообразие»
Воробьев Максим, аспирант ВШЭ
18. Западная философия XX века
Минаков Михаил, доктор философских наук, старший научный сотрудник Института Кеннана при Международном научном центре им. Вудро Вильсона, главный редактор журнала «Идеология и политика» и философской платформы Koine (Украина)
19. Критический дискурс-анализ
Рапопорт Белла, антрополог, социолог, гендерная исследовательница

ШКОЛА ТОЧНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

20. Введение в физику конденсированного состояния
Батурина Татьяна Ивановна, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института физики полупроводников СО РАН (ИФП СО РАН)
21. Альберт Эйнштейн и революции в физике в XX веке
Беркович Евгений, кандидат физико-математических наук, доктор естествознания (Берлин)

ШКОЛА КОМПЕТЕНЦИЙ

22. Рождение нового. Работа над ролью по методу Михаила Чехова

СавченкоОлеся, режиссер, исследователь и педагог актерского мастерства (Украина)

23. Практическая антикоррупция
Машанов Григорий, старший юрист Transparency International — Russia, автор TG-канала @ad_law
Лапунова Анастасия, координатор стрима «Подотчетность бизнеса», Transparency International — Russiaё
Петрова Екатерина, член Общественной палаты г. Екатеринбурга, юрист-практик, специализирующаяся на госзакупках и реализации Integrity Pacts
Тельнова Светлана, координатор стрима «Политическая целостность», Transparency International — Russia
Логвинова Мария, координатор стрима «Надзор за государством», Transparency International — Russia
Шуманов Илья, директор Transparency International — Russia

Просвещение и Свободный Университет

Глеб Павловский

Я получил предложение прочитать курс в Свободном Университете весной 2021-го, когда обдумывал замысел работы о тридцатилетии Системы РФ. Он появился у меня сразу идеей о конечности этого образования. Но не в обычном представлении, что окончание чего-то означает его разрушение.

Год спустя ландшафт тридцатилетия выглядит по-другому, и это потребовало полного переосмысления курса. В образованном сообществе мало-помалу развертывается спор о будущем. Спор отчасти бестолков, но в нем есть попытка прозондировать пути к вдруг закрывшемуся от нас будущему — почему? Оказывается, что блокировка любого пути к прекрасной России будущего — её непроработанный прошлый опыт.

Россия несколько раз упускала свою *эпоху Просвещения*. Было много попыток оспорить этот обидный факт. Разве высокая классика не побег европейского Просвещения? Недаром юного Александра Пушкина звали *Французом*. Однако взлет русской культуры в XIX веке не опирался на сомасштабную общественную инфраструктуру Просвещения масс.

Просвещение не обязательно совпадает с системой образования. Это движение общества к ценностям знания и рационального выбора. А для нации — опознание своего опыта, исторического и политического. Мы в России нуждаемся в проработке опыта, которым располагаем обрывочно, не соотнося его фрагментов друг с другом.

Отсюда поразительная легкость русских забываний — опора сталинской вивисекции умов, нацеленной на *отрицание сложного* человека. При начале новой России в 1990-е это

обернулось некомпетентностью в простых вопросах. Политик искренне не знал, что творит и, спеша к недодуманной цели, «срезал углы».

Нисколько не вычитаю себя самого. Недавно готовясь к курсу, перебирая бумаги, обнаружил в папке «проект Преемник-98» заметки по реформе Конституции. Что за Конституция в 1998 году? И тут вспомнил, что осень того года прошла в дебатах о конституционной реформе. В них участвовали правительство, Дума и правоведы. Готовилось Конституционное совещание, и все это шло в диалоге с администрацией президента РФ. Глядя из наших дней, поражаешься тому, что проекты КПРФ (проект Лукьянова) и примаковцев были куда либеральней Конституции 1993 года, предполагали президентско-парламентскую модель (примаковский проект писал, кажется, Шахрай) либо парламентскую Федерацию у Лукьянова. Но конституционная реформа осени 1998, вокруг которой почти сложилась консенсусная коалиция, была зарублена технократами, использовавшими связи в АП РФ. Ельцин колебался. Сперва все шло с его ведома, и только в конце 1998 года он отверг реформу Конституции — в пользу идеи «преемника». Прошло двадцать пять лет, и мы еще не подвергли конституционную тему ни ревизии, ни рефлексии.

Та Россия, что достойна этого имени, полузабыта. Ее колоссальный сложный опыт не проработан. И проработкой опыта не может быть расклейка ярлычков «имперской ностальгии» и «тоталитаризма». Здесь широкий фронт работ. Отдельной задачей внутри этой долговременной работы мне представляется ревизия двух мощных попыток вырваться из «русской колеи» — *горбачевской* и *российской*. Высокая русская культура XIX — начала XX века не упомянута мной оттого, что видится мне бесспорной, хоть и она сильно пострадала от решений и действий, которые сама подготовила. «Русская колея» в духовном плане, строго говоря, восходит еще к Александру Пушкину.

Путь к Просвещению у наций лежал через критику своего опыта, объединенную в воспитующий ум консенсус, в *trivium* и *quadrivivium* крепко усвоенных знаний. При искренней устойчивой воле к новому Просвещению решение найдется. Но для этого предстоит собраться среде, открытой не только критике

властей, но и острой самокритике. Свободный Университет видится опорой будущего российского Просвещения, сбудется оно или нет. В этом сообществе и многие мои коллеги по попыткам прошлого тридцатилетия. Пока прорабатывается опыт поражений, есть шанс избежать их повтора.

DOI: 10.55167/dc9aee76e50a

Разбор полетов, или Каким не быть университету[1]

Гасан Гусейнов
Доктор филологических наук, профессор и член управляющей коллегии, Свободного университета (Brīvā Universitāte, Латвия)

За последние несколько месяцев в РФ были разгромлены несколько университетов. Конечно, тут же кто-то возразит, что разгромлены они не были, а только разделены: одним преподавателям пришлось бежать из страны, другим пришлось остаться и подстроиться под новые правила существования. Начальство стало еще более чекистским, чем в совсем недалеком прошлом. Цензура свирепствует снизу и сверху — на неблагонадежных преподавателей доносят и студенты, и коллеги, причем делается все это публично и без всякого стеснения.

Но оставим в покое тех, кому не повезло больше всего, тех, кто в силу каких-то причин вынужден был смириться с новыми (или старо-новыми) условиями существования в РФ. Обратимся к другим — к тем, кто оказался выброшен за пределы страны или уехал подобру-поздорову с относительными удобствами. Многие из этих людей, в недавнем прошлом составивших себе деловую и академическую репутацию и в РФ, и в других странах, решили продолжить университетскую работу. И вот здесь начинается самое интересное и важное для всех нас. Как происходит размежевание внутри этой когорты?

Ответить на этот вопрос абсолютно необходимо, чтобы представлять себе цели и задачи образованного сообщества на отдаленное и близкое будущее. По моим наблюдениям, сейчас

1. Статья была опубликована в «Новой газете Европа». 22.01.23. URL: https://novayagazeta.eu/articles/2023/01/22/razbor-poletov-ili-kakim-ne-byt-universitetu

оформляются три (или три с половиной, с поправкой на возраст) сегмента в академической среде.

Первый сегмент — по времени и по обстоятельствам расставания с РФ — это люди, которые решились на создание нового, никак не связанного ни с российским государством, ни с какими другими государственными структурами университета. Этот университет новый и технически — львиная доля занятий проходит онлайн, и идеологически: Свободный университет — это академический космополитический самоуправляемый кооператив, в котором, по крайней мере, на первых порах, преподаватели соглашаются работать на волонтерской основе, отдавая университету только часть своего времени и постепенно — только за счет качества работы — набирая финансовую помощь для развития проекта. Для сбора такой помощи необходима рабочая группа, менеджмент, который, однако, никак не вмешивается в преподавание. Свободный университет считает, что сертификация, регистрация и другие формы интеграции его в существующие чужие государственные структуры — дело неопределенного будущего, результат объективных достижений, если таковые будут. Здесь налицо — огромный риск, но этот риск сопряжен со свободой, с академической свободой, с новыми отношениями между профессорской и студенческой средой.

К этому сегменту примыкает и отчасти перехлестывается с ним другой — преимущественно молодые ученые и преподаватели, которым удается встроиться в академическое сообщество новых стран пребывания. Эти преимущественно молодые профессора и исследователи уже отдают львиную долю времени и сил своим новым — чешским или французским, аргентинским или североамериканским — университетам. Но все-таки многие из них не теряют связи с российской академической диаспорой и какую-то часть своего времени и творческих сил отдают образованию на русском языке (или на других языках народов РФ). Важным коллективным свойством этой когорты является отсутствие планов возвращения в РФ. Оно может не быть высказано явно, а кто-то может захотеть оспорить этот мой вывод. Но, по моим многолетним наблюдениям, эта когорта, сильно выросшая сейчас за счет

беженцев из РФ и из Украины, на протяжении жизни одного-двух поколений станет частью академического космополиса, в котором пока нет места для РФ.

Наконец, есть и третья когорта релоцированных из РФ преподавателей и работников образования, которая до 24 февраля 2022 года находилась в самой гуще и на самом верху официальной российской академии. В представлении этих людей российская образовательная модель по-прежнему обладает самостоятельной ценностью и может пережить нынешнюю волну несчастий — войну и беженство, чтобы после предполагаемой смены режима в РФ снова вернуться назад, сохранив репутацию, качество прежней жизни и образования. Это, на мой взгляд, та когорта, которая находится в тяжелейшей материальной и/или моральной ситуации. Извлекать опыт уроков своего тридцатилетнего провального взаимодействия с российским государством ельцинско-путинской эпохи этой когорте приходится в самых неблагоприятных условиях.

Лишь немногим удается удержаться на плаву в прежнем статусе. Как правило, благодаря ранее достигнутому положению в США или в Европе, подкрепленному в дальнейшем западными партнерскими университетами. Правда, сами эти партнерские университеты были в свое время хотя бы отчасти коррумпированы взаимодействием с российским государством или с его высокопоставленными представителями, имевшими репутацию либералов.

Сейчас эта когорта на распутье. Поддерживать связь с коррупционерами из путинского или ельцинского окружения, обеспечивая ему алиби и пользуясь грязными деньгами этого окружения? Отправиться в самостоятельное рискованное плавание, забыв об именах так называемых системных либералов — Чубайса или Кудрина, Шохина или Кузьминова? В блатной среде есть понятие «грева», это деньги, продукты и услуги, которыми незаконно обеспечивались заключенные из высоких воровских каст. Грев — занятно, что слово это звучит точно так же, как фамилия главы Сбербанка Германа Грефа, предположительные коррупционные схемы которого были вскрыты уже после начала войны командой Алексея Навального, так вот грев — это и есть форма материального по-

ощрения, которое может понравиться какой-то части этой когорты. Именно гревом являлись и наши высокие по сравнению с обычными университетами зарплаты в НИУ ВШЭ. Мы могли думать, что эти зарплаты оправданы высоким качеством нашей работы, но опыт показал, что это был не вполне добросовестный самообман. Исключительное положение, которым могли похвастать ВШЭ или РАНХИГС в системе российских вузов, положение, которое обеспечивало высокую ценность дипломов этих университетов, объяснялось не исключительным качеством образования в них, а лишь исключительной близостью к набалдашнику властной вертикали. Это была хорошо оплачиваемая пиар-кампания для западного сообщества: смотрите, и у нас есть настоящие университеты, в которых будущую элиту кроят по западным лекалам.

Но вот хрустальная мечта разгромлена. Настало время, глотая, может быть, горькие слезы, понять, что эксперимент Теодора Шанина в Москве, как, кстати, и эксперимент Джорджа Сороса в Будапеште, принес отрицательный результат. Единственное, что достигнуто на этом пути, это создание возможности для квалифицированных кадров найти соответствующее их личным достоинствам место на Западе. Но есть одна часть их опыта, которой не должно быть место в свободной академии. Это — попытка пересадки некоего усредненного западного университета в российскую государственную систему. Цена близости к власти с целью облагораживания последней хорошо известна.

Конечно, когорта менеджеров, лояльных будущим прогрессивным российским начальникам образования, будет по-прежнему пытаться сохранить ту модель общественного бытования образования, по которой тридцать лет строили свои в высшей степени европейские университеты московские и ленинградские системные либералы или крупные предприниматели, поднявшиеся еще в ельцинскую эпоху. Но надо помнить, среди прочего, что люди, на которых держалась система прогрессивных образовательных и исследовательских институций, такие как Анатолий Чубайс или Алексей Кудрин, не говоря уже о людях академии — Ярославе Кузьминове, Владимире Мау или Сергее Зуеве, — не смогли создать то самое, что

должно было бы защитить и их детища, и их самих от грубых преследований властей, — сплоченных коллег и выпускников, хотя бы часть которых захотела бы вступиться за своих вчерашних научных руководителей. Подписывались жалкие письма, но не было ни одной сколько-нибудь заметной акции студентов и преподавателей в поддержку своих преследуемых ректоров. Почему? Потому что никто не станет защищать впавших в немилость царедворцев. Впрочем, невозможно забыть и то, что никто не встал на защиту и несистемного Алексея Навального…

Но что все это значит практически? Только одно. Да, необходимо сберечь ценные кадры разгромленных университетов, стараться помочь адаптации преподавателей, где бы те ни оказались — на Балканах или в Израиле, в Восточной или в Западной Европе, в Южной или в Северной Америке. Но вот их социальный и организационный опыт в ельцинско-путинской РФ должен быть — прежде, чем будет отброшен, — изучен и критически осмыслен. Именно за чрезмерную близость к государству, к государственной казне, к той самой «варварской державе», о которой Маркс, ничего не знавший о нынешней РФ, пророчески сказал, что «голова ее в Петербурге, а руки во всех карманах Европы».

Для выстраивания действительно свободной академической жизни нужны годы кропотливого труда. Свободный университет должен получать поддержку и финансирование из многих частных и общественных источников, да даже и от демократических государств и их институтов. Черпать из многих источников, чтобы не быть зависимым от какого-то одного. Просто потому, что такая зависимость будет означать конец общего дела.

Дмитрий Дубровский
Кандидат исторических наук, профессор, член ученого совета Свободного университета (Brīvā Universitāte, Латвия)

Разговор, начатый Гасаном Гусейновым на страницах «Новой Газеты», очередной раз заставляет увидеть в нем универсального тестера российской академической свободы, которую он проверяет на себе уже давно. Думаю, что истории с «недопустимостью оправдания терроризма» и «клоачным русским языком», включающие в себя разнообразные проявления как академической свободы, так ее вольных и невольных душителей, войдут в книги по истории российской академии. На этот раз на многих произвел сильное впечатление текст, который почему-то мало кто прочитал как покаяние. На самом деле, видно, как тяжело сознавать автору, что он, много лет проработавший в условиях академической свободы в Германии, так легко оказался включенным в систему, которая, на его взгляд, не только успешно симулировала академию, но и осуществляла экспертную помощь режиму в момент его, как теперь мы понимаем, мирной фазы развития.

В этом примере критической саморефлексии, к сожалению, выпали важные для понимания ситуации в российской академии: так, невозможно согласиться с тем, что российские преподаватели и уж, тем более, студенты молчат тогда, когда о самое начальство, которое когда-то изображало университет открытым и демократическим пространством, изгоняет инакомыслящих из аудиторий. Примеры сопротивления, даже в самое мрачное для российской академии время, множатся, — от защиты Смольного института студентами до массовой поддержки сотрудниками РАНХГНиС ректора Сергея Зуева. Тем не менее, понятно, что основной целью критики Гасана Гусейнова является не это, а именно сложившаяся система в российских вузах, которая была построена на культивируемом неравенстве, финансовом и административном; неравенстве, которое вытекало из логики, прекрасно описанной Вл. Гельманом авторитарной модернизации. Неравенство было следстви-

ем той странной смеси неокорпоративизма и меритократии, в рамках которых возникали иногда сильные проекты. Вот эти «карманы эффективности», начиная с Высшей школы экономики, в момент своего создания собирали ученых, в основном, не имевших опыта академического shared governance и обычно имевшие очень общее представление о том, каковы должны быть институты и практики академического самоуправления. В то же время, как правило, такие карманы эффективности создавали такие схемы взаимодействия с государством, которые трудно назвать иначе, как коррупционные; упрекать в этом всех преподавателей таких вузов трудно: по сути, речь всегда шла о небольшом круге, как говорил Фазиль Искандер в «Кроликах и удавах», «приближенных к столику», но именно они, разумеется, становились представителями вершителями судеб остальных. При этом высокая степень гарантированной свободы для рядовых сотрудников таких «авторитарных карманов» фактически менялась на лояльность начальства и сопровождалась известной долей всякого идеологического мусора, на который все старались не обращать внимания и считать досадной ценой для нормальной работы.

Собственно, именно в институциональной природе этих вузов — где высокая свобода оплачивалась гибельной, как оказалось, близостью к власти, и кроется, как мне кажется, основная причина того погрома, который мы наблюдаем: прежний договор нарушен. Теперь, собственно, научная работа перестает играть важную роль в этом тандеме науки и автократии; теперь автократы требуют уже не подачек, а полного подчинения, военной мобилизации науки, и в этой ситуации прежние «эффективные менеджеры» — что показывает пример Кузьминова — оказываются не нужными. Очевидно, что российские университеты, особенно те, кто был флагманом высшего образования, в этой ситуации будут меняться. И вот здесь, как мне кажется, и мой ответ на главный вопрос Гасана — университету нужна гарантированная автономия, настоящая независимость и правовая защита. Ошибкой было полагать союз с автократией способом ее просвещения — оказалось, что это путь к авторитаризации самого университета. И переорганизация университета, обучение практикам его демократи-

ческого самоуправления мне представляется главной задачей, даже главнее, чем передача знаний — только она гарантирует российскому высшему образованию иммунитет от таких трагических ошибок в будущем.

Если все работает навыворот и в конце взрывается

Ян Левченко
Профессор Свободного университета (Brīvā Universitāte, Латвия), издательский дом Postimees (Таллинн), издательство «Новое литературное обозрение» (Москва)

У меня появился шанс отозваться на колонку Гасана Гусейнова в «Новой Газете — Европа» от 22 января 2023 года. И мне кажется, тут есть причина. Если не считать чистой случайности, вероятность которой весьма велика, причина состоит в том, что я имею отношение к Свободному Университету как приглашенный в его команду в числе первых осенью 2020 года. Одновременно это отношение призрачное и даже в чем-то загадочное.

Я оцениваю его так потому, что практически не участвую во встречах и дискуссиях Свободного. Я плохо владею необходимой терминологией. В частности, я до сих пор не бойко понимаю, что такое «контрольно-ревизионная комиссия», и руководствуюсь скорее отталкивающим звуковым обликом этого словосочетания. В содержательном смысле я прочитал в Свободном два раза один и тот же курс об авторском кино, который рядом с курсами, которые базируются на исследованиях преподавателей, выглядит почти вызывающе. Он опирается, по сути, на Википедию в широком смысле этого слова. Но мне если и стыдно, то не очень. И мне бы хотелось прокомментировать причины этого бесстыдства. Они имеют прямое отношение к тому, что написал Гасан Чингизович. Но я не буду занимать положения «над схваткой» и строить типологии. Не потому, что осуждаю или оспариваю. Просто чувствую недостаток личного капитала, чтобы говорить о ком-либо, кроме себя, вписанного в некий частный, хотя, вероятно, по-своему и репрезентативный контекст.

Мои слабые компетенции в сфере самоуправления образовательной сферы напрямую связаны с тем, как она устрое-

на в России, где я прожил 25 лет. На протяжении своей жизни в России, которая с небольшими перерывами продолжалась с января 1997 по апрель 2022 года, я был более или менее близок академическим контекстам. То есть либо учился в каких-то аспирантурах и ездил по молодежным конференциям, либо уже преподавал в каких-то заведениях и ездил по конференциям для опытных ученых, хотя никогда себя таковым и не ощущал.

Даже когда я работал в разных далеких от академизма конторах, меня там держали за «профессора кислых щей» (цитата из культовой среди советских детей книги про детство известного литератора Дениса Викторовича Драгунского). Это объяснялось моей привычкой длинно и бестолково рассуждать на отвлеченные темы в рабочее время. И я искренне считал, что это — признак образованности. Даже, прости господи, ума. И возвращался в академические контексты, потому что меня выгоняли в итоге из всех контор, где я время от времени оказывался ввиду обширного круга знакомств.

Со временем мне стало понятно, что для этого дрейфа прочь из академии и обратно в России были очень благоприятные условия. Главное из них — это разложившаяся, но по-своему комфортная система высшего образования. После нескольких визитов еще на студенческом этапе в Петербург и Москву я проникся атмосферой и переехал. Как я понимаю теперь — из простодушного цинизма. Все равно, полагал я, в Европе и, тем более, в Америке мне ничего не светит. А у меня наверняка получится щегольнуть тартуским дипломом и попасть на хорошее место. Ведь его освободит сделавший себя сам, пытливый целеустремленный и конкурентоспособный выпускник российского вуза, которому захочется большего. И вот тогда я буду ходить без баяна, как первый парень на деревне. Мне, конечно, тогда казалось, что я действую эмоционально, по любви, но обманываться, я думаю, все же не стоит.

Сначала был Европейский университет в Санкт-Петербурге. Это было (сейчас я не знаю, так как давно потерял с ним связь) достойное заведение, пытавшееся честно, подобно московской Шанинке или минскому ЕГУ, выкроить узкий сегмент особой реальности, где на общем печальном фоне предприни-

мались попытки перезагрузить программы обучения по западным образцам и запустить процесс производства знания для его трансляции по всей стране.

Из этого, как я слышал от многих, мало что получилось — плетью обуха не перешибешь. Но мне пришлось покинуть стены любимого Европейского университета намного раньше, чем довелось убедиться в том или ином исходе на собственном опыте. Меня там быстро раскусили, я впал в состояние, которое для красоты назвал творческим кризисом, и уехал в Москву. В любой непонятной ситуации в России принято уезжать в Москву. Потому что там деньги и возможности. А у меня, так уж вышло, там завелись новые отношения, переросшие в семью.

Но в Москве с академией не сразу срослось. Конкуренция там была чутка повыше. Я какое-то время жил на два города, оставаясь в Европейском, где меня жалели и по старой памяти любили. А потом пошел работать в кинокомпанию, надеясь, что у меня получится научиться чему-то полезному. Прокачать скиллы. Но для этого надо, чтобы у тебя было, что качать. А тяга к отвлеченной болтовне оказалась намного сильнее воли к изменениям. Так было легче и беззаботнее. В итоге я затосковал еще быстрее и был изгнан через каких-то два года. По итогам изгнания казалось, что я «журналист» и «публицист», в подтверждение чего я писал какую-то чепуху. Из нее тоже ничего не вышло, но редакторы принимали этот низкокачественный продукт, поскольку за него можно было платить совсем немного. Так спустя некоторое время я снова вскочил в проходящий состав академии, накинув на себя репутацию человека с практическим опытом. Настал черед щеголять уже его наличием.

Мое попадание в НИУ-ВШЭ стало вершиной этого щегольства или, если угодно, спекуляции на достижениях, о которых мог рассказать только я сам. Это был залог успеха: в кинокомпании я был человеком из университета, в университете — человеком из кинокомпании. Это было удобно! По должности я угодил в какие-то структуры типа ученого совета, в работе которых ничего не смыслил. Но кругом были разные складки альтернативной жизни, в которых можно было себя продавать как «профессора НИУ-ВШЭ». Это было уже лучше,

чем «тартуский выпускник», как это сработало на этапе попадания в нужное место!

Это описание карьерного трека, когда ты просто бьешься об порог, чтобы совершить новый перевертыш, и так до бесконечности, нужно для того, чтобы показать — у людей так проходила жизнь. Мой пример — не исключение, у меня свои ресурсы спекуляции, у других людей — еще какие-то. Важнейшее преимущество, которое было у «элитных» (в рекламе 1990-х так называли унитазы) российских университетов состояло в том, что работа в них предполагала диапазон спекулятивных возможностей, в котором были возможны эти маневры.

В отличие от других государственных вузов, они до конца 2010-х годов играли роль потемкинской деревни, с помощью которой можно было показать загранице, что в России тоже делается наука и осуществляется трансляция знания. И нет сомнений, что в этих деревнях не только перед начальством хороводы водили. В них действительно много чего полезного происходило. Элитные вузы лишь углубляли иллюзию, что «ведь можем хорошо». Если государственный аппарат не занимается стратегией развития общества, вернее, понимает под ней беспросветное вранье и вечную подмену, хорошо быть не может.

Видимо, вся система в целом — не столько выстроенная, сколько полуразрушенная и в ряде мест наскоро подлатанная — была настолько плоха, что могла работать наоборот. Так Виктор Шкловский в мемуарном травелоге «Сентиментальное путешествие» описывал суть государственной машины, которую удалось построить большевикам. Главное — чтобы машина ехала, не важно, в каком она состоянии. Там подтянули, здесь залатали, едем дальше без ремней безопасности и даже без крышки топливного бака. С вечной сигаретой в углу рта. Рванет — значит рванет. Зато весело. Ну, оно и рвануло. Весело — нет слов.

Мне кажется, что типология уехавших ученых, которую Гасан описывает в своей колонке, хорошо отражает степень удаленности акторов от сути их работы. Те, кто больше всех надеются вернуться, несомненно, собираются точно так же латать и подвязывать систему, чтобы она ехала и дальше по «особому

пути», на котором бы выделялись «совсем особые», то есть «как бы нормальные» вуз типа Европейского, Шанинки или даже НИУ-ВШЭ, как бы это ни называлось. Те, кто сумели встроиться в системы других стран, вернутся точно на тех же условиях, как это было в первые постсоветские годы. Мы вам нужны? ОК, дайте коэффициент минимум 1,5 за риски и вредность, и мы вам поможем, так уж и быть. А те, кто по разным причинам попросту вылетел из академического контекста, будут составлять периферийный ресурс той или иной парадигмы. Я, к примеру, прожил почти до 50 лет в погоне за индивидуальным и сиюминутным счастьем, и смогу вскочить уже только туда, куда само получится.

Но ни одна из этих групп не может выступить ядром каких-либо изменений в системе, которую за все постсоветские годы в России даже не пытались изменить. Что сейчас происходит, мы все хорошо знаем. Это следствие постепенного разрушения машины, которая износилась до последнего узла, но оставалась на ходу. Невозможно снова что-то выгораживать в образовательном поле, если государство не имеет идеи развития и с ужасающими издержками агонизирует и распадается.

Поэтому в пустыне нашего реального (совпадения с известной книгой Славоя Жижека случайны!) остаются пока только промежуточные проекты вроде Свободного. Промежуток может длиться долго, поэтому может называться иначе. Если поднимающееся из руин государство по какой-то причине сумеет избежать тупиков ресентимента и реставраторства, оно исчезнет как прежний ригидный проект. Тогда и вновь возникающим университетам выпадет шанс изобрести себя заново и заняться основательно подзабытой содержательной работой.

Из дневника

Илья Кукулин
Преподаватель школы культурологии ВШЭ и старший научный сотрудник Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий

В «Новой газете Европа» опубликована статья профессора Свободного университета Гасана Гусейнова «Разбор полетов, или Каким не быть университету». В ней Гасан Чингизович анализирует опыт «вестернизированных» университетских институций в постсоветской России — таких, как Высшая школа экономики (ВШЭ) или РАНХиГС — и признает его отрицательным, так как, по его мнению, российские политические элиты просто коррумпировали профессуру этих университетов и сделали их «витриной», предназначенной для Запада. Здесь важно, что это резко критическое мнение высказывает бывший ординарный профессор ВШЭ.

> В блатной среде есть понятие «грева», это деньги, продукты и услуги, которыми незаконно обеспечивались заключенные из высоких воровских каст. <…> Грев — это и есть форма материального поощрения, которое может понравиться какой-то части этой когорты. Именно гревом являлись и наши высокие по сравнению с обычными университетами зарплаты в НИУ ВШЭ. Мы могли думать, что эти зарплаты оправданы высоким качеством нашей работы, но опыт показал, что это был не вполне добросовестный самообман. Исключительное положение, которым могли похвастать ВШЭ или РАНХИГС в системе российских вузов, положение, которое обеспечивало высокую ценность дипломов этих университетов, объяснялось не исключительным качеством образования в них, а лишь исключительной близостью к набалдашнику властной вертикали,

— пишет проф. Гусейнов. Ведущие университеты пострадали, по его мнению, из-за «чрезмерной близости к государству, к государственной казне, к той самой «варварской державе», о которой Маркс, ничего не знавший о нынешней РФ, пророчески

сказал, что «голова ее в Петербурге, а руки во всех карманах Европы»». Поэтому университеты в будущей России нужно, чтобы университет получал финансирование не от государства, а от многих источников.

Речь у Маркса идет не о карманах, а о кабинетах («Бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие, с которым высшие классы Европы смотрели на то, как Россия завладевает горными крепостями Кавказа и умерщвляет героическую Польшу, огромные и не встречавшие никакого сопротивления захваты этой варварской державы, голова которой в Санкт-Петербурге, а руки во всех кабинетах Европы, указали рабочему классу на его обязанность — самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении; в случае же невозможности предотвратить эту деятельность — объединяться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами» — из учредительного манифеста Международного товарищества рабочих), но упрек в неточном цитировании, и не очень серьезный, может быть обращен скорее к редакторам «Новой газеты — Европа», чем к Гасану Чингизовичу.

Для точности исторической картины следует сказать, что и в ВШЭ, и в РАНХиГС далеко не все сотрудники получали такие уж большие деньги. Зарплаты и там, и там — да, насколько мне известно, и в МГУ — были и остаются очень стратифицированными, и в ряде случаев вполне достойные ученые по тем или иным причинам, работая в этих заведениях, получали и получают довольно скромные деньги (что на протяжении всей недолгой истории этих учебных заведений всегда давало дополнительные основания для психологического напряжения в коллективах). Это важно потому, что с внешней точки зрения — и особенно сегодня, во время развязанной Россией войны — преподавателей ВШЭ и РАНХиГС легко счесть в самом

деле едиными в своей суперкоррумпированности корпорациями. Это не совсем так.

Еще более серьезный вопрос — какие уроки мы можем извлечь из нынешнего краха высшего образования в России?

Это очень долгий разговор, но давайте попробуем его начать.

На мой взгляд, та проблема государственного контроля над вестернизированными университетами, о которой пишет Гасан Чингизович — это не причина, а следствие более глубоких проблем, порожденных российской и советской историей. О некоторых из них уже писали историки и теоретики высшего образования, как, например, присутствующий здесь Александр Дмитриев, а некоторые остаются «слоном в комнате».

Собственно, перед нами стоит не один вопрос, а два. Что означает в сегодняшних российских условиях понятие автономии университета? И что может означать лозунг «университет вне политики»?

То, что никакой автономии у современных российских университетов нет — это очевидно. Но важно проговорить, что это отсутствие автономии является результатом не только произвола властей, но и восприятия университетских преподавателей как государственных служащих, которые не только отстаивают на рабочем месте объявленную «наверху» политику, но и решают в науке те задачи, которые могут впечатлить или заинтересовать государственных чиновников. Это понимание свойственно не только нынешним российским властям, но и (все более) значительной части самих преподавателей. Отчасти такое восприятие профессоров уходит корнями в самосознание университетских преподавателей дореволюционной России, но все-таки окончательный перелом произошел в советское время.

> При большевиках фигура нужного властям эксперта заслонила категорию профессионала как члена определенной группы с автономией, социальными границами и гарантиями, устойчивостью и т. д. <…> В отличие от дореволюционного университета с его довольно широкой автономией, где обретение академических степеней и званий обеспечивало их обладателям и социальный успех, и путь наверх (в первую

> очередь — получение вожделенной ординарной профессуры), в советское время ведущим дифференцирующим фактором в мире знания выступило именно административное и идейно-политическое ранжирование,

— писал Александр Дмитриев еще в 2013 году в статье «Статусы знания». Имеет смысл помнить, что автономия университета держится на двух взаимосвязанных социальных конвенциях: 1) социальном достоинстве университета как корпорации (в которую входят и преподаватели, и студенты) и 2) представлении о том, что университетский преподаватель имеет право на самостоятельное производство знания — не по государственной разнарядке.

Эта вторая конвенция, однако, легко становится основой для защиты элитизма «вечных ценностей», как это показано в сериале «The Chair» на примере профессоров старшего поколения. Чтобы автономия не только университета, но и позиции университетского интеллектуала не превратилась в чванную и консервативную позицию профессора-«мандарина» (см. прекрасную монографию Фрица Рингера о «поправении» немецких университетов в начале XX века «Закат немецких мандаринов»), преподаватель морально обязан находиться в критическом диалоге с различными общественными группами. А такой диалог не может быть политически нейтральным.

Макс Вебер призвал к деполитизации социальных и гуманитарных наук в своей брошюре «Wissenschaft als Beruf», написанной на основе доклада, прочитанного 7 ноября 1917 года перед союзом баварских студентов в Мюнхене. Этот доклад был прочитан в условиях быстрой идеологической поляризации германского общества, — поляризации, которая привела после ноябрьской революции 1918 года (до нее оставался ровно год) к гражданской войне в Германии, а в Баварии она была особенно жестокой, потому что там была провозглашена Баварская советская республика. Вебер хорошо понимал, что происходит, и своим докладом пытался спасти студентов от участия во взаимном истреблении, в качестве идеала указывая на деполитизированную науку. Следует признать, что позиция Вебера во многом определялась конкретной ситуацией времени и места.

Напомню о том, что беды Европейского университета в Санкт-Петербурге начались в 2008 году с того, что там были открыты курсы для подготовки наблюдателей на выборах[2]. Именно тогда Европейский и закрыли в первый раз под предлогом нарушений правил пожарной безопасности. Тогда ехидные студенты ЕУ (один из которых тут, возможно, присутствует) написали «Раек для Ивана и Маланьи про Европейского университета закрыванье»[3]. Там в шутовском виде изображалось сначала закрытие университета, а потом были три альтернативных финала. Третий финал намекал на то, что открытие стало результатом закулисной сделки. В нем действовал некий Петрушка, у которого из-под колпака были видны рога, а сам он издавал запах серы:

СКЕПТИКИ в публике (выплевывая морковку):
А может, они заплатили взятки?
ПЕТРУШКА (выглядывает из-за занавеси, колпак съехал, видны рога):
Зачем же взятки, если всё в порядке?
МАЛЬЧИК из народа:
А мозет, они пообесяли больсе не клеветать на госуделя?
ДЕКАН-РЕКТОР (быстро):
А мы и раньше не клеветали.

В начале фрагмента, изображавшего третий финал, были строки:

Пессимисты, морковку им в рот,
думали что ЕУ — конец. Конец, да не тот!
Но для тех, кто верил и знал, — чуйствительных сердец —
представляем третий — полный — конец!

Это можно понять в том смысле, что согласие руководства ЕУ не открывать больше курсы для наблюдателей на выборах равносильно моральной смерти университета, даже если он и будет снова открыт.

2. URL: https://www.delfi.lt/ru/archive/v-peterburge-po-trebovaniyam-vlastej-zakryt-universitet.d?id=15942605.

3. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2008/2/raek-dlya-ivana-i-malani-pro-evropejskogo-universiteta-zakryvane.html.

Студенты-активисты ВШЭ уже не раз писали о том, что призывы руководства ВШЭ к тому, чтобы университет был «вне политики», лукавы, потому что в действительности это руководство связано с политически агрессивным руководством страны. Но эти призывы не только лукавы, но и методологически несостоятельны. Сегодня, когда в мире растут международные напряжения и конфликты, любое размышление о серьезных проблемах может разворачиваться только при осознании его политического контекста. Но осознании, основанном на индивидуальной мыслительной работе, а не на пакете ценностей, полученных в готовом виде.

Сегодняшняя позиция университетского интеллектуала предполагает, как я думаю, понимание того, что концепции социальных и гуманитарных наук политически заряжены, charged, но работа с этими концепциями не может и не должна делать преподавателя рабом той или иной партийной программы — скорее, такая работа предполагает необходимость рефлексии своей методологической позиции, ее политических импликаций и — что не менее важно — ограничений.

Политический контекст работы университетского преподавателя задается и тем, что российское общество — мультирелигиозное, мультикультурное, многонациональное (со множеством разного рода гибридных сообществ). Если после проигрыша в войне Россия развалится или будет разделена на несколько государств, общества в них все равно будут такими — мозаичными и гибридными. Голос, говорящий на русском языке в этом пространстве (в том числе и с кафедры) — лишь один из возможных голосов, и он всегда будет по необходимости находиться в диалоге с голосами, говорящими на других языках, или, как минимум, на основе другого культурного бэкграунда — не этнически-русского, исламского, буддистского и др.

Я согласен с Гасаном Чингизовичем в том, что процветание ВШЭ и РАНХиГС, как, впрочем, и очень специальные условия существования Петербургского и Московского государственных университетов, обусловлены прямыми неформальными связями руководства этих заведений с руководством страны. И, безусловно, диверсификация финансирования тут была бы полезна. Но сама по себе диверсификация проблемы

не решает. Важно, чтобы спонсор, один ли он, или их много, не считал, что должен за вложенные деньги получить конкретный заказанный им «продукт». Результатом вложений становится повышение качества университета как места производства знания. А удостоверением этого качества является скорее не место в каком-нибудь рейтинге, а международно признанная репутация. Именем спонсора можно назвать здание или аудиторию, но субъектом, с которым имеет дело спонсор, является не ректор, который был однокурсником спонсора, а университетское сообщество, которое может публично высказываться по поводу как финансирования, так и того, что университет соглашается делать в ответ. То есть вопрос опять упирается в автономию университета — и как организации, и как сообщества.

Все эти рассуждения могут быть восприняты как академическая утопия, и чтобы вернуться обратно к практическим задачам, имеет смысл подвести предварительные итоги.

1. Любой разговор об автономии университетов в России на следующем этапе ее исторического развития возможен только при условии продумывания нового социально-культурного самосознания преподавателя/льницы, новой его/ее социальной позиции.

2. В основе этой позиции лежит представление о профессоре не как эксперте/экспертке на службе государства, а как о свободном мыслителе/мыслительнице, находящемся в диалоге с обществом и не отворачивающимся от его разделений и тревог.

3. И в университетской жизни, и вообще в культуре следует публично осудить цинический принцип «кто девушку ужинает, тот ее и танцует». В области научного и культурного строительства никакое финансирование не может становиться основой для выполнения желаний спонсора. Финансирование и его условия могут становиться предметом публичного обсуждения.

Тем, кто мне скажет: «Так не бывает» — я могу ответить только словами основателя сионизма Теодора Герцля: «Если вы захотите, это не будет сказкой». Сегодня для реализации этих предложений нет никакой основы — важнее, чтобы Россия

прекратила агрессию и выплатила репарации за разрушенное. Но потом рано или поздно нужно будет в самой России воссоздавать институты, которые до этого на протяжении десятилетий подвергались огосударствлению и разного рода смысловым подменам, вроде той, что описана в статье А. Дмитриева. Думать об таком воссоздании мне представляется не бесполезным и сегодня.

2. Полемизируя с новой статьей Гасана Чингизовича Гусейнова, я не успел вчера написать о студентах, а это важно. Эта тема заслуживает отдельной заметки и не могла бы быть обсуждена в рамках текста об университетской автономии. На мой взгляд, проф. Гусейнов недооценивает (мягко говоря) студенческую активность в современных российских университетах, когда пишет: «…люди, на которых держалась система прогрессивных образовательных и исследовательских институций, такие как Анатолий Чубайс или Алексей Кудрин, не говоря уже о людях академии — Ярославе Кузьминове, Владимире Мау или Сергее Зуеве, — не смогли создать то самое, что должно было бы защитить и их детища, и их самих от грубых преследований властей, — сплоченных коллег и выпускников, хотя бы часть которых захотела бы вступиться за своих вчерашних научных руководителей. Подписывались жалкие письма, но не было ни одной сколько-нибудь заметной акции студентов и преподавателей в поддержку своих преследуемых ректоров».

Не совсем понятно, кто «преследовал» Ярослава Кузьминова: он ушел в отставку по собственному желанию и вполне энергично объяснял, почему он не видит возможности дальше руководить Высшей школой экономики (можно предполагать, что подлинные причины были иными, но подобного рода предположения не могут быть причиной для протестов). Сергей Зуев действительно подвергся государственным преследованиям, но в его защиту студенты и выпускники Московской высшей школы социальных и экономических наук выступали, не только подписывая «жалкие» письма (и почему жалкие?), но и приходя на каждое заседание к зданию суда. Несколько раз там бывал и я, и с ними там общался (особенно много их было у здания суда в октябре 2020 года). Других возможностей

выступить в поддержку Зуева в нынешней России у студентов было мало.

Определять, какую акцию следует считать заметной, а какую нет, мне кажется сомнительным — примерно по той же причине, по которой в сообщениях о том, что «русские не выходят на демонстрации против войны», игнорируется деятельность тех немногих, кто все-таки осмеливается протестовать, несмотря на последствия. В защиту Марии Майофис и впс студенты Вышки выступали — и очень энергично — дважды: первый раз — когда нас попытались уволить в 2020 году, и второй раз — когда нас все-таки уволили в 2022-м. Более того, поддержка студентов — за которую я до сих пор им благодарен — наряду с поддержкой иностранных коллег и профсоюза «Университетская солидарность» -- во многом и привела к тому, что в 2020-м нас все-таки не уволили (я тогда подробно об этом писал). В 2022-м неизвестные мне люди развешивали в туалетах ВШЭ (там, где нет видеокамер) стикеры в нашу защиту. В 2022-м эта поддержка не могла нас спасти просто потому, что руководство, по-видимому, было настроено намного более энергично — «против лома нет приема». Точно так же не помогла поддержка студентов и выпускников в случае недавнего увольнения Ильи Николаевича Инишева. Но в нравственном смысле эта поддержка и в случае нас, и в случае Инишева была и остается все равно очень важной: она помогает студентам и профессорам почувствовать себя частью невидимого сообщества, которое не привязано только к организационным рамкам учебного процесса и делает общее дело — интеллектуальное и этическое.

По рассылке «Доксы» я постоянно вижу, что и в региональных вузах есть случаи выступлений студентов — и по политическим вопросам, и по вопросам, связанным с увольнением преподавателей — как раз тех, в диалоге с которыми студенты могли вырабатывать собственную этическую и политическую позицию. Таких случаев мало -- просто потому, что все, что движется, российские власти сегодня все агрессивнее закатывают в бетон — и многие университетские чиновники принимают в этом активное участие (хотя и тут есть разные подходы). Студентам, которые продолжают учиться в нынеш-

ней России и стремятся публично отстаивать точку зрения, отличную от позиции государственной пропаганды и вузовского руководства, приходится проходить через большие испытания, и я им очень сочувствую. Однако считать, что вообще никто из постсоветских преподавателей «не воспитал достойной смены», на мой взгляд, неправильно и несправедливо.

22–23.01.2023

Дмитрий Травин
Кандидат экономических наук, научный руководитель Центра исследований модернизации ЕУ СПб

То ли в связи с увольнением Владимира Мау с поста ректора РАНХиГС, то ли в связи со статьей Гасана Гусейнова, пошел спор о роли сислибов в нашей пореформенной жизни и конкретно о значении созданных ими университетов. Как ни странно, мне эта полемика напоминает спор рыночников с этатистами.

Сторонники госрегулирования всегда критикуют сторонников саморегулирования, указывая на провалы рынка и на то, что мудрая политика благонамеренных бюрократов, сопровождаемая советами ученых, могла бы провалы ликвидировать. Теоретически это верно. Но государство точно также неидеально, как и рынок. Реальные бюрократы зачастую коррумпированы, в советники к ним пробиваются не лучшие, а наиболее ушлые ученые, и в целом госрегулирование на практике редко является мудрым. Особенно в такой политической системе, как наша. Рыночники пришли к идее саморегулирования не потому, что в облаках витают, а потому, что трезво оценивают намерения «благонамеренного деспота».

Наши энергичные борцы с сислибами оценивают их деятельность с позиций идеальной демократии, за которую, мол, следует бороться вместо того, чтобы создавать пронизанные конформизмом университеты в рамках авторитарных режимов. Спору нет, при демократии университеты лучше получаются. Но давайте с небес спустимся на землю. Каковы плоды борьбы за демократию в пореформенный период? Их нет вообще. Сегодня даже популярные два-три года назад разговоры о нашем «гибридном» режиме стихли. Трудно найти в нем гибридность. А вот университеты, которые худо-бедно давали приличное образование, в России есть. И тысячи студентов смогли его получить. Возможно, завтра университеты деградируют, однако судьба этих тысяч людей — не мелочь, которую можно бросить на алтарь борьбы за демократию, покрыв презрением сислибов, разменивавшихся на такие «мелочи».

Мой сын окончил бакалавриат на факультете свободных наук и искусств СПбГУ, который существовал благодаря Алексею Кудрину. Магистратуру окончил в «Вышке», которую тогда возглавляли Ярослав Кузьминов и Евгений Ясин. РАНХиГС я лично знаю плохо, но люди, работавшие там, говорят, что Мау удалось создать хотя бы отдельные очаги реального образования. И это, на мой взгляд, немало.